

ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА

ВСЕОБЩЕЕ
И РАЗРАБОТКА

Л
ПР

ЮРИ

ВСЕСОЮЗНЫЙ ИНСТИТУТ ПО ИЗУЧЕНИЮ ПРИЧИН
И РАЗРАБОТКЕ МЕР ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ
ПРЕСТУПНОСТИ

ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА

«ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
Москва — 1975

34С5
Л66

МОНОГРАФИЯ НАПИСАНА АВТОРСКИМ КОЛЛЕКТИВОМ
В СЛЕДУЮЩЕМ СОСТАВЕ:

В. Н. Кудрявцев, Н. Н. Кондрашков, Н. С. Лейкина,
Г. М. Миньковский, С. С. Степичев, В. Г. Танасевич,
А. М. Яковлев — гл.гл. I—V;

Ю. Б. Мельникова — гл. VI, Г. Н. Борзенков — § 1, 2, 5
гл. VII, З. А. Вышинская — § 3, 4 гл. VII.

В написании § 3 гл. II участвовал С. Б. Алимов, § 2
гл. III — Ю. А. Погребинский, § 3 гл. III — А. П. Сыров, § 3
гл. V — Г. Н. Мудьюгин.

Редакционная коллегия: В. Н. Кудрявцев, Г. М. Минь-
ковский, А. Б. Сахаров.

Л $\frac{11002-121}{012(01)-75}$ 53—75

© Издательство «Юридическая литература», 1975

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава I. Понятие личности преступника	
§ 1. Понятие личности преступника	9
§ 2. Личность преступника и смежные понятия. Значение изучения	19
Глава II. Структура и основы классификации личности преступника	
§ 1. Структура личности преступника	30
§ 2. Соотношение социального и биологического в личности преступника	37
§ 3. Проблема классификации преступников	46
§ 4. Особенности классификации несовершеннолетних преступников	57
Глава III. Социальная среда и формирование личности преступников	
§ 1. Общие положения. Значение изучения среды для применения наказания и профилактической работы	68
§ 2. Недостатки воспитания в семье и школе. Учет этих обстоятельств в профилактической работе	77
§ 3. Недостатки воспитательной и хозяйственной деятельности в производственном коллективе. Учет этих обстоятельств в профилактической работе	94
§ 4. Отрицательные влияния в ближайшем бытовом окружении. Учет этих обстоятельств в профилактической работе	110
Глава IV. Социально-демографическая и уголовно-правовая характеристики преступников	
§ 1. Общие положения. Значение для применения наказания и профилактической работы	115
§ 2. Особенности социально-демографической и правовой характеристик несовершеннолетних преступников	132

§ 3. Особенности социально-демографической и правовой характеристик рецидивистов	145
--	-----

Глава V. Нравственно-психологическая характеристика преступников

§ 1. Общие положения. Значение для применения наказания и профилактической работы	154
§ 2. Направленность личности расхитителей	160
§ 3. Направленность личности насильственных и корыстно-насильственных преступников	169
§ 4. Направленность личности несовершеннолетних, совершивших преступления	177

Глава VI. Значение указанных в законе обстоятельств, характеризующих личность виновного, для индивидуализации наказания

§ 1. Общие положения	207
§ 2. Учет судом смягчающих и отягчающих ответственность обстоятельств, характеризующих личность преступника	214

Глава VII. Учет иных обстоятельств, характеризующих личность преступника, при назначении наказания

§ 1. Значение данных, характеризующих личность, но не включенных в перечни смягчающих и отягчающих обстоятельств	234
§ 2. Учет обстоятельств, относящихся к социальной характеристике личности	242
§ 3. Учет психических и физических аномалий личности	256
§ 4. Учет мотива и цели преступления	261
§ 5. Учет совокупности данных о личности виновного	264

ПРЕДИСЛОВИЕ

Перед представителями общественных наук стоит задача глубже разрабатывать проблемы, актуальные для настоящего и будущего¹. В советской криминологии к их числу, несомненно, относится проблема личности преступника.

Значение этой проблемы очевидно: преступность представляет собой социальное явление, связанное с определенным антиобщественным поведением людей; объяснить такое поведение, раскрыть его причины, найти эффективные средства воздействия на лиц, совершающих преступления, пути и средства предупреждения преступлений можно только при глубоком изучении всего, что характеризует преступника как социального индивида, как личность.

Проблема личности преступника носит комплексный характер. Ее разработка опирается на общие положения марксистско-ленинской социологии и социальной психологии. «...Социолог-материалист, делающий предметом своего изучения определенные общественные отношения людей, тем самым уже изучает и реальных личностей, из действий которых и слагаются эти отношения»². Советские криминологи, последовательно применяя методологию диалектического материализма, дают решительный отпор буржуазным концепциям «прирожденного преступника», «биогенетической предрасположенности» к преступлениям, любым попыткам игнорировать действительную природу преступления как социального явления, порожденного социальными же причинами. Иными словами, личность преступника исследуется в нашей науке не как «вещь в себе», а в единстве личностных особенностей и условий жизни и воспита-

¹ См. «Материалы XXIV съезда КПСС», М., 1971, стр. 86, 87.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 424.

ния субъекта. Причем задача состоит в том, чтобы вскрыть конкретные механизмы прямой и обратной связи между личностью и средой, формирования и реализации мотива преступного поведения, выбора соответствующего варианта поведения в определенной ситуации.

С точки зрения организации эффективной борьбы с преступностью мало указать, что лицо «захотело» совершить преступление, надо выяснить, почему оно «захотело» и почему именно этот вариант целенаправленного поведения оказался предпочтительным. А для этого необходимо изучение личности преступника в связи с теми явлениями, которые привели к возникновению и укоренению антиобщественных взглядов и привычек, реализованных в преступном (общественно опасном и виновном) поведении.

Личность преступника изучается с позиций ряда наук: криминологии, уголовного права, исправительно-трудового права, криминалистики, судебной психологии и т. д. В практической деятельности по борьбе с преступностью она изучается работниками органов расследования и суда, исправительно-трудовых учреждений, других государственных органов и представителями общественности, которые участвуют в исправлении и перевоспитании преступников, в профилактической работе по предупреждению преступлений. При этом данная проблема выступает как проблема межотраслевая, обретающая в каждом случае специфическое конкретное содержание и преломление.

Вместе с тем любой из названных аспектов проблемы не исчерпывается отдельным случаем, а предполагает широкий, обобщенный подход к понятию личности преступника, выявление и учет некоторых общих, типичных, повторяющихся признаков, свойств, связей и ситуаций.

Не только законотворческая деятельность, но и практическое применение уголовного закона, в частности индивидуализация ответственности и наказания, выбор режима лишения свободы, досрочное освобождение от наказания и т. п., предполагают использование определенных критериев и приемов, выработанных наукой и практикой на основе обобщенных данных о личности преступника.

Научный подход к понятию личности преступника необходим также при разработке соответствующих

положений методики и тактики расследования уголовных дел, основных положений судебной психологии, исправительно-трудовой педагогики и т. д.

Что касается криминологии, то и здесь весьма существенно значение личности преступника не только в плане установления причин конкретного преступления, но и как обобщенного понятия, позволяющего выделить такие криминогенные признаки и свойства, которые присущи ряду лиц, объединяемых в группы (типы) по тем или иным основаниям (вид совершенного преступления и т. д.). Именно в последнем случае перед нами открывается возможность определенных социальных обобщений и намечаются пути подхода к разрешению основной криминологической проблемы — устранению причин преступности.

Вместе с тем нельзя трактовать выделение отдельных сторон и свойств личности в качестве предмета изучения как доказательство множественности понятий личности — криминологического, уголовно-правового, исправительно-трудового и т. п. Генеральные направления ее исследования (в том числе мотивации поведения) всегда являются комплексными. Ведь сущность человеческой личности состоит в сущности тех общественных явлений, которые усваиваются лицом в процессе жизнедеятельности и выражаются в поведении¹. Личность есть «определенным образом реализованная интеграция в данном индивидууме социально значимых черт»².

Последнее определение в полной мере распространяется и на личность преступника, на мотивацию преступного поведения. «Каждый человек из числа лиц, совершающих антиобщественные поступки, является носителем многообразных общественных отношений и обладает как отрицательными, так и положительными качествами»³. Очень важно в этой связи выяснить (как для назначения и исполнения справедливого наказания, так и для профилактики), почему для такого лица оказался предпочтительным вариант антиобщественного поведения. Изучая личность в связи с ее ориентацией,

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 3.

² «Социология в СССР», т. 2, М., 1965, стр. 492.

³ Н. С. Лейкина, Личность преступника и уголовная ответственность, Л., 1968, стр. 8.

а не как «чисто» психологический феномен (характерологический, эмоциональный и т. п.), мы получаем развернутую криминологическую характеристику мотивации на основе анализа системы «личность—среда» (ситуация). Тем самым мы переносим центр тяжести коррекции личности и профилактики на генеральное направление специальной профилактики — оздоровление среды, устранение обстоятельств, которые формировали соответствующую мотивацию и провоцировали ее реализацию. Важнейшее методологическое правило исследования, сформулированное В. И. Лениным: «Часть должна сообразоваться с целым, а не наоборот»¹, полностью применимо в рассматриваемой области.

Для успешного развития исследований и плодотворного решения всей проблемы крайне важен систематизированный анализ ее содержания, включая понятие личности преступника, определение перечня и структуры признаков, образующих данную личность, устранение существенных разноречий в трактовке важнейших исходных положений, от которых зависит правильное решение всей проблемы. В частности, «общая классификация антиобщественного поведения нуждается в дальнейшем развитии и уточнении. Необходимость эта диктуется тем, что именно в процессе детализации типов поведения обнаруживается конкретный механизм образования и функционирования антиобщественной установки поведения»².

Настоящая монография ставит своей задачей на основе накопленного фактического материала решить ряд вопросов данной проблемы. В соответствии с этим в работе исследуются особенности понятия и структуры личности преступника, рассмотрено соотношение социального и биологического в личности преступника, анализируются социально-демографическая и нравственно-психологическая характеристики подобной личности. На этой основе рассматривается также специфика личности некоторых категорий преступников под углом зрения качеств и свойств, существенных для применения, исполнения наказания и профилактики преступлений.

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 15, стр. 362.

² Г. Л. Смирнов, Советский человек, М., 1971, стр. 284.

В книге специально освещена проблема классификации преступников в целом и характерные черты лиц, подпадающих под различные разделы этой классификации по направленности и степени стойкости их анти-социальной ориентации, что также имеет существенное значение для дифференциации мер воздействия и предупреждения преступлений.

В монографии излагаются основные результаты выборочных криминологических исследований личности преступников, произведенных сотрудниками Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности в период 1966—1974 гг.

Вопрос об использовании данных о личности преступника для профилактической работы рассматривается одновременно с характеристикой соответствующих типологических особенностей. В то же время вопросы назначения наказания судом с учетом личности преступника выделены в самостоятельные главы, поскольку предмет, пределы, способы изучения личности в рассматриваемом аспекте непосредственно урегулированы законом и криминологическая характеристика здесь наиболее тесно сплетается с правовой.

В этой связи авторами соответствующих глав изучено более 1000 уголовных дел. Почерпнутые из этих материалов данные о личности осужденных фиксировались в специально разработанной авторами анкете. Кроме того, для выявления мнения практических работников по ряду вопросов, относящихся к учету судом при назначении наказания личности осужденных, был проведен опрос свыше 250 судей, прокуроров и адвокатов. Все это дало возможность осуществить систематический анализ трактовки и учета судебной практикой обстоятельств, характеризующих личность виновного, при индивидуализации ответственности и наказания и выдвинуть на этой основе некоторые рекомендации по дальнейшему совершенствованию этой практики.

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии Л. И. Брежнев отметил: «Не может быть победы коммунистической морали без решительной борьбы с такими ее антиподами, как стяжательство, взяточничество, тунеядство, клевета, анонимки, пьянство и т. п. Борьба с тем, что мы называем пережитками прошлого в сознании и поступках людей, — это дело, которое требует к себе постоянного внимания партии, всех сознатель-

ных передовых сил нашего общества»¹. Развертывание научных исследований в области борьбы с пережитками прошлого, в том числе с наиболее острой их формой — преступлениями, призвано способствовать решению этой задачи. Внести посильный вклад в эти исследования стремились и авторы настоящей книги.

Разумеется, и теоретическая, и экспериментальная часть работы отражает современный уровень разработки проблемы личности преступника в криминологии, который характеризуется не только достижениями, но и пробелами в определенных вопросах, дискуссионностью некоторых решений. Однако представляется, что попытка систематизированного анализа основных аспектов криминологического учения о личности преступника в связи с профилактикой и назначением наказания может принести определенную пользу практическим и научным работникам. Авторы и редакционная коллегия будут благодарны за все критические замечания и пожелания, высказанные применительно к проблемам, рассмотренным в этой книге.

¹ «Материалы XXIV съезда КПСС», стр. 84.

1. П
общес
и разр
учения
сметри
являющ
отноше
числе
другим
ная жи
истори
качеств
явлени
рактери
«...С
составл
физичес
Кол
ношени
ных ин
ностью

С
рия, Л.
М., 1969
1968. «В
социалст
для эт
Б. Д. П
1971; Г.
риянов

Глава I

ПОНЯТИЕ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА

§ 1. Понятие личности преступника

1. Понятие личности преступника тесно связано с общесоциологическим понятием человеческой личности и разрабатывается на основе марксистско-ленинского учения о личности¹. Как известно, в нем личность рассматривается как социальная сущность человека, проявляющаяся в его положении в системе общественных отношений, в тех позициях, которые он занимает в бесчисленном множестве контактов и взаимоотношений с другими людьми, из которых складывается общественная жизнь людей. Личность — категория общественно-историческая. Она не может быть раскрыта и понята в качестве некоего изолированного и замкнутого в себе явления, в отрыве от социальной действительности и характеризующих ее конкретно-исторических условий.

«...Сущность «особой личности», — писал Маркс, — составляет не ее борода, не ее кровь, не ее абстрактная физическая природа, а ее *социальное качество...*»².

Конкретный индивид как субъект общественных отношений, характеризуемый совокупностью разнообразных индивидуальных свойств и качеств, является личностью. Но в то же время понятие личности объединя-

¹ См. подробнее Б. Г. Ананьев, Человек как предмет познания, Л., 1969; Е. А. Ануфриев, Социальная активность личности, М., 1969; Л. П. Буева, Социальная среда и сознание личности, М., 1968; «Высшие ценности», М., 1971; Т. М. Даутов, Личность как социологическая проблема, Алма-Ата, 1970; А. Г. Ковалев, Психология личности, М., 1970; И. С. Кон, Социология личности, М., 1967; Б. Д. Парыгин, Основы социально-психологической теории, М., 1971; Г. Л. Смирнов, Советский человек, М., 1971; В. П. Тугаринов, Личность и общество, М., 1965 и др.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 242.

ет в себе черты и свойства не только отдельного лица, но и человека как члена общества, гражданина, представителя определенных классов, социальных групп и т. д., воплощающего в себе некоторые социально-типичные черты. «...Сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений»¹.

Идеологи антагонистического общества стремятся скрыть действительную связь между личностью и обществом, абсолютизировать понятие личности, оторвать ее от процессов общественного развития, поставить «над обществом». Личность трактуется ими как индивид, наделенный особыми свойствами и качествами, которые выделяют его из общей массы людей, ставят над этой массой, позволяют властвовать как над самим собой, так и над другими, определять ход исторических событий. При этом подобная сущность личности не связывается ни с характером общества, ни с действительным положением в нем человека, а выводится из неких исключительных и притом абстрактных особенностей индивида, таких, как «сильная воля», «высшая форма мышления» и т. п. Важнейшими чертами личности считаются также могущество, власть, сила, независимость от других и т. п.

Политический смысл подобных концепций личности очевиден. Они оправдывают социальное неравенство людей в антагонистическом обществе, придавая ему «естественный» характер.

В современной буржуазной социологии существуют различные определения личности, отражающие многочисленные течения и направления буржуазной философии — биопсихологические, фрейдистские, неопрейдистские, бихевиористские, субъективно-идеалистические, вульгарно-социологические и т. п. Но все они едины в том, что рассматривают человеческую личность в отрыве от коренных социальных условий как некий изолированный от общества субстрат, самосоздающий свою внутреннюю сущность и самоопределяющий ее внешние проявления.

Подлинно научное решение проблемы личности дает только марксистско-ленинская теория. Марксизм разоб-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 3.

лачил несостоятельность идеалистической трактовки личности, мистифицирующей это понятие. Он убедительно показал, что содержание личности, ее роль в общественной жизни, ее активность определяются условиями общественной жизни, положением, которое индивид занимает в системе общественных отношений.

Каждый человек — это личность, хотя личности, разумеется, не равнозначны и не равноценны. Одни активно способствуют общественному прогрессу, другие препятствуют ему, третьи — занимают пассивную позицию. Подлинную ценность человеческой личности составляют не происхождение человека, не его общественное положение, богатство, знатность и т. п., а его социальная позиция, общественная активность, вклад, который он вносит в общий социальный прогресс.

Общественное самосознание, т. е. понимание общественной значимости своих поступков, — важнейший элемент личности, без которого невозможно говорить о социальной сущности человека. «...В истории общества, — писал Ф. Энгельс, — действуют люди, одаренные сознанием, поступающие обдуманно или под влиянием страсти, стремящиеся к определенным целям. Здесь ничто не делается без сознательного намерения, без желаемой цели»¹.

Сознание человека, а вместе с ним и все содержание его как личности определяются совокупностью всех общественных отношений — экономических, политических, идеологических, правовых и т. п., под воздействием которых формируется личность. Любая из известных истории классовых антагонистических формаций характеризовалась тем, что господствовавшие в ней материальные и духовные условия жизни людей — система собственности, организация производства и потребления материальных благ, политическая власть, официальная мораль, религия, право — препятствовали развитию личности подавляющего большинства членов общества — трудящихся, росту их общественного самосознания и творческой активности.

Полный и всесторонний расцвет человеческой личности оказался возможным лишь в социалистическом

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 306.

обществе, где уничтожены классовый антагонизм, неравенство и эксплуатация.

«Условия для всестороннего развития личности, — сказано в Программе КПСС, — созданы благодаря историческим социальным завоеваниям — освобождению от эксплуатации, безработицы и нищеты, от дискриминации по признакам пола, происхождения, национальности, расы. Каждому члену общества предоставлены равные возможности для творческого труда и образования. Исчезают отношения зависимости и неравенства между людьми в общественной и семейной жизни. Личное достоинство каждого гражданина охраняется обществом»¹.

При социализме впервые в истории осуществлен принцип подлинного коллективизма в организации общественной жизни людей. Забота о благе личности является высшим законом социалистического общества, а укрепление и процветание общества служит основой и гарантией благополучия личности. Тем самым устранены источники непримиримых противоречий между личностью и обществом и между личностями в обществе и обеспечены невиданные ранее возможности для совершенствования человеческой личности.

2. Личность — понятие многогранное. Она представляет собой индивидуальное выражение социально значимых свойств, индивидуальную форму бытия общественных отношений, меру социальности человека. Но, разумеется, социальный характер самого понятия «личность» отнюдь не дает основания для того, чтобы игнорировать потребности и свойства человека, связанные с его биологической организацией. «Каждый человек обладает комплексом физической и психологической организации, первичными потребностями, с удовлетворением которых связана огромная сфера сознания, его переживания, интересы, стремления... Это воздействие надо учитывать каждый раз, когда речь заходит об отдельном человеке. Но наукой давно установлено, что при всей важности природно-естественных факторов решающее воздействие на поведение масс, а через их посредство и на поведение индивидов оказывают социальные условия и социальная направленность сознания людей»².

¹ «Материалы XXII съезда КПСС», М., 1962, стр. 411—412.

² Г. Л. Смирнов, указ. работа, стр. 48.

В литературе справедливо отмечалось, что одинаково ошибочны как односторонняя психологизация понятия личности, состоящая в попытке рассматривать личность лишь как совокупность определенных психических свойств, состояний, процессов, безотносительно к ее социальному положению, функциям и т. д., так и односторонняя социологизация этого понятия — сведение личности к ее социальному положению, к совокупности ее социальных отношений, функций и недооценка важности ее психического мира¹.

Противопоставление социального психическому представляется в принципе неверным, ибо психические явления, имея определенную естественную основу, вместе с тем в значительной мере обусловлены социально и характеризуют человека именно как общественное существо, как личность.

Важнейший признак человека как личности — его сознание, весь его внутренний духовный мир. Обусловленный внешними, социальными условиями, этот мир сам становится активным составным элементом личности, опосредствуя в соответствии с собственным содержанием воздействие на человека всех проявлений социальной действительности, определяя в конкретном случае выбор им той или иной социальной позиции, образа поведения. «Психические явления органически вплетаются в целостную жизнь личности, поскольку основная жизненная функция всех психических явлений и процессов заключается в регуляции деятельности людей. Будучи обусловлены внешним воздействием, психические процессы обуславливают поведение, опосредствуя зависимость поведения субъекта от объективных условий»².

Таким образом, марксистский подход к проблеме личности предполагает диалектическое единство социального и других элементов содержания этого понятия.

¹ См. Б. Д. Парыгин, Социальная психология как наука. Л., 1965; он же, Основы социально-психологической теории, М., 1971, стр. 100—106, 113—116; Н. С. Лейкина, Личность преступника и уголовная ответственность, Л., 1968, стр. 3—6 и др.

² С. Л. Рубинштейн, Принципы и пути развития психологии, М., 1959, стр. 122.

Важный элемент психологии личности — отношение к различным социальным ценностям и сторонам действительности: к обществу, окружающим людям, собственной персоне, семье, детям, к собственности, труду, различным гражданским обязанностям и т. п. Содержание этих отношений характеризует направленность личности, для которой существенны наиболее глубокие, осознанные и устойчивые отношения, образующие убеждения, идеалы, нравственные позиции. Поведение человека, в котором личность получает свое внешнее проявление, связано всецело также с интеллектуальной, эмоциональной и волевой сферой личности.

Социальная сущность психологии личности выражается в том, что она не сводится к индивидуально-психологическим особенностям человека, а представляет собой единство общего, особенного, частного его развития и формирования. В этом смысле личность наследует и отражает социальный опыт всех предыдущих поколений, в той или иной мере приобщается к общечеловеческим национальным достижениям культуры, труда, творчества, социального поведения и овладевает ими. Вместе с тем личность всегда воплощает в себе черты определенного социального строя в ее классовом сознании, общем мировоззрении, политических идеалах и т. д. Наконец, человеческая личность есть воплощение определенных индивидуально-неповторимых черт и свойств, в которых отражается индивидуальный жизненный путь человека, его индивидуальное бытие, обусловленное конкретным содержанием его семейных, производственных, бытовых и прочих отношений и связей — той микросреды, в которой он живет, действует и формируется как личность.

Общее, особенное и индивидуальное в человеческой личности и в условиях ее формирования находится в неразрывном единстве. В частности, индивидуальное бытие, при всем его конкретном многообразии у представителей одного поколения и одной и той же социальной группы, всегда «является проявлением и утверждением общественной жизни»¹, общественных связей индивида с другими людьми и как таковое неизбежно отражает

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, -Из ранних произведений, М., 1956, стр. 590.

общесоциальные условия и опыт исторического развития. Точно так же и общесоциальные условия, весь опыт исторического развития проявляются и воздействуют на личность в значительной мере через ее индивидуальное бытие. «...Развитие индивида обусловлено развитием всех других индивидов, с которыми он находится в прямом или косвенном общении... различные поколения индивидов, вступающие в отношения друг с другом, связаны между собой... физическое существование позднейших поколений определяется их предшественниками... эти позднейшие поколения наследуют накопленные предшествовавшими поколениями производительные силы и формы общения, что определяет их собственные взаимоотношения. Словом, мы видим, что происходит развитие и что история отдельного индивида отнюдь не может быть оторвана от истории предшествовавших или современных ему индивидов, а определяется ею»¹.

Социальная обусловленность психологии личности четко сформулирована К. Марксом и Ф. Энгельсом в известном тезисе: «...действительное духовное богатство индивида всецело зависит от богатства его действительных отношений...»².

3. Изложенные общетеоретические положения о человеческой личности являются исходными для решения криминологических и правовых аспектов проблемы личности.

В частности, решение этой проблемы в криминологии находится в прямой зависимости от того, какой признается природа человека, его нравственная сущность. Одно решение вытекает из признания того, что человек «от природы — зверь», что в нем всегда есть (как нечто естественное, врожденное) определенный «заряд» зла, жестокости, порочности, который в соответствующих условиях проявляется в преступлении. Принципиально иное решение надо принять, если считать, что такие свойства, как жестокость, злобность, склонность к стяжательству и т. п., — это порождение определенных социальных условий формирования личности.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 440.

² Там же, стр. 36.

В первом случае проблема личности преступника будет решаться с позиций биологизма, врожденной асоциальности, различных «комплексов» и «импульсов» агрессивности, нечестности, жадности или во всяком случае будет исходить из этих порочных предпосылок. Подобная трактовка характерна для реакционных теорий буржуазной криминологии.

Во втором случае решение этой же проблемы будет основываться на признании социальной обусловленности того, что характеризует личность преступника, будет направлено на раскрытие социальной природы, социальных связей и зависимостей, приводящих к превращению человека в преступника.

Именно на этих исходных позициях стоит марксистская криминология.

Нельзя согласиться с мнением о том, что понятие личности применимо только к субъектам, «ведущим образ жизни, соответствующий идеалам эпохи или класса»¹. Высказывания такого рода смешивают понятия личности и ее направленности, ориентации. Необходимость выяснения источников формирования взглядов и привычек, приведших к преступлению, мотивации преступления, нравственных деформаций, подлежащих устранению, и т. п. — все это обуславливает необходимость и правомерность оперирования термином «личность» в его обычном значении и применительно к лицам, совершающим преступления².

Личность преступника — это личность человека, виновно совершившего общественно опасное деяние, запрещенное законом под угрозой уголовной ответственности. Факт совершения преступления характеризует данную личность как антиобщественную. Но он не исчерпывает и не объясняет всего ее содержания. В человеке, совершившем преступление, необходимо видеть, писал К. Маркс, «нечто большее, чем правонарушите-

¹ В. П. Тугаринов, Личность и общество, М., 1965, стр. 88.

² Правильная критика упомянутого высказывания В. П. Тугаринова содержится в работе В. Д. Филимонова «Общественная опасность личности преступника», Томск, 1970, стр. 20. Г. Л. Смирнов отмечает в этой же связи не только существование понятия «личность преступника», но и включение его в более общее понятие «личность субъекта с антиобщественным поведением» (см. указ. работа, стр. 277—292).

ля... Разве каждый из граждан не связан с государством тысячью жизненных нервов, и разве оно вправе разрезать все эти нервы только потому, что этот гражданин самовольно разрезал *какой-нибудь один* нерв? Государство должно видеть и в нарушителе... человека, живую частицу государства, в которой бьется кровь его сердца, солдата, который должен защищать родину, свидетеля, к голосу которого должен прислушиваться суд, члена общины, исполняющего общественные функции, главу семьи, существование которого священо, и, наконец, самое главное — гражданина государства»¹.

Как ни существенно само по себе то или иное проявление личности, в том числе и факт совершения преступления, правильное суждение о нем, а тем более о личности в целом возможно лишь на основе всех существенных социальных свойств и проявлений личности, их содержания, соотношения, в частности «удельного беса» социально-положительных и социально-отрицательных признаков и проявлений данной личности в их взаимосвязи. Именно совокупность подобных социальных свойств и признаков личности, их структура и соотношение не только дают наиболее полное представление о тех, кто совершает преступление, но и в значительной мере помогают понять такое поведение, надлежаще оценить сам поступок и лицо, его совершившее. Только такой подход к личности преступника может обеспечить правильное использование результатов ее изучения для социального планирования борьбы с преступностью, уголовной политики и для выбора надлежащих мер коррекции личности и профилактики в каждом конкретном случае.

Личность преступника, как и всякая человеческая личность, включает в себя определенную систему нравственно-психологических свойств. Психология личности, в том числе и те ее особенности, которые в определенной конкретной ситуации влияют на совершение лицом запрещенного законом преступного посягательства, формируются под воздействием определенных социальных условий, в значительной зависимости от тех конкретных социальных связей, в которых данная личность

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 132.

выступала и выступает. В то же время социальные условия и конкретные внешние влияния опосредствуются индивидом через его психику и ее особенности, лишь таким образом проявляясь в поведении.

Важнейшее положение марксистской психологии и социологии о связи психологии личности и внешних условий ее существования (формирования) целиком относится и к рассматриваемой проблеме. Как и всякое поведение, преступление не может быть выведено только и непосредственно из внешних условий по примитивной формуле: «стимул — реакция». Все побудительные силы, вызывающие действия человека, должны, писал Ф. Энгельс, сначала пройти через его голову, превратиться в побуждения его воли¹.

Рассматривая преступление как результат сложного взаимодействия многих обстоятельств, среди которых важную роль играет сама личность — конкретное содержание и особенности характеризующих данную личность признаков, свойств, связей, отношений, в том числе и ее нравственно-психологические свойства и особенности, марксистская криминология твердо исходит из того, что нет таких черт личности, которые заранее и с неизбежностью предопределяли бы совершение лицом преступления. Особенности личности, обуславливающие антиобщественное поведение, являются результатом определенных условий жизни, воспитания, влияния, связей и т. п.; они приводят к совершению преступления не автоматически и фатально, а под воздействием внешних условий и обстоятельств, конкретной ситуации, при участии сознания и воли лица, сохраняющего возможность выбрать различные варианты поведения.

Иными словами, личность преступника не может пониматься как некая «преступная личность», внутренне обреченная на подобную социальную роль, так же как и сама преступность — явление, по природе своей социальное, не может объясняться индивидуальными особенностями подобной личности.

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 310.

§ 2. Личность преступника и смежные понятия. Значение изучения

1. В любом исследовании необходимо прежде всего разобраться в содержании понятия, которым обозначают исследуемое явление.

Один из путей уяснения смысла того или иного понятия — отграничение его от иных смежных с ним понятий. Закон и правовая теория оперируют терминами: «лицо, виновное в совершении преступления», «субъект преступления», «обвиняемый», «подсудимый», «осужденный», «заключенный». Встречаются и такие словосочетания, как «личность виновного», «личность подсудимого», «личность заключенного» и т. п. Как соотносятся эти понятия с понятием «личность преступника»? Бесспорно, они очень близки и взаимосвязаны, поскольку во всех случаях речь идет об одной и той же фигуре — о том, кто совершил (или предполагается совершившим) преступление. Но при всей близости это не тождественные понятия, так как они выражают различные социально-правовые стороны проявления качества этой единой фигуры.

Правовые термины: «лицо, виновное в преступлении», «лицо, совершившее преступление», наконец, просто «преступник» — выражают лишь факт совершения преступления конкретным индивидом, который этим термином и обозначается. Никакие иные данные об особенностях этого лица в содержание рассматриваемого термина не входят. Конечно, признание лица виновным в преступлении (преступником) предполагает одновременно и соответствующую социальную его оценку. Но это именно предполагается, сам же термин исчерпывается указанием на факт виновности.

В том же плане разграничиваются понятия личность преступника и обвиняемый, подсудимый, осужденный, заключенный.

Лицо, которое в установленном законом порядке привлечено к уголовной ответственности, признается обвиняемым; обвиняемый, преданный суду, именуется подсудимым, а подсудимый, в отношении которого вынесен обвинительный приговор, является осужденным (ст. 46 УПК РСФСР¹). Во всех этих случаях

¹ Здесь, как и в дальнейшем, при ссылках на статьи Уголовно-процессуального и Уголовного кодексов РСФСР имеются в виду и

речь идет о конкретном лице, выступающем на различных этапах движения уголовного дела в качестве определенной процессуальной фигуры — носителя установленных законом обязанностей и прав. Каждое из этих понятий не тождественно понятию «преступник» хотя бы потому, что не всегда, например, обвиняемый в действительности оказывается преступником (а преступник — обвиняемым).

Поэтому и термины личность обвиняемого, подсудимого, осужденного не однозначны понятию личность преступника, а имеют свое специфическое содержание, связанное с процессом осуществления правосудия на основе строгого соблюдения прав и законных интересов граждан, полного, всестороннего, объективного исследования обстоятельств дела. Усиление внимания к личности обвиняемого (так же, как подсудимого и осужденного) обоснованно связывается с расширением гарантий социалистического правосудия и личности в советском уголовном процессе¹.

Пенитенциарный термин «заключенный» означает конкретного человека, выступающего в качестве объекта исправительно-трудового воздействия и субъекта связанных с этим его положением обязанностей и прав². Заключенный — это лицо, признанное преступником, осужденное судом к лишению свободы и потому оказавшееся в заключении. И хотя понятия преступник и заключенный оказываются, таким образом, весьма тесно связанными, каждое из них имеет самостоятельное значение³.

Наиболее близки по своему значению понятия «личность преступника» и «личность виновного». На первый взгляд может показаться, что эти понятия равнозначны, так как в обоих случаях речь идет о совокупности при-

соответствующие статьи Уголовно-процессуальных и Уголовных кодексов иных союзных республик.

¹ См. Ю. В. Манаев, Судебное исследование обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого, автореферат канд. дисс., М., 1968, стр. 14—17.

² Термин «заключенный» применяется и для обозначения лиц, к которым применена мера пресечения в виде заключения под стражу («следственно-заключенный»). В этих случаях он фиксирует правосубъектность обвиняемого (подсудимого) в части, связанной с пребыванием под стражей.

³ К числу пенитенциарных понятий личности относятся также «условно осужденный», «условно-досрочно освобожденный» и т. п.

наков, свойств, качеств, характеризующих одну и ту же социальную фигуру — лицо, совершившее преступление. Однако и здесь нет тождества, ибо сама эта фигура берется в различных ракурсах, под разным углом зрения — криминологическим и уголовно-правовым. Поэтому объем и содержание того, что характеризует подобную фигуру в каждом из названных ее значений, различны.

Отсюда и различие в значении терминов, содержание которых всегда определяется той функциональной ролью, которая на них возложена.

Личность преступника — наиболее широкое и емкое понятие, выражающее социальную сущность лица, сложный комплекс характеризующих его признаков, свойств, связей, отношений, его нравственный и духовный мир, взятые в развитии, во взаимодействии с социальными и индивидуальными жизненными условиями и в той или иной мере определившие совершение преступления. Она, строго говоря, в наиболее полном виде существует в момент совершения преступления¹.

Личность виновного — понятие более узкое, охватывающее главным образом те свойства и признаки индивида, которые имеют значение для определения степени его ответственности. Здесь в меньшей мере представлен «исторический» («биографический») аспект личности — ее становление, условия формирования и т. п., а преобладает статичная оценка. Термин «личность виновного» употребляется в законе в тех случаях (ст.ст. 32, 37, 38 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик²), когда речь идет об индивидуализации ответственности, требующей определения и учета характера и степени общественной опасности не только деяния, но и лица, его совершившего.

Особо следует сказать о соотношении понятий «личность преступника» и «субъект преступления».

¹ В этом смысле можно говорить о ее динамическом характере, приуроченности к конкретному отрезку времени, после чего наступают существенные изменения (например, в результате раскаяния, наказания и т. д.). О динамической и статической структуре личности см. Б. Д. Парыгин, Основы социально-психологической теории, стр. 131, 132.

² Этот закон в дальнейшем именуется сокращенно: Основы.

Субъект преступления — понятие правовое. Оно предполагает совокупность строго определенных законом признаков, при наличии которых лицо может нести уголовную ответственность за свои действия, т. е. может рассматриваться как преступник. Советское уголовное право не сводит понятие субъекта преступления к юридической абстракции, а связывает правовую сущность субъекта преступления с его социально-политической характеристикой, с моральным обликом лица, виновного в преступлении.

Но содержание и целевое назначение понятия субъекта преступления ограничено все тем же — он выступает как необходимое условие (а в некоторой степени и обоснование) уголовной ответственности; только вменяемое лицо, достигшее определенного возраста, подлежит ответственности за совершение действий, противоречащих закону.

Личность преступника включает в себя в числе прочих те признаки, которые согласно закону характеризуют субъект преступления: физическую сущность лица как человеческого индивида, его возраст и психическую способность ко вменению, а также некоторые особые признаки (например, должностное положение, пребывание на военной службе, особые обязанности или особое положение по отношению к потерпевшему и т. д.), в силу которых лицо может рассматриваться как специальный субъект.

Однако в понятии личности преступника указанные признаки субъекта преступления отражают несравненно более широкое, емкое, разнообразное и вместе с тем детализированное содержание. Так, возраст не сводится к факту достижения уголовно-правовой дееспособности, а рассматривается как свойство, связанное с многими социальными функциями и проявлениями. Психологическая характеристика личности преступника хотя и предполагает вменяемость, но отнюдь не исчерпывается способностью сознавать значение своих действий и руководить ими, а охватывает сложный комплекс интеллектуальных, волевых, эмоциональных качеств и т. д.

Кроме того, личность преступника охватывает многие другие признаки индивида, не связанные с его правовой характеристикой как субъекта преступления, — положение в системе общественных отношений, больших

и малых социальных групп; социальные связи и проявления; отношение к существующим социальным ценностям; психологические особенности и т. д. Подробно об этом будет сказано при анализе структуры личности преступника.

Личность виновного (так же как и личность преступника) не укладывается полностью в рамки состава преступления и, в частности, его субъекта, но она и не существует без состава, признаки которого, относящиеся к субъекту, являются обязательной частью понятия личности преступника.

Иными словами, о личности преступника можно говорить лишь применительно к виновному лицу, достигшему определенного возраста и совершившему преступление, т. е. к тому, кто по закону является субъектом преступления.

Данное положение имеет принципиальное значение, так как учение о личности преступника обретает твердый правовой фундамент и тем самым его теоретическое развитие и практическое применение подчиняются требованию строгого соблюдения социалистической законности.

2. Глубокое и всестороннее исследование личности преступника чрезвычайно важно для успешного решения ряда научных и практических вопросов, связанных как с каждым отдельным уголовным делом, так и с общими задачами борьбы с преступностью. С этой точки зрения могут быть отмечены уголовно-правовой, процессуальный, исправительно-трудовой (пенитенциарный), криминологический и некоторые другие аспекты проблемы личности преступника и использования данных о личности.

Так, в уголовном праве многие обстоятельства, характеризующие личность преступника (например, совершение преступления в прошлом, служебное положение, особые отношения с потерпевшим — материальная или иная зависимость), фиксируются законодателем как признаки состава преступления и, следовательно, непосредственно влияют на решение вопроса об уголовной ответственности либо на квалификацию содеянного, а тем самым и на меру наказания. В еще большем числе случаев данные о личности, не будучи сами признаками состава преступления, помогают установить наличие или отсутствие какого-либо из этих признаков, слу-

жат как бы их критерием. Например, чтобы решить, была ли допущена лицом преступная небрежность, необходимо выяснить не только объективные обстоятельства события — время, место, обстановку, способ действия и т. п., но и некоторые данные, относящиеся к личности обвиняемого, позволяющие судить, должно ли было и могло ли данное лицо предвидеть общественно опасный характер своих действий и их последствий (служебное положение, круг обязанностей, квалификация и практический опыт в данной области, психические и физиологические особенности и т. д.).

Личность виновного по конкретному делу — отправной момент при решении вопроса о степени вины и индивидуализации ответственности и наказания¹.

Известно, что уголовный закон непосредственно с личностью преступника связывает общие начала назначения наказания (ст. 32 Основ), большинство смягчающих и отягчающих ответственность обстоятельств (ст.ст. 33 и 34 Основ), назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено законом (ст. 37 Основ), применение условного осуждения (ст. 38 Основ), определение режима лишения свободы (ст. 23 Основ), признание лица особо опасным рецидивистом (ст. 23¹ Основ) и др. Данные о личности помогают правильно решать вопросы об освобождении лица, совершившего преступление, от уголовной ответственности или от наказания (ст. 43 Основ), о замене уголовной ответственности принудительными мерами воспитательного характера (ст. 10 Основ), о передаче дела в товарищеский суд или передаче виновного на поруки (ст.ст. 51, 52 УК РСФСР), об условно-досрочном освобождении от наказания (ст.ст. 44 и 45 Основ), о некоторых случаях снятия судимости (п. 7 ч. 1 и ч. 2 ст. 47 Основ), применения административного надзора и т. д.

В процессуальном праве данные о личности преступника имеют значение прежде всего для определения направления производства по делу, решения вопросов о выполнении необходимых процессуальных действий и актов. Например, сведения о личности весьма существенны для выбора той или иной меры пресечения;

¹ Этот вопрос детально рассматривается в гл.гл. VI и VII. В настоящей главе дается лишь общая его характеристика.

в некоторых случаях они определяют необходимость производства экспертизы (о вменяемости, авторстве документа и др.), следственного эксперимента, обыска и т. д.

Без учета личности нельзя избрать правильную тактику проведения отдельных следственных действий — допроса обвиняемого, очной ставки, опознания, обыска и т. п.

Здесь процессуальный аспект личности соединяется с тем значением, которое она имеет в судебной психологии и криминалистике.

Данные о личности, несомненно, имеют и определенное доказательственное значение. Конечно, никакие нравственные качества, черты характера и т. п. не могут сами по себе служить основанием для вывода о виновности лица в конкретном преступлении. Но косвенным свидетельством определенных обстоятельств они могут быть. Например, данные о субъекте как лице слабовольном, безынициативном являются серьезным противовесом показаниям соучастников, изображающих это лицо организатором и руководителем преступления. В некоторых случаях косвенными доказательствами могут служить различные биографические данные о личности обвиняемого, фактах его прошлой жизни, его связях, окружении, контактах, взаимоотношениях с определенными людьми и т. п.

Так, в постановлении от 4 июня 1960 г. «О судебной практике по делам об умышленном убийстве» Пленум Верховного Суда СССР, отметив серьезное значение данных о личности подсудимых, подчеркнул, что выявление всех этих данных «в ряде случаев может иметь значение для раскрытия обстоятельств преступления и в особенности мотивов его совершения»¹.

Личность конкретного преступника является также важнейшим фактором, без знания и учета которого невозможна реализация задач исправительно-трудового права — организация оптимально-эффективного исправления и перевоспитания каждого осужден-

¹ «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924—1973», М., 1974, стр. 474. См. также «Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть Общая», М., 1967, стр. 209—211; «Научно-практический комментарий УПК РСФСР», М., 1970, стр. 97—98, 101.

ного в процессе отбывания им наказания, определение индивидуальных методов и средств воздействия на него, применение на практике в каждом конкретном случае общих положений пенитенциарной педагогики.

3. Особо следует подчеркнуть значение личности преступника для выполнения требований закона о выявлении по каждому делу причин и условий, способствовавших совершению преступления, и принятии мер к их устранению (ст. 21 УПК РСФСР). Это требование сформулировано в процессуальном законе. Вместе с тем оно носит «сквозной» характер, ибо представляет собой одну из кардинальных задач органов правосудия по уголовному делу наряду с задачей раскрытия преступления, изобличения и справедливого наказания преступника. Наряду с уголовно-правовым и процессуальным здесь проявляется криминологическое значение личности преступника по конкретному делу.

Анализируя характеризующие преступника признаки, которые в сочетании с определенными условиями и обстоятельствами повлияли на совершение данным лицом общественно опасного посягательства, мы получаем возможность наиболее полно выявить и устранить причины такого поведения¹. При этом можно выделить три основных направления реализации данной задачи:

а) установление условий нравственного формирования личности (в семье, школе, на производстве, среди ближайшего бытового окружения, связей, знакомств и т. п.) и оздоровление этих условий;

б) выявление криминогенных обстоятельств конкретной жизненной ситуации, повлиявшей с учетом особенностей данной личности на совершение преступления, и устранение подобных обстоятельств;

в) анализ социально-психологических свойств субъекта (взгляды, навыки, привычки, содержание и уровень интересов и потребностей, особенности характера и воли и т. п.) и индивидуальное перевоспитание данного лица.

¹ Уместно вспомнить слова известного русского юриста: «Для того, чтобы мстить и пугать, не надо много изучать человека, но для того, чтобы воспитательным образом серьезно повлиять на преступника, нужно знать многое такое о его личности, что дается лишь систематическим научным наблюдением» (С. В. Познышев, Криминологическая психология, Л., 1926, стр. 177).

4. Некоторые авторы полагают, что изучение личности преступника необходимо только для того, чтобы ответить на «совершенно конкретный, но очень ограниченный в социально-познавательном отношении вопрос: почему именно данный индивид совершил данное преступление»¹. Общекриминологическому значению личности преступника при таком подходе фактически противопоставляется «индивидуально-социологическое изучение личности преступника», которое, по мнению его сторонников, в отличие от изучения причин и условий, способствовавших совершению преступлений, не может основываться на «масштабных» явлениях, а сводится к тому, чтобы «изучить определенное лицо, совершившее то или иное конкретное правонарушение»². Однако хорошо известно, что понять индивидуальное явление в области общественной жизни невозможно без знания общих закономерностей. Одним из путей познания последних и служит изучение массовых социальных явлений.

Чтобы понять массовые социальные явления (к числу которых относится и преступность), необходимо стремиться к более широким обобщениям, изучать не только отдельных лиц, но и все то общее, чем все они характеризуются. Поэтому личность преступника не может рассматриваться лишь на уровне конкретного лица, совершившего преступление. Никакая даже самая полная характеристика подобного лица не исчерпывает социальной сущности преступника как определенного родового криминологического понятия. В данном вопросе криминология применяет тот же подход, что и общая социология личности, которая, по справедливому замечанию И. С. Кона, «вправе отвлечься от индивидуальных особенностей лиц, рассматривая их просто как социальные типы»³.

Криминологическая трактовка личности предполагает выявление и учет социальных и социально значимых признаков, свойств, связей, отношений, характеризующих не просто конкретного субъекта преступления, но и других лиц, не подчиняющихся требованиям закона, совер-

¹ А. А. Герцензон, Введение в советскую криминологию, М., 1965, стр. 127.

² «Проблемы искоренения преступности», М., 1965, стр. 77.

³ «Социология личности», М., 1967, стр. 21. О социологической (криминологической) типологии личности преступника как родовом понятии см. также Г. Л. Смирнов, указ. работа, стр. 278—292.

шающих преступления и проявляющих тем самым свою общественную опасность. А это в свою очередь позволяет раскрыть механизм антиобщественного поведения в целом и различных его видов.

5. Таким образом, криминологическая трактовка личности преступника предполагает различные «уровни» обобщения этого понятия: конкретное лицо, различные категории (типы) преступников, наконец, общее понятие такой личности.

Объем и содержание признаков личности преступника на каждом из указанных уровней обобщения этого понятия, естественно, различны. Понятие личности конкретного преступника, несомненно, содержит больше признаков, чем понятие личности той категории преступников, к которой должен быть отнесен данный субъект, ибо последняя по самой своей сути есть результат известного абстрагирования от многих частных и особенностей отдельного человека. В то же время понятие личности преступников той или иной категории (например, воров-рецидивистов, расхитителей, насильников, убийц, хулиганов) в известном смысле глубже понятия личности конкретного преступника, так как оно включает в себя социальные черты и свойства, наиболее характерные для всей данной группы лиц, хотя и не обязательно присущие каждому ее представителю¹.

Общее понятие личности преступника в свою очередь по числу характеризующих его признаков оставляет за своими пределами не только богатое разнообразие конкретных особенностей каждого отдельного случая, но и специфику различных категорий (типов) преступников, ограничиваясь минимальной совокупностью признаков, свойственных всем нарушителям уголовного закона. Однако и это общее понятие безусловно имеет определенное содержание и известное научное и практическое значение.

Не следует, разумеется, смешивать общие понятия с реально существующими и отражаемыми ими социальными явлениями. Это различие для юристов достаточно

¹ Характеристика личности преступника на уровне категории (типа) подробно излагается в гл.гл. IV и V.

хорошо известно. Например, пользуясь такими общими понятиями, как «государство», «право» и др., являющимися полезными абстракциями, мы можем изучать различные исторические типы и формы государств и правовых систем, реально существовавших и существующих в человеческом обществе.

Равным образом общее понятие «личность преступника» есть абстракция. Пока оно не наполнено конкретным содержанием, оно имеет в основном рабочее, вспомогательное значение, позволяя проводить научный анализ различных категорий преступников.

Глава II

СТРУКТУРА И ОСНОВЫ КЛАССИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА

§ 1. Структура личности преступника

1. При рассмотрении структуры личности преступника возникают такие вопросы: из чего складывается личность преступника; какие характеризующие правонарушителя признаки, свойства, связи образуют в своей совокупности это понятие; как группируются, соотносятся и классифицируются признаки, образующие личность преступника.

Все это важно для построения правильной научной концепции данной проблемы, для разработки и реализации системы практических мероприятий, призванных исправить и перевоспитать лиц, совершивших преступление, предупреждать преступления.

Личность преступника как разновидность человеческой личности включает в себя прежде всего общие признаки последней. При этом для криминолога эти общие признаки важны постольку, поскольку в структуре личности преступника они приобретают особое содержание и значение, оказываются так или иначе связанными с антиобщественным поведением индивида. К структуре личности преступника относятся далее признаки, специфические именно для подобной личности, определяющие и выражающие ее общественную опасность, характер и степень последней. Следует подчеркнуть, что качественное различие между личностью преступника и не-преступника определяют не отдельные признаки (например, низкий образовательный уровень, ограниченность интересов, недобросовестное отношение к труду, пристрастие к алкоголю и т. д.). Ведь не все преступники характеризуются этими признаками и в то же время некоторые

из таких признаков присущи порой и не преступникам. Важна определенная их совокупность.

Таким образом, криминологическая характеристика личности преступника представляет собой систему черт, которые в своей совокупности характеризуют лицо, совершающее то или иное преступление, различные стороны и проявления его общественного существования и жизненной практики и которые прямо или косвенно связаны с подобным антиобщественным поведением человека, обуславливают или облегчают совершение преступления либо помогают понять причины его совершения. При этом структура личности преступника отражает не только разнообразие образующих ее признаков, их различный характер, но и различную их роль в этиологии преступного поведения и в то же время их взаимосвязь и взаимодействие¹.

2. В литературе были высказаны различные соображения о структуре личности преступника². На данной

¹ Ряд авторов правильно указывают на признак неустойчивости, внутренней противоречивости структуры личности преступника как системы (см. К. Е. Игошев, Психология преступных проявлений среди молодежи, М., 1971, стр. 114; В. И. Кудрявцев, Категория причинности в советской криминологии, «Советское государство и право» 1965 г. № 11, стр. 83; П. С. Дагель, Учение о личности преступника в советском уголовном праве, Владивосток, 1970, стр. 49). Эта неустойчивость облегчает возможность исправления и перевоспитания преступников. Однако на определенный момент или период структура личности преступника как система существует.

² См. Б. В. Волженкин, Общественная опасность и ее значение для уголовной ответственности и наказания по советскому уголовному праву, автореферат канд. дисс., Л., 1964; Ю. Д. Блужтейн, Теоретические вопросы статистического изучения личности преступника, автореферат канд. дисс., М., 1968, стр. 7—8; И. Т. Ведерников, Изучение личности преступника в процессе расследования, автореферат канд. дисс., М., 1965, стр. 8; П. С. Дагель, Учение о личности преступника в советском уголовном праве, Владивосток, 1970, стр. 61—71; М. М. Коршик, С. С. Степичев, Объем и методика изучения личности обвиняемого, «Социалистическая законность» 1965 г. № 3, стр. 43—45; Н. С. Лейкина, Личность преступника и уголовная ответственность, Л., 1968, стр. 126—127; Г. М. Миньковский, Особенности классификации несовершеннолетних преступников («Вопросы изучения и предупреждения правонарушений несовершеннолетних», М., 1970); А. Б. Сахаров, Учение о личности преступника, «Советское государство и право» 1968 г. № 9, стр. 64—69; В. Д. Филимонов, Общественная опасность личности преступника, Томск, 1970, стр. 9—12; «Личность преступника (Уголовно-правовое и криминологическое исследование)», Казань, 1972, стр. 9—11 и др.

стадии разработки этой проблемы наиболее обоснованной представляется следующая схема криминологической ее характеристики:

1) социально-демографические и уголовно-правовые признаки;

2) социальные проявления в различных сферах общественной жизни;

3) нравственные свойства;

4) психологические особенности.

К социально-демографическим признакам относятся: пол, возраст, образование¹, социальное положение и род занятий, семейное положение, принадлежность к городскому или сельскому населению и некоторые другие данные (материальное положение, жилищные условия и т. п.).

Подобные признаки сами по себе характеризуют каждого человека, любую группу людей и все население в целом, однако взятые в статистическом выражении применительно к лицам, совершившим преступление, указывают на существенные «сдвиги» в характеристике именно этого контингента, т. е. дают криминологическую информацию, имеющую важное научное и практическое значение².

Так, данные о половом составе преступников характеризуют «удельный вес» в преступности мужчин и женщин, показывая значительное и притом устойчивое преобладание первых, сигнализируют о происходящих колебаниях в этом соотношении, указывают преступления, в которых доля женщин относительно больше, и т. д. Знание подобных данных помогает выявить причины и условия, влияющие на нежелательные явления в состоянии и динамике преступности, и принять меры к их устранению.

Возрастная характеристика преступников позволяет судить о криминогенной активности различных возрастных групп, об особенностях антиобщественного поведения людей различного возраста, о специфике возраст-

¹ Иногда образовательно-культурные признаки выделяются в самостоятельную группу.

² Именно поэтому основные социально-демографические показатели, характеризующие личность преступника, учитываются уголовной статистикой, причем наблюдается тенденция расширения круга учитываемых данных.

ного состава различных категорий преступников. Все это помогает повысить конкретность и эффективность предупредительной работы среди различных возрастных групп населения — несовершеннолетних, молодежи, людей зрелого и пожилого возраста, учитывая возрастные особенности психологии, социальных ролей, производственно-бытовых условий жизни и т. п.

Данные об образовании преступников устойчиво свидетельствуют о зависимости антиобщественного поведения от уровня образования и интеллектуального развития, влияющих на круг интересов и потребностей, времяпрепровождение и поведение. Все это также помогает более глубоко понимать причины антиобщественного поведения и вместе с тем указывает на один из важных путей его предупреждения.

Весьма существенны данные о социальном положении и роде занятий лиц, совершающих преступления. Эти данные показывают, в каких социальных слоях и группах, в каких сферах общественной жизни и производства более распространены те или иные преступления; ориентируют на поиск и выявление криминогенных факторов, специфических для различных профессиональных и иных групп населения, для различных отраслей хозяйства, видов производства и т. п.

Аналогичное значение имеют данные о местожительстве преступников (город, село, рабочий поселок и т. д.), их миграционной подвижности, семейном положении, материальной обеспеченности и т. д.

Необходимо подчеркнуть, что криминологическая информативность и «показательность» социально-демографических признаков личности преступника возрастает, когда они анализируются в совокупности, динамически (за определенный период времени), в сопоставлении с данными общей демографической, экономической, социально-культурной и иной статистики.

Уголовно-правовые признаки личности преступника — это данные о характере совершенного преступления, его направленности и мотивации, единоличном или групповом характере преступной деятельности, рядовой или организаторской роли в ней, о прошлой судимости или фактическом рецидиве (повторности) преступления и т. п. Подобные признаки являются важнейшим критерием для суждения о личности виновного, о степени его общественной опасности. Вместе с тем было бы серьез-

ной ошибкой абсолютировать значение преступления при оценке личности преступника, строить эту оценку только на данных о преступлении. Закон требует учитывать личность преступника наряду с характером и степенью общественной опасности совершенного преступления и обстоятельствами, смягчающими и отягчающими ответственность (ст. 32 Основ). Совершенное преступление, его мотивы (например, корысть, месть) и другие признаки (например, жестокость) могут соответствовать устойчивым нравственным свойствам личности виновного, ее направленности, ценностной ориентации и т. п., а могут расходиться с ними, быть для данной личности не характерными, случайными проявлениями, обусловленными особыми привходящими обстоятельствами. Исследования личности преступника способствуют, таким образом, правильному определению причин совершенного преступления и надлежащей индивидуализации ответственности.

Для характеристики личности преступника весьма существенны ее *проявления в различных сферах общественной жизни*. Речь идет, в частности, о положении индивида в системе существующих общественных отношений, о принадлежности к определенным социальным группам, его взаимоотношениях и взаимодействиях с другими людьми, учреждениями и организациями, в семейной, производственной (учебной), общественно-политической, бытовой сферах человеческой практики.

Функционирование в любой сфере человеческой практики связано с определенным статусом человека, с некоторыми обязанностями и правами. Общество в целом и непосредственное окружение (семья, производственный коллектив, бытовая среда и т. д.) устанавливают предписания определенного поведения, которого они ожидают от индивида применительно к сфере проявления и ситуации. Подобные предписания («ожидания») детерминируют поведение индивида, но иногда оказываются в противоречии с его собственными устремлениями и желаниями. Принимает ли индивид такие предписания? Оправдывает ли обращенные к нему ожидания? Все это также важно для характеристики личности. В частности, именно невыполнение этих предписаний может лечь в основу конфликта, который привел к совершению преступления.

Другим источником конфликта, нередко приводящего

к преступлению, бывает разрыв между фактическим положением и возможностями лица и его притязаниями, т. е. тем, на что он претендует, чего хочет достичь. Такой конфликт неизбежен, когда уровень притязаний не соответствует объективным возможностям и субъективным способностям индивида, вследствие чего они не могут быть удовлетворены обществом.

Социально-демографические признаки и проявления в различных сферах общественной жизни не дают еще полного представления о личности преступника, ибо характеризуют такую личность преимущественно с внешней стороны, не раскрывая ее внутреннего содержания. Подобное содержание в наибольшей степени проявляется в *нравственных свойствах и психологических особенностях личности.*

В этом плане особое значение имеют морально-политические, мировоззренческие и нравственные черты и свойства человека: взгляды, убеждения, оценки, жизненные ожидания и стремления, ценностные ориентации и т. п. Все многообразие этих качеств личности можно в конечном итоге свести к следующим двум моментам. Во-первых, установившиеся отношения к различным социальным и моральным ценностям и различным сторонам действительности, трудовым обязательствам как ведущей сфере деятельности члена социалистического общества, к социалистической собственности, к семье, детям, к посторонним лицам и собственной персоне и т. д. и т. п. II во-вторых, уровень, характер и социальная значимость испытываемых лицом потребностей и притязаний (социально полезные и оправданные или социально вредные, неоправданные) и избираемых способов их удовлетворения (легальные, неправомерные, общественно опасные).

Для характеристики личности преступника существенны также особенности ее интеллектуальных, эмоциональных и волевых свойств.

К интеллектуальным свойствам относятся: уровень умственного развития, объем знаний, жизненный опыт, широта или узость взглядов, содержание и разнообразие интересов и т. д.

Эмоциональные свойства личности составляют: сила, уравновешенность или подвижность нервных процессов (темперамент); динамичность чувств, степень эмоциональной возбудимости, сила и темп реакции на различ-

ные раздражители и ситуации, постоянство или изменчивость переживаний и т. п.

Волевые свойства личности включают: умение регулировать свою деятельность, способность принимать и осуществлять принятые решения, добиваться намеченной цели. Это проявляется в таких качествах, как целеустремленность, последовательность, инициативность, активность, находчивость, твердость, стойкость, настойчивость, выдержка, самообладание, упрямство, решительность, энергичность, и в иных аналогичных, а также противоположных им чертах и свойствах личности.

Показателем и критерием нравственных свойств личности является поведение индивида, вся его жизненная социальная практика. Это значит, что в основе суждения о личности преступника должны лежать не просто мнения и оценки опрашиваемых в таких случаях лиц (родственников, сослуживцев, знакомых), а конкретные факты поведения исследуемого лица, оцениваемые в совокупности.

Рассмотренные выше признаки, характеризующие личность преступника, находятся в определенной зависимости и взаимосвязи. Так, конкретные условия жизни индивида и, в частности, то, что мы определили как социально-демографические признаки (возраст, образование, род занятий, местожительство и т. д.), в известной мере определяют его положение в различных сферах общественной жизни и вместе с последним являются решающими факторами в формировании и развитии нравственных свойств личности. В свою очередь нравственно-психологические свойства, несомненно, отражаются на том, как складываются социальные условия жизни индивида, каким влияниям и воздействиям он подвергается, какие социальные роли играет и как их выполняет.

Это взаимодействие всех сторон личности достаточно отчетливо проявляется и в случаях преступного поведения. Человек оказывается преступником под влиянием неблагоприятных внешних условий и воздействий (которые порой сам создает или «находит» в силу своих нравственно-психологических особенностей), воспринятых и преломленных им в соответствии с присущими ему нравственными представлениями, интеллектуальными, эмоциональными и волевыми свойствами.

Таким образом, мы имеем дело не с простой совокуп-

ностью признаков, а с определенной системой, образующей структуру личности преступника и требующей выявления и учета существующих связей и зависимостей их элементов.

Говоря о структуре личности преступника, нельзя обойти вопрос о роли и значении биологических признаков, о соотношении социального и биологического в изучении и объяснении причин преступного поведения.

Биологические признаки человеческой личности не следует, конечно, игнорировать. Однако представляется более правильным рассматривать их применительно к предмету криминологического изучения не как самостоятельную характеристику, а главным образом как компонент в процессе формирования и поведения личности.

§ 2. Соотношение социального и биологического в личности преступника

1. Вопрос о роли «приобретенного» (социального) и «естественного» (биологического) в преступном поведении человека имеет принципиальное значение. Необходимость в освещении этого вопроса связана, в частности, с появившимися в последние годы в литературе утверждениями, что якобы в советской криминологии существует недооценка биологических свойств преступника, изучаются социальные причины преступности, а биологические детерминанты человека при этом совершенно игнорируются¹.

Решая вопрос о понятии личности преступника и ее признаках, необходимо подчеркнуть главное: человеческая личность, в том числе личность преступника, есть продукт определенных социальных влияний, связей, отношений. При любой природной основе различные социальные условия (воспитание, образование, окружение, образ жизни и т. п.) способны выработать как нравственно положительный, так и нравственно отрицательный облик личности, и, следовательно, в конечном итоге именно эти условия определяют ее социальную сущность. Это

¹ См., например, И. С. Ной, Личность преступника и ее значение в изучении преступности в условиях социалистического общества, «Ученые записки Саратовского юридического института», вып. XVI, Саратов, 1969, стр. 14; он же, Методологические проблемы советской криминологии, Саратов, 1975, стр. 139.

не означает, конечно, что в структуре индивидуально-личностных свойств и качеств человека, обуславливающих совершение им преступления, психофизиологические и вообще биологические признаки не имеют никакого значения. Но их роль не главная.

Имеются ли в личности преступника такие естественные психофизиологические свойства, которые отличают его от человека, не совершающего преступления, и, следовательно, имеют криминогенное значение?

На этот кардинальный вопрос следует ответить отрицательно. Наука и практика не выявили так называемой «преступной предрасположенности» человека. Биологические свойства (и то не целиком) обуславливают телесную организацию человека — структуру и функции его органов. Однако это только предпосылка для развития человеческого существа. Не она является решающим фактором развития и изменения человеческого рода и общества. Основоположники марксизма неоднократно отмечали, что человеческая деятельность как по своему содержанию, так и по способу существования носит общественный характер.

2. Биологический характер имеют такие откладывающие определенный отпечаток на личность человека признаки, как возраст, пол, а также индивидуальные физические и психологические особенности. Однако во всех этих случаях «срабатывает» не столько биологическая природа подобных признаков, сколько их социальное содержание и значение¹. Рассмотрим это подробнее.

Возрастные особенности существенным образом влияют на формирование личности. Понятно, что внешние воздействия социальной среды различны в зависимости от возраста человека. К тому же эти воздействия падают на разную «почву»: незрелость нервной системы в раннем возрасте, неподготовленность организма к многим психическим проявлениям, особенности детского организма и тому подобное приводят к тому, что различны результаты этих воздействий. На каждом возрастном этапе развития личность с ее социальным содержанием неодинакова. Отсюда и разная реакция на одни

¹ Именно с учетом социального содержания пол и возраст рассматриваются в числе социально-демографических признаков личности.

и те же или объективно сходные конкретные жизненные ситуации, в которых могут находиться люди разного возраста.

Сам факт уменьшения распространенности антиобщественных поступков с повышением возраста соответствующей группы населения имеет, несомненно, социальные причины. С повышением возраста положительные социальные связи становятся обычно более прочными, более устойчивыми и разветвленными. Большой жизненный опыт дает возможность выбрать социально правильную линию поведения даже в сложных ситуациях.

Таким образом, возраст не выступает в качестве самодовлеющей причины каких-либо «криминогенных» свойств личности, а тем более — причины конкретных преступных актов поведения. Он лишь одно из обстоятельств, с которым связаны различные социальные проявления личности.

Характер интересов, представлений о жизненных ценностях, привычек, норм и особенностей поведения в различных условиях не может не быть связан с половыми различиями, преломляемыми в психике данного человека. А это в конечном итоге проявляется и в особенностях поведения.

Но значительно меньшая доля в преступности женщин в сравнении с мужчинами, о чем более подробно будет сказано ниже, объясняется не биологическими особенностями пола, она связана с положением, которое женщина занимает в семье, в быту, на производстве, в обществе в целом, т. е. с факторами явно социального характера. Биологическое различие полов настолько опосредствовано социальными факторами, что именно им и принадлежит ведущая роль в различном формировании психологии мужчин и женщин.

Вот почему, рассматривая возраст, пол и прочие подобные показатели, следует говорить скорее о социально-биологических, а не просто о биологических признаках личности, имея в виду, что «даже за естественными характеристиками индивида (пол, возраст, этническая принадлежность и т. д.) стоят в конечном итоге социальные свойства»¹.

¹ И. С. Кон, указ. работа, стр. 16—17.

В процессе нравственного формирования личности особое значение имеют физические и психические индивидуальные особенности человеческого организма. Они, как и половые либо возрастные различия, сказываются на формировании личности опосредствованным образом, изменяя условия восприятия человеком внешней среды.

Так, состояние здоровья и некоторые особенности физической конституции могут сказываться на выборе профессии, отразиться на семейном положении, обусловить некоторые потребности, а иногда и черты характера. Понятно, физические недостатки человека (уродство, хроническая болезнь и др.) — это такие обстоятельства, с которыми данный человек вынужден считаться в своем поведении, как он считается со своими экономическими и иными социальными возможностями. Стало быть, эти факторы, не являясь причинами антиобщественного поведения, могут вместе с тем оказать при определенных условиях неблагоприятное воздействие на формирование жизненных взглядов и привычек. Но и в таких случаях «срабатывает» не чисто биологическое содержание подобных признаков, а их социальное значение. Причем отрицательные последствия указанных особенностей личности не неизбежны. Все эти индивидуальные особенности могут и должны учитываться в социальной практике при обеспечении надлежащих условий воспитания в семье, учебном и трудовом коллективе и т. д. с тем, чтобы они не сказались отрицательно на формировании личности.

В еще большей мере сказанное относится к психическим особенностям личности (тип нервной системы, свойства памяти, восприятия, мышления), которые также сами по себе не определяют содержания поступков человека (будут ли они общественно полезными или вредными). «Представитель любого типа нервной системы может овладеть вершинами человеческой культуры и стать полноценным членом общества»¹.

Психические особенности сказываются на формировании личности в ее взаимодействии со средой, но опять-

¹ А. Г. Губко, Тип нервной системы и успешность обучения, «Материалы XVIII Международного психологического конгресса», вып. 1, М., 1966, стр. 365.

таким по-разному. Характер этого взаимодействия настолько сложен и в нем участвует такое число факторов, что заранее, априори мы не можем утверждать, что наличие или отсутствие тех или иных психических особенностей приведет к неблагоприятным (или, напротив, благоприятным) результатам в процессе формирования личности.

Известный русский психолог А. Ф. Лазурский обоснованно подчеркивал, что извращенное развитие человеческой личности связано не с отсутствием или недостаточностью тех или иных психических качеств, а большей частью с несоответствием между особенностями психики и теми внешними условиями, в которых происходит развитие человека. При этом может получиться так, что «основные потребности и задатки человека, заглушенные и подавленные неблагоприятными обстоятельствами, продолжают, тем не менее, развиваться, принимая, однако, в своем развитии самые уродливые и противоестественные формы»¹.

Нередко такого рода процессы приводят к появлению отрицательных нравственных черт личности: лживости, жестокости, безразличия или недоброжелательства к другим людям и др. Нравственные качества получают, таким образом, извращенное, уродливое развитие, сказываясь затем и на конкретных поступках человека, его взаимоотношениях с другими людьми.

Социальное происхождение указанных нравственных извращений, казалось бы, не должно вызывать сомнений. Тем не менее в буржуазной философии и криминологии систематически высказывается мнение о том, что существуют прирожденные отрицательные и положительные нравственные качества.

Марксизм принципиально иначе решает эти вопросы. «...Как эгоизм, так и самоотверженность, — подчеркивали К. Маркс и Ф. Энгельс, — есть при определенных обстоятельствах необходимая форма самоутверждения индивидов»². Человек от природы не может быть эгоистом или альтруистом, данные качества — продукт общественных отношений, результат формирования его личности.

¹ А. Ф. Лазурский, Классификация личностей, М., 1924, стр. 27.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 236.

Исследования особенностей нравственного формирования личности дают основания сделать вывод, что сами по себе биологические свойства личности нельзя считать причинами преступного поведения человека; самое большее — это то, что они иногда играют роль условий, способствующих или затрудняющих правильное нравственное формирование личности. Учет этих условий должен состоять прежде всего в том, чтобы обеспечить дифференцированный подход к воспитанию людей, в особенности подростков и молодежи. Особенности возраста, пола, физического и психического развития, если они правильно учтены при организации воспитательной работы, могут сыграть положительную роль в формировании личности. Если же воздействие социальной среды не учитывает этих особенностей и, более того, противоречит им, то неблагоприятный результат развития такой личности не должен нас удивлять. Мы не можем изменить некоторых биологических качеств людей, зато мы можем их использовать в положительном плане или нейтрализовать в результате продуманного социального воздействия¹.

3. В поведении преступника (в период формирования преступного намерения и совершения преступления) всегда взаимодействуют два социальных фактора: конкретная жизненная ситуация, играющая роль повода к совершению преступления, и личность с ее антиобщественными качествами, сложившимися под влиянием социальной среды. Вместе с тем взаимодействие этих факторов опосредствовано психической деятельностью мозга.

В каждом человеческом поступке так или иначе сказываются: во-первых, уровень развития, объем знаний, широта или узость взглядов, содержание и разнообразие интересов, т. е. интеллектуальные особенности; во-вторых, волевые качества, степень эмоциональной возбудимости, сила и темп реакции на внешние раздражи-

¹ Академик Н. П. Дубинин, отмечая, что воспитание должно быть индивидуальным, учитывая генетические различия детей, решительно подчеркивает в то же время ошибочность взглядов «о якобы генетической обусловленности духовных и социальных черт личности» как проявление чуждой идеологии, направленной на подавление личности неоправданным «биологическим диктатом» Н. П. Дубинин, Вечное движение, М., 1973, стр. 433—434, 439).

тели и ситуации; в-третьих, целостность или расщепленность, последовательность или противоречивость, устойчивость или податливость данной натуры и, наконец, в-четвертых, направленность личности, т. е. система взглядов, представлений, убеждений, отношение к различным социальным и моральным ценностям, характер испытываемых потребностей и допускаемые способы их удовлетворения.

Мотив преступного поведения представляет собой отражение в сознании человека действительно существующих или созданных его воображением потребностей. Эти потребности в большинстве случаев социально обусловлены, а средства их удовлетворения всегда избираются индивидом в соответствии с его взглядами, жизненной установкой, которые также имеют социальное происхождение. «На основе социальных потребностей социальную окраску приобретают и биологические потребности. Изменяются способ и метод их удовлетворения»¹. Иными словами, сам отбор испытываемых потребностей в значительной мере носит социальный характер.

Нравственная дилемма — «можно или нельзя» встает перед лицом именно потому, что оно испытывает определенную потребность. Решение подобной дилеммы зависит от взаимодействия социальных качеств личности с силой и интенсивностью испытываемой потребности. Не случайно одним из важных аспектов нравственного воспитания личности является не только умение регулировать испытываемые потребности, но и отбор социально оправданных потребностей, воспитание и тренировка потребностей, влечений, в том числе и естественных, о чем неоднократно говорил А. С. Макаренко².

Можно согласиться с П. С. Дагелем, что у «лица с антиобщественной установкой или у лица, у которого не выработаны твердые общественно-положительные установки, эти инстинкты, влечения и рефлексy могут вызвать соответствующее антиобщественное поведение»³.

¹ Д. А. Кикнадзе, Потребности, поведение, воспитание, М., 1968, стр. 9.

² См. А. С. Макаренко, Соч., т. 4, М., 1957, стр. 38, 43, 45 и др.

³ П. С. Дагель, Проблема «бессознательного» и некоторые вопросы вины в уголовном праве, «Ученые записки Дальневосточного государственного университета», т. 14, Владивосток, 1968, стр. 79.

Однако речь идет не о каких-то особых «преступных» инстинктах и рефлексах; это те же влечения и рефлексy, которые свойственны всякому человеку. Главной и здесь является социальная сущность данной личности, в частности недостаточно усвоенные культурные навыки и традиции, невоспитанность чувств, недостаточно выработанная привычка контролировать свое поведение. Как писал А. С. Макаренко, «половой инстинкт, инстинкт огромной действенной силы, оставленный в первоначальном «диком» состоянии и усиленный «диким» воспитанием, может сделаться только антиобщественным явлением»¹.

Поскольку внешние воздействия среды оказывают влияние на поведение человека через его психику, нарушения нормальной деятельности организма могут подчас существенно исказить правильную линию поведения. Таковы, например, психопатии, аффективно-волевые аномалии и другие расстройства психических процессов (чрезмерная возбудимость, неустойчивость настроения, эмоциональная незрелость, повышенная внушаемость и др.), не исключающие вменяемости. Можно ли их считать такими свойствами личности, которые являются причинами преступного поведения?

В этой связи надо отметить, что, во-первых, процент психопатов среди преступников не отличается существенно от аналогичного показателя для лиц, не совершающих преступлений². Во-вторых, сама проблема происхождения психопатий — в значительной мере социальная проблема³. И наконец, главное заключается в том, что в поведении любого вменяемого лица, в том числе и психопата, патологические черты не являются определяющими. Они опосредствуются социальным содержанием его сознания. Так, в зависимости от содержания сознания и морально-этических установок, в частности повышенная эффективная возбудимость может трансформироваться то в более высокие формы ее проявления, например в «бурную» нетерпимость к недостаткам,

¹ А. С. Макаренко, Соч., т. 4, стр. 245.

² См. О. Е. Фрейеров, О так называемом биологическом аспекте проблемы преступности, «Советское государство и право» 1966 г. № 10, стр. 109.

³ Детализированные данные на основании выборочного изучения несовершеннолетних приводятся в гл. V.

то в более примитивные и антисоциальные: в брутальность, в нанесение окружающим оскорблений и побоев¹. Стало быть, ведущая роль опять-таки принадлежит социальным факторам. Это же следует отнести и к оценке временных состояний (чрезмерное возбуждение, опьянение, усталость и др.). При этом временные состояния психики (если они не являются характерной чертой данного человека, например хронического алкоголика) скорее есть результат взаимодействия личности с ситуацией и во многом зависят именно от последней.

А как быть, если психические нарушения приобретают стойкий характер и их роль становится настолько большой, что именно они вызывают общественно опасное поведение?

Эта проблема решена в советской юридической науке и практике: те акты поведения, которые вызваны подобными причинами, «отсекаются», выводятся за пределы рассмотрения уголовным правом и криминологией. Это такие нарушения психики, которые делают человека невменяемым, так как лишают его способности отдавать отчет в своих действиях и руководить ими.

Ответственность как социальная форма воздействия на поведение людей возможна и эффективна лишь в том случае, если это поведение имеет социально обусловленный характер. Когда же биологические факторы начинают играть роль непосредственных причин опасного для общества поведения, когда само это поведение приобретает болезненный характер, порождается изъятиями в психике человека, необходимо медицинское вмешательство.

4. Все сказанное означает необходимость для криминолога знать и учитывать, какие индивидуальные признаки и свойства личности во взаимодействии с определенными условиями и обстоятельствами приводят к социально нежелательному результату, что способствует появлению подобных свойств, их развитию и проявлению в антиобщественном поступке. На этой основе могут быть обеспечены, с одной стороны, надлежащее нравственное формирование людей с учетом их индивидуальных особенностей, а с другой — эффективное пре-

¹ См. Р. Д. Лунц, Проблема невменяемости в теории и практике судебной психиатрии, М., 1966, стр. 97—98.

дупреждение общественно опасных проявлений. Изучение личности преступника должно способствовать решению названных задач. Необходимо отметить, что различные звенья структуры личности преступника изучены в криминологии далеко не одинаково. Наиболее полно исследованы пока социально-демографические и правовые признаки, социальные проявления и связи личности преступника. В этой области собран значительный материал и имеется ряд обобщений. Серьезные шаги сделаны в последние годы в изучении условий нравственного формирования личности преступника, того «социального микроклимата», в котором складывается подобная личность: семья, производственный коллектив, ближайшее бытовое окружение, знакомства, связи и т. д., а также в изучении поведения такой личности в различных социальных группах и в разных ситуациях. Значительно меньше изучены социально-психологические, в том числе и нравственные черты и свойства личности преступника, поскольку в этой области встречаются наибольшие трудности, и в первую очередь связанные с методикой таких исследований.

§ 3. Проблема классификации преступников

1. Лица, совершающие преступления, отличаются друг от друга множеством признаков, в том числе конкретным содержанием тех признаков и свойств (социально-демографических, нравственно-психологических и др.), которые, как изложено выше, образуют структуру личности преступника. Каждый преступник, как и вообще каждый человек, индивидуален. Вместе с тем всю совокупность лиц, совершающих преступления, можно разбить на определенные группы (типы), характеризующиеся каким-либо одним или несколькими признаками, положенными в основу такого деления (классификации). В советской юридической науке вопрос о классификации преступников решался преимущественно в связи с задачами назначения и исполнения наказаний, т. е. в уголовно-правовом и исправительно-трудовом аспектах. Подходя к рассматриваемому вопросу с указанных позиций, М. Д. Шаргородский писал: «В основу классификации должны быть положены: 1) физиологические критерии: а) пол, б) возраст, в) болезнь;

2) социальные критерии: а) стойкие рецидивисты, б) лица, совершившие преступления в первый раз и к ним приравненные. Дальнейшая дифференциация режима должна проводиться в зависимости от характера совершенного преступления, его цели, мотива, средств и способа действия»¹.

Эти положения были развиты Н. А. Беляевым. Он предложил всех заключенных в местах лишения свободы, помимо учета таких критериев, как возраст, пол, тяжесть преступлений и повторность, разделить на следующие группы: а) особо опасных государственных преступников, б) совершивших все иные преступления. Во второй группе в свою очередь, по мнению автора, следует различать лиц, совершивших преступления умышленно и по неосторожности, а лица, умышленно совершившие преступления, должны быть разделены на совершивших: а) корыстные преступления, б) преступления против личности, в) хулиганство, г) некорыстные преступления по должности². Несколько иную классификацию предложил Н. А. Стручков, выделивший шесть групп преступников в зависимости от характера совершенного преступления (особо опасные государственные, насильственные, корыстные преступления, совершаемые должностными и частными лицами, некорыстные преступления, нарушение должностных, профессиональных или иных обязанностей и запретов, умышленное уничтожение или повреждение имущества)³.

Приведенные классификации имеют ряд уязвимых мест. Так, Н. А. Беляев не учитывает лиц, совершающих некорыстные нарушения не должностных обязанностей и запретов (некоторые хозяйственные преступления, преступления против правосудия, против порядка управления, общественного порядка и общественной безопасности и т. п.), а Н. А. Стручков не выделяет в

¹ «Научная классификация преступников и задачи исправительно-трудового права». Теоретическая конференция, посвященная вопросам советского исправительно-трудового права и советской исправительно-трудовой политики, Л., 1958, стр. 9.

² См. Н. А. Беляев, Классификация преступников и ее значение, «Вестник ЛГУ» 1965 г. № 5.

³ См. Н. А. Стручков, Советская исправительно-трудовая политика и ее роль в борьбе с преступностью, Саратов, 1970, стр. 185—187.

самостоятельную категорию правонарушителей, совершивших неосторожные преступления. Главный же недостаток указанных классификаций состоит в том, что они построены исключительно по признаку совершенного преступления и не учитывают иные весьма существенные для характеристики личности преступника обстоятельства, относящиеся как к преступлению, так и особенно к самой личности.

С развитием криминологических исследований были выдвинуты иные подходы к классификации преступников. Так, А. Б. Сахаров считал главным для такой классификации степень общественной опасности личности, ее нравственной испорченности и педагогической запущенности¹. Здесь за основу взята уже непосредственная характеристика личности в сочетании с содеянным. Аналогичную позицию заняли также Г. М. Миньковский и Н. С. Лейкина.

Социально психологическую классификацию преступников предложил А. Г. Ковалев. На основе изучения лиц, отбывающих лишение свободы, он выделил три типа:

1) глобальный преступный тип, для которого характерна «полная преступная зараженность». К нему относятся бандиты, особо опасные рецидивисты и др.;

2) парциальный тип, т. е. с «частичной преступной зараженностью». «Личность этих людей, — пишет А. Г. Ковалев, — как бы раздвоена, в ней уживаются черты нормального социального типа и черты преступника». Это, например, лица, систематически совершающие хищения на производстве;

3) предкриминальный тип, охватывающий людей, которым присуща большая эмоциональная возбудимость, недостаточное самообладание и т. п. В конфликтной ситуации они способны на преступление (хулиганство, убийство из ревности и т. д.)².

Нетрудно видеть, что в основе этой классификации лежат несколько критериев. Это и характер нравственной ориентации, и степень ее стойкости, и некоторые

¹ См. А. Б. Сахаров, О личности преступника и причинах преступности в СССР, М., 1963, стр. 163—168. Дальнейшее развитие этой классификации дано в статье «Личность преступника и классификация преступников», «Социалистическая законность» 1973 г., № 3.

² См. «Психологические основы исправления правонарушителя», М., 1968, стр. 50 и след.

психологические черты (например, особенности темперамента). Многообразие черт личности и оснований деления соответствует практически наблюдаемым типам личностей преступников. Однако спорно выделение предкриминального типа по особенностям эмоционального склада, так как эмоциональные свойства сами по себе не имеют определяющего значения для совершения преступления, а сама терминология малоудачна.

2. Итак, классификация преступников может быть различной в зависимости от целей, которые она преследует. Это связано с тем, что единая задача борьбы с преступностью решается соответствующими отраслями права в различных аспектах и разными методами.

Так, уголовно-правовая классификация преступников призвана помочь правильной индивидуализации ответственности и наказания. Поэтому в уголовном праве принято деление преступников в зависимости от характера и степени общественной опасности совершенного преступления и связанной с этим опасности самой личности.

В исправительно-трудовом праве классификация преступников подчинена задаче правильной организации исполнения наказания и успешного исправления и перевоспитания осужденного. В соответствии с этим здесь, помимо дифференциации преступников по некоторым социально-демографическим признакам (пол, возраст), используется уголовно-правовая классификация осужденных по характеру и степени тяжести совершенного преступления и личности виновного, которая дополняется учетом некоторых нравственно-психологических особенностей различных категорий преступников, существенных для решения указанных задач и, в частности, для выбора средств педагогического и психического воздействия.

Криминологическая классификация преступников должна отразить причины индивидуального преступного поведения, их специфику и способствовать устранению этих причин, успешной профилактике преступлений. Следовательно, криминологическая классификация не может совпадать с уголовно-правовой и исправительно-трудовой.

В то же время из сказанного не следует делать вывода о противоположности или несовместимости указанных классификаций. Они совместимы, поскольку все

три отрасли имеют одну общую цель — борьбу с преступностью. В принципе можно себе представить единую систему классификации преступников, в которой в качестве подсистем будут представлены криминологический, уголовно-правовой и исправительно-трудовой (а возможно, и процессуальный) аспекты. Но, исходя из задач настоящей монографии, мы ограничиваемся проблемами криминологической классификации преступников.

3. Криминологическая классификация преступников может быть построена по различным основаниям. Здесь следует выделить два аспекта: а) преступность и ее причины в целом и организация общепредупредительной работы; б) конкретные лица, совершающие преступления, и индивидуальная профилактика.

При анализе преступности обычно прибегают к классификации лиц, совершивших преступления, по отдельным социально-демографическим признакам, выделяя преступников, например, по полу (мужчины и женщины), по возрасту (несовершеннолетние, молодые, зрелые и престарелые), по социальному положению (рабочие, служащие, колхозники, учащиеся, пенсионеры, неработающие) и т. п. Подобные группировки углубляют наши представления о состоянии преступности, подсказывают наиболее актуальные направления общепредупредительной работы. Но такая классификация не отражает различий в криминологической характеристике лиц, совершающих преступления.

Если мы ставим задачу индивидуального предупреждения преступлений, то многие из указанных признаков почти теряют смысл. Зато особое значение приобретают такие признаки (а следовательно, основания классификации), которые отражают характер и степень антиобщественной направленности личности.

Подобная классификация должна строиться по двум сочетающимся основаниям: 1) характеру антисоциальной направленности и ценностных ориентаций личности и 2) глубине, стойкости этой антисоциальности.

По характеру антисоциальной направленности и ценностным ориентациям можно выделить следующие группы:

а) негативно-пренебрежительное отношение к человеческой личности и ее важнейшим благам: жизни, здоровью, телесной неприкосновенности, чести,

достоинству, спокойствию и т. п. Подобное отношение лежит в основе умышленных агрессивных-насильственных преступлений против личности — убийств, телесных повреждений, изнасилований, оскорблений, клеветы и т. п., а также большинства случаев хулиганства;

б) корыстно-частно-собственнические тенденции, связанные с игнорированием социалистического принципа распределения материальных благ по труду, права социалистической собственности и личной собственности других лиц. Это характерно для совершения хищений, краж, мошенничества, взяточничества, спекуляции и иных корыстных преступлений;

в) индивидуалистическое отношение к различным социальным установлениям и предписаниям, к своим общегражданским, служебным, семейным и прочим обязанностям. Подобные антисоциальные черты определяют совершение ряда хозяйственных преступлений (выпуск недоброкачественной продукции, приписки, нарушение правил производства различных промыслов и т. д.), преступлений против порядка управления (нарушение паспортного режима, самоуправство), против правосудия (применение незаконных мер при допросе, ложные показания, побег из-под стражи), воинских преступлений (неисполнение приказа, уклонение от воинской службы, самовольная отлучка, дезертирство) и т. п.;

г) особо следует выделить легкомысленно-безответственное отношение к установленным социальным ценностям и своим обязанностям по отношению к ним, проявляющееся в различных неосторожных преступлениях.

Хотя каждую из групп «а» и «б» характеризует единый родовой объект посягательства (личность и собственность), а группу «г» — неосторожная форма вины, сама классификация исходит не из этих критериев, а из характера антисоциальности и ценностной ориентации личности, отражающихся в указанных признаках.

Намеченные группы, позволяющие классифицировать лиц, совершающих преступления, не исчерпывают, по-видимому, всех существующих вариантов и должны рассматриваться лишь как основные. Кроме того, они не всегда выступают в «чистом» виде. Возможны различные вариации и сочетания, проявляющиеся в соответствующих преступлениях. Так, преступники, соверша-

ющие разбой, убийства из корысти, уклонение от уплаты средств на содержание детей или родителей, находятся как бы «на стыке» первой и второй групп. Торговля наркотиками, частнопредпринимательская деятельность, самогоноварение — «на стыке» второй и третьей групп. Во всех этих случаях одна антисоциальная направленность проявляется в действии (например, нападение при разбое), другая — в его целях и мотивах (завладение чужим имуществом, обогащение).

Подобное положение возможно и при неосторожных преступлениях: например, водитель автомашины нарушает правила движения и допускает аварию потому, что решился на «левую» езду ради вознаграждения и торопился ее выполнить.

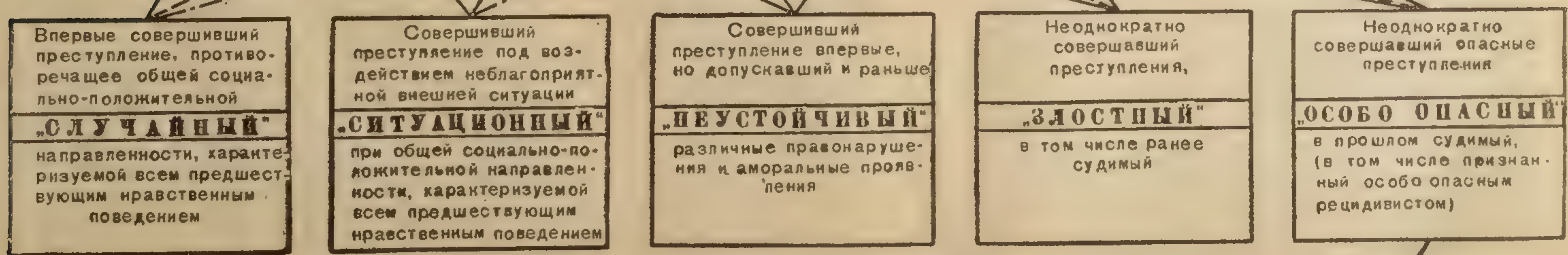
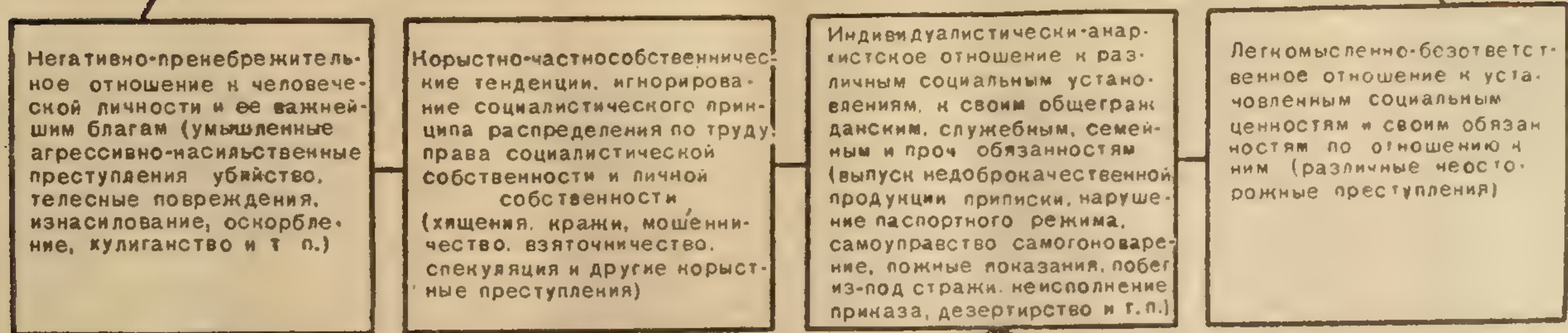
Классификация преступников по характеру их антисоциальной направленности должна быть дополнена, как указывалось выше, их дифференциацией по степени злостности, глубины и стойкости этой антисоциальности. Было бы неправильно относить в одну группу крупного расхитителя и человека, совершившего мелкую кражу. Кроме того, хотя совершение преступления всегда представляет проявление антисоциальных свойств, преобладающих в структуре данной личности, важно знать, насколько они устойчивы и выражают ее действительную нравственную сущность, в том числе и общественную опасность. Ведь одна и та же антисоциальная направленность: корыстная, агрессивно-насильственная и т. д. — у одних может иметь глубоко укоренившийся, доминирующий, злостный характер, а другим присуща в минимальной степени и вызывает совершение преступления лишь в сочетании с особо неблагоприятной внешней ситуацией. В судебной практике и в обыденной жизни хорошо известны эти два полярных типа преступников — «злостный» и «случайный». Существуют, разумеется, и «промежуточные» варианты. Подобные различия весьма существенны для типологии преступников.

С учетом сказанного в намеченных выше трех группах преступников, умышленно совершающих преступления, следует различать:

а) лиц, впервые совершивших нетяжкие преступления, противоречащие их общей социально-положительной направленности, характеризуемой всем предшествовавшим нравственно-положительным поведением;

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ (ТИПОЛОГИЯ) ПРЕСТУПНИКОВ

ХАРАКТЕР АНТИСОЦИАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ И ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ЛИЧНОСТИ



ГЛУБИНА, СТОЙКОСТЬ, ЗЛОСТНОСТЬ АНТИСОЦИАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ И ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ЛИЧНОСТИ

б) лиц, впервые совершивших тяжкие преступления под воздействием неблагоприятного стечения внешних обстоятельств и характеризующихся, помимо этого преступления, положительно на производстве, в быту, во всех иных социальных проявлениях;

в) лиц, совершивших преступление впервые, но ранее характеризующихся аморальным поведением;

г) лиц, неоднократно совершавших преступления, в том числе и ранее судимых;

д) лиц, подпадающих под категорию особо опасных рецидивистов.

Намеченные группы преступников условно можно было бы назвать «случайными», «ситуационными», «неустойчивыми», «злостными» и «особо опасными», а всю классификацию представить в виде схемы (см. стр. 53).

4. Изложенная типология не является, разумеется, исчерпывающей и завершенной. Дальнейшая разработка проблемы личности преступника позволит углубить и развить эту классификацию, дать развернутую криминологическую характеристику каждой из выделенных групп (типов) преступников. В настоящее время имеющийся эмпирический материал вынуждает ограничиться суммарной характеристикой полярных групп.

Ценностная ориентация личности злостного или особо опасного преступника различна применительно к характеру совершаемого им преступления, которое обусловлено этой ориентацией и в которой последняя проявляется. Однако общим для этих преступников является устойчивость этой ориентации и ее специфически ярко выраженная антиобщественная направленность. Злостный преступник в большинстве случаев сам создает преступную ситуацию, а не следует за ней в своих поступках, что бывает характерно для менее опасных категорий преступников. Данные выборочного изучения особо опасных рецидивистов показали, что преступная биография их длится обычно от 6 лет и дольше (около 80%); в течение 10 лет преступления совершали 43% от общего числа изученных лиц¹. Наиболее распростра-

¹ См. И. М. Гальперин, Об уголовной ответственности рецидивистов в свете некоторых криминологических показателей эффективности борьбы с рецидивной преступностью, «Эффективность уголовно-правовых мер борьбы с преступностью», М., 1967, стр. 228.

нен рецидив насильственных и имущественных преступлений¹.

Что касается «случайного» и «ситуационного» преступников, то для них характерно совершение преступления без глубокой связи с устойчивыми чертами личности. Конечно, случайность всегда относительна, так как она выступает как конкретное выражение каких-то внутренних или внешних закономерностей и «является лишь в точке пересечения *необходимых* процессов»². Следовательно, «случайное» преступление отражает как внешние условия, так и некоторые свойства личности.

«...Каждая реакция на внешний факт, — указывает В. Н. Мясищев, — определяется не только и не столько этим фактом, сколько тем, какое отношение к себе он вызывает, важен он или не важен, интересен, привлекателен или отталкивает и т. п.»³.

Отсюда вытекает, что нельзя полностью отрицать у «случайного» и «ситуационного» преступников известные отрицательные личностные особенности. В принципе следует согласиться с тем, что «наличие антиобщественных взглядов, отрицательных черт и их проявление в соответствующей ситуации в виде преступления характерно для всех преступников»⁴.

При этом следует сделать два замечания.

Во-первых, отрицательные черты личности этих категорий преступников не идут в сравнение по степени интенсивности с антиобщественной установкой злостного преступника.

Во-вторых, эти отрицательные черты облика «случайного» и «ситуационного» преступников играют решаю-

¹ См. С. Степичев, Г. Моисеенко, Особо опасный рецидив в свете криминологического изучения рецидивистов, осужденных за грабеж и разбой, «Советская юстиция» 1968 г. № 1, стр. 19; А. Ф. Гончаров, К вопросу о криминологическом изучении рецидивной преступности, «Доклады итоговой научной конференции юридических факультетов», изд. ТГУ, 1968, стр. 31—33.

² Г. В. Плеханов, Избранные философские сочинения, т. II, М., 1956, стр. 232. О соотношении случайного и необходимого применительно к обстоятельствам конкретного уголовного дела см. В. Н. Кудрявцев, Объективная сторона преступления, М., 1960, стр. 202—206.

³ В. Н. Мясищев, Социальная психология и психология отношений, «Проблемы общественной психологии», М., 1965, стр. 277.

⁴ Н. С. Лейкина, Личность преступника и уголовная ответственность, стр. 9.

щую роль лишь в определении антисоциального качества их деяния. Что же касается механизма возникновения этого деяния, то здесь особое место принадлежит внешним обстоятельствам, как предшествующим, так и сопутствующим действиям субъекта. Поэтому объяснение механизма «случайного» или «ситуационного» преступления должно идти в плоскости анализа взаимодействия «личность — ситуация».

Лицо с преимущественно положительной социально-нравственной ориентацией, оказавшись в нетипичной для него ситуации «соблазна», может совершить противоправный (преступный) поступок лишь при качественном совпадении с содержанием ситуации не только существующих у него взглядов, но и направленности одного из доминирующих в этот период мотивов поведения. Без этого двойного совпадения (что еще более увеличивает случайность преступления) преступление не совершится.

«Случайный» и «ситуационный» преступники, несмотря на факт совершения ими преступления, признают систему морально-правовых требований общества, достаточно самокритично оценивают свое преступное поведение, считая его случайным эпизодом в своей жизни. Поэтому в большинстве случаев они чистосердечно раскаиваются в совершенном преступлении, а иногда и являются с повинной в органы следствия. Было бы ошибочно, однако, ставить этот последний момент во главу угла с тем, чтобы создавать неверное впечатление о тождественности социального содержания позиции преступника до и после факта преступления.

Один из объективных показателей степени общественной опасности личности преступника — данные о его прошлом поведении. Как правило, факт совершения лицом повторного преступления не позволяет отнести его к категории «случайных» или «ситуационных» преступников. Однако «первичность (или исвторность) совершаемого преступления является одним из факторов, по которым лишь в известной мере можно судить о случайности или типичности преступного поведения и делать соответствующее прогнозирование»¹. Ведь и

¹ «Особенности назначения условного осуждения», «Советская юстиция» 1967 г. № 19, стр. 14.

первое, и второе преступления могут «выпадать» из основной линии поведения индивида, особенно если их разделяет значительный промежуток времени и они не образуют специального рецидива.

Зато устойчивый отрицательный характер допреступного поведения индивида, выражающийся в серии аморальных проступков, административных и иных правонарушений и являющийся сам по себе одним из наиболее значительных факторов формирования его социального облика, исключает возможность отнесения данного лица к числу «случайных» преступников. Даже в тех случаях, когда подобное лицо совершает преступление под влиянием неблагоприятной обстановки, оно далеко не всегда может быть признано «ситуационным» преступником. Все зависит от того, что превалировало в совершенном преступлении — ситуация или социальная неустойчивость.

По выборочным данным, доля типа таких преступлений во всем изученном контингенте составляет в среднем 30—40%.

Аналогичные данные приводят и другие исследователи. В. Ф. Зудин пишет, что 44% из группы осужденных за кражи личного имущества до совершения преступления привлекались к административной ответственности¹. Из осужденных за хулиганство (по выборочным данным Ю. А. Красикова) 20% привлекались к административной ответственности, причем более половины из них — 2—3 раза². Эти данные позволяют в известной степени судить о степени устойчивости антиобщественных взглядов, а тем самым и о распространенности злостных и «случайных» преступников.

§ 4. Особенности классификации несовершеннолетних преступников

1. Особенности характеристики личности несовершеннолетних преступников, обусловленные возрастом, определяют и специфику их классификации. То общее,

¹ «Изучение и предупреждение преступлений», вып. 2, Воронеж, 1966, стр. 72—74.

² Указ. работа, стр. 119—121.

что отличает их всех от взрослых преступников, не исключает существенных различий внутри данного контингента. Причем признаки, характеризующие именно несовершеннолетних преступников, соседствуют и переплетаются в структуре их личности с общевозрастными особенностями подросткового периода и с признаками, присущими всему преступному контингенту. Между тем в основу классификации должны быть положены именно специфические признаки.

Успешное решение проблемы классификации несовершеннолетних преступников возможно лишь на основе выделения комплекса признаков, охватывающих в своей совокупности нравственно-психологическую, социально-демографическую и правовую характеристики подростков, совершающих преступления.

Интересные высказывания о подходе к типологии несовершеннолетних правонарушителей можно найти в работах А. С. Макаренко¹. Он подчеркивает необходимость подходить к типизации, исходя не из каких-либо признаков или даже их механической суммы, а из личности как целого с ее социальным опытом и мотивацией поступка. Идея подхода к классификации подростков, совершающих преступления (правонарушения), как и к классификации взрослых правонарушителей, на основе целостного и всестороннего подхода к их личности, качества которой проявляются в системе действий субъекта (включая антиобщественные и собственно преступные), представляется весьма перспективной. Она позволяет осуществить в целом тот же принципиальный подход к рассматриваемой классификации, что и к классификации взрослых преступников. Вместе с тем единство подхода не исключает, а предполагает необходимость учета особенностей деяния, его причин, мотивации, личности преступника, если они реально «просматриваются». Именно комплексный подход к классификации несовершеннолетних преступников, учитывающий эти особенности и основанный на совокупной оценке личности виновного, характера преступления, его мотивов и причин, закреплен в нормах закона, трактующих основания освобождения несовершеннолетнего, совершившего преступление, от уголовного наказания и

¹ А. С. Макаренко, Соч., т. 1, М., 1957, стр. 420

применения к нему принудительных мер воспитательного характера. В частности, в ст. 8 УПК РСФСР говорится о возможности прекращения уголовного дела с передачей его в комиссию по делам несовершеннолетних, если преступление не представляет большой общественной опасности и по обстоятельствам дела и данным, характеризующим личность правонарушителя, его исправление возможно без применения уголовного наказания.

Точно так же ст. 21 Положения о комиссиях по делам несовершеннолетних РСФСР предусматривает, что при применении мер воздействия «комиссия должна учитывать характер и причины правонарушения, возраст несовершеннолетнего и условия его жизни, степень его участия в правонарушении, а также поведение его в быту, в школе и на работе».

Общая система классификации несовершеннолетних, совершивших преступления, как представляется, должна:

а) быть пригодной для использования как в изучении преступности несовершеннолетних, так и в проведении профилактической работы, в судопроизводстве по делам несовершеннолетних, в применении и исполнении наказания, назначенного им;

б) служить основой для частных классификационных систем, «обслуживающих» путем прослеживания динамики одного или группы признаков разные направления борьбы с преступностью несовершеннолетних, решение отдельных задач в этой области¹;

в) комплексно характеризовать все основные стороны выделенных типов личности, степень полноты проявления личностных качеств в деянии и степень управления ситуацией;

г) характеризовать комплекс личностных особенностей не только с точки зрения наличия, но и с точки

¹ Можно указать, например, на возможность исходящих из генеральной типологии частных классификаций по признаку мотива и причин преступления (для целей профилактической работы), однократности и повторности преступления (для определения наказания), отношения к учебе и коллективу, характера эмоционально-волевого развития, состояния психики (для организации исправления и перевоспитания), отношения к предъявленному обвинению (для планирования следствия) и т. д.

зрения внутренней согласованности (взаимоукрепления) или противоречивости, а равно по степени выраженности (интенсивности проявления, определяющей или подчиненной роли в личностной структуре и т. д.);

д) выявить степень влияния возрастных особенностей на антиобщественное (в том числе преступное) поведение;

е) обеспечить, с одной стороны, «сквозную» характеристику личности несовершеннолетнего преступника (исходя из ее направленности, социальной ориентации — см. § 4 гл. V), а с другой — отграничение отдельных личностных типов;

ж) выявить внутреннее соотношение между личностными типами как этапами, «узловыми пунктами» развития направленности личности, так чтобы был возможен, с одной стороны, ретроспективный анализ пути данного подростка к преступлению, а с другой — оценка возможного дальнейшего поведения подростка в зависимости от условий, которые будут созданы при отбывании наказания.

Иными словами, типология несовершеннолетних преступников должна помочь прогнозированию, осуществляемому в конкретном случае в двух направлениях.

Первое — о возможном поведении подростков, обладающих личностными характеристиками, сходными с характеристикой подростка, совершившего преступление, в период, ему предшествовавший (профилактический прогноз).

Второе — о возможных вариантах будущего поведения подростка в зависимости от характера и длительности мер воздействия на него (прогноз, «обслуживающий» назначение и исполнение наказания)¹;

з) обеспечить сопоставимость типологии несовершеннолетних и взрослых преступников.

¹ О криминологическом прогнозе индивидуального поведения, предпосылках его обоснованности и круге личностных признаков, существенных для этого, см. Г. А. Аванесов, Теория и методология криминологического прогнозирования, М., 1972, стр. 264—303; В. Н. Кудрявцев, Причинность в криминологии (О структуре индивидуального преступного поведения), М., 1968, стр. 161—170.

Существенным условием правильной классификации личности несовершеннолетних преступников является также определение периода времени, применительно к которому должны выявляться и «фотографироваться» личностные особенности подростка, совершившего преступление.

Как уже отмечалось, многие черты личности подростка весьма изменчивы, и поэтому преждевременная или, наоборот, запоздалая фиксация может обусловить фактическую несопоставимость результатов.

С учетом всего изложенного типология несовершеннолетних преступников строится на сопоставлении данных:

а) о проявившихся (в отношениях и действиях подростка, образе жизни, связях, поведении и т. д.) его потребностях, интересах, взглядах, чертах характера, мотивации поведения;

б) о социально-демографической характеристике, в которой также проявляются названные признаки;

в) об обстоятельствах преступления с точки зрения выраженности в них личностных черт несовершеннолетнего.

Совокупность указанных данных дает наиболее полное представление об общей направленности (ориентации) личности, ее соотношении с содеянным, которое может быть коллизионным, частично соответствующим, полностью соответствующим и т. п. В случае преобладания антиобщественной или «чисто преступной» направленности личности совокупность указанных данных позволяет оценить ее выраженность, интенсивность, глубину, стойкость, а также ее корни. В каждом случае анализа данных о личности несовершеннолетнего преступника в целях классификации мы рассматриваем его как члена реальных социальных групп — семьи, школы или производственного коллектива — с меньшей или большей степенью деформации отношений по сравнению с иными подростками. Поэтому (так же как и применительно к взрослым преступникам) включение в ту или иную типологическую группу должно приниматься как условный прием, а не как признание существования особого социального «слоя» несовершеннолетних преступников, полностью или почти полностью деклассированных и десоциализированных.

В конечном счете могут быть выделены четыре типа

несовершеннолетних преступников, для которых совершение преступления было:

а) случайным, противоречащим общей направленности личности;

б) вероятным вследствие общей неустойчивости личностной направленности;

в) соответствующим общей направленности личности, но случайным с точки зрения повода и ситуации;

г) соответствующим преступной установке личности и включающим поиск или создание необходимых повода и ситуации.

Каждый из выделенных здесь типов целесообразно в свою очередь подразделить на три подтипа: подростки, впервые совершившие преступление, не представляющее большой общественной опасности; подростки, впервые совершившие тяжкое преступление; подростки, повторно совершившие преступление. Это позволит максимально дифференцировать возможные варианты соотношения направленности личности и содеянного в каждом конкретном случае.

Соответственно обеспечивается оптимальная дифференциация и индивидуализация мер воздействия и профилактики.

Каждый тип, включенный в данную классификацию, связан с другими, представляя собой определенную «ступень» деморализации личности от отдельных симптомов деморализации до относительно четкой и устойчивой антиобщественной ориентации и далее до формирования общей преступной установки.

2. Несовершеннолетним, личность которых характеризуется наличием преступной установки, как и взрослым, относящимся к аналогичному классификационному типу, свойственна не только внутренняя готовность к совершению преступлений, но и высокая активность в поиске или создании необходимых для этого предпосылок.

Характерно в этой связи, что по мере совершения подростком новых преступлений все более расширяется район его преступных действий, все более ослабевает связь этого района с местом жительства.

Таким образом, в указанном случае речь идет не просто о педагогической и социальной запущенности, а в известной мере о стереотипе преступного поведения,

включающем организацию соответствующей ситуации. Деформации в области потребностей, интересов, взглядов, отношений, оценок, как и в области черт характера, достигают здесь наибольших объемов, глубины и стойкости; неблагоприятный сдвиг социально-демографической характеристики наиболее велик; правовая характеристика указывает на настойчивость и нежелание считаться с последствиями при достижении преступной цели, на предумышленность, ухищренность и систематичность преступных деяний и т. д.

В структуре личности такого подростка устойчиво преобладают примитивные или низменные потребности, включая развитие потребности в алкогольном опьянении.

В сфере интересов преобладают привычки к потребительскому времяпрепровождению, азартным играм, компаниям с выпивками, блатному «фольклору» и т. д. В сфере взглядов, оценок черт характера определяющими являются циничный, эгоистический подход к отношениям в обществе, извращенные представления о смелости, товариществе и т. п., призванные «обслуживать» и «обосновывать» преступное поведение. В эмоциональной сфере отмечается озлобленность, агрессивность, равнодушие к переживаниям других лиц, неприязнь к позитивно воспитывающей среде, хотя полного разрыва с такой средой, как правило, не происходит. Речь идет лишь о высокой степени отчуждения от нее и сопротивления ее влиянию.

Мотивация преступных действий у таких подростков осознанно эгоистична и низменна, устойчива и внутренне присуща личности, а не является результатом следования внешним воздействиям. Подростки рассматриваемого типа обычно не учатся, к работе относятся недобросовестно и часто меняют ее, в бытовой среде они обычно кристаллизационные центры или активные уча-

¹ Надо иметь в виду, что группы с антиобщественной направленностью нередко имеют как бы несколько слоев и включают различающихся по ориентации подростков, одни из которых направляют усилия на подготовку и совершение преступлений, другие — в основном принимают участие в выпивках и других формах группового времяпрепровождения, третьи — поддерживают эпизодические контакты лишь с частью членов группы и т. д. Вместе с тем в целом общая атмосфера такой группы, влияние наиболее активных ее участников

стники групп с антиобщественной направленностью¹. Такие подростки наиболее трудно поддаются исправлению и перевоспитанию, но они тем не менее испразимы, так как возрастная пластичность личности проявляется и здесь.

Однако сила и стойкость общей преступной установки у подростков даже в тех случаях, когда по степени поражения личности и интенсивности проявления она приближается к установке взрослых преступников, всегда относительно меньше. Именно из этого исходит законодатель, признавший невозможным применить понятие особо опасного рецидивиста к несовершеннолетним преступникам¹.

Распространенность рассматриваемого типа в общем составе несовершеннолетних преступников может быть охарактеризована на основе косвенных оценок с использованием данных выборочных исследований о доле предумышленных преступлений несовершеннолетних, рецидива, об удельном весе в составе осужденных подростков, не проявивших раскаяния, а также подростков, потребности и интересы которых сосредоточены в основном в общественно опасной «зоне» (10—20%), и лиц, упорно сопротивляющихся воспитательному воздействию на них в период отбывания наказания (около 15%).

Сопоставление всех этих данных позволяет предположить, что доля подростков со сформировавшейся преступной установкой в составе контингента несовершеннолетних, совершающих преступления, должна быть порядка 10—15%².

Как ступень, предшествующую рассмотренному типу

обуславливают быстроту деморализации еще недавно просто «трудных» подростков. См. Е. А. Хоршак, Совместная преступная деятельность несовершеннолетних, автореферат канд. дисс., М., 1969, стр. 6.

¹ Этот момент надо иметь в виду, когда упоминается о социальной неадаптированности таких подростков, как и несовершеннолетних преступников других типов. Такая неадаптированность всегда носит относительный характер; степень ее стойкости связана не с невозможностью, а с нежеланием подростка адаптироваться, поскольку он нашел иной, более легкий путь повышения престижа и удовлетворения потребностей.

² См. «Вопросы изучения и предупреждения правонарушений несовершеннолетних», ч. 1, М., 1970, стр. 88—91; «Советское государство и право» 1971 г. № 4, стр. 106—107.

несовершеннолетнего преступника, можно рассматривать тип подростка с общей негативной направленностью личности, недостигшей, однако, уровня преступной установки. Для таких подростков также характерна внутренняя готовность к антиобщественному поведению; стереотип их поведения тоже включает тяготение к выпивкам, азартным играм, пребывание в группах с антиобщественной направленностью, подражание моде и обычаям «ядра» этих групп, стремление к отчуждению от позитивно воспитывающей среды, ориентацию на требования «своей» группы и т. д. Но они не организуют преступной ситуации, а как бы «плывут по течению».

По данным различных выборочных исследований, подобные подростки в общем числе несовершеннолетних преступников составляют около 30—40% их контингента.

Для несовершеннолетних преступников с неустойчивой личностной направленностью характерен конфликт между деформированными и позитивными потребностями, интересами, взглядами, оценками и отношениями. По сравнению с подростками ранее рассмотренных типов у них обычно более высок образовательный уровень, характеристики по месту жительства и работы чаще всего в целом положительные. Они проявляют готовность включиться в жизнь коллектива, хотя и не инициативны в этом отношении. Вместе с тем наличие деформаций в сфере потребностей и интересов, недостаточная нравственная и эмоционально-волевая воспитанность обуславливают «шатающуюся» ориентацию их личности. Здесь наиболее часто совершение преступлений связано с отсутствием решимости «удержаться», с престижными и подражательными (приспособительными к микрогруппе), а не откровенно эгоистическими мотивами. После привлечения к ответственности такие подростки обычно раскаиваются (хотя и не всегда глубоко осуждают себя, так как склонны к поискам оснований для самооправдания). Состояние неустойчивой личностной ориентации у подростков может быть относительно длящимся; направление дальнейшего развития личности здесь во многом связано с характером и интенсивностью целенаправленных внешних воздействий.

По данным выборочных исследований, доля подрост-

ков, чистосердечно признавших свою вину и выразивших раскаяние, по изученным делам составила около $\frac{3}{5}$. Этот показатель охватывает, по-видимому, и подростков рассматриваемого типа и подростков, совершивших преступление, несмотря на общую положительную направленность.

Отсюда доля типа с неустойчивой личностной направленностью, по-видимому, может быть оценена в пределах 25—35%.

Наконец, подростки, совершившие преступление случайно, вопреки общей положительной направленности личности характеризуются с криминологической точки зрения обычно лишь отдельными деформациями в сфере интересов, нравственного или эмоционально-волевого развития. Здесь определяющими являются мотивы, обусловленные главным образом возрастными особенностями личности и связанные прежде всего с легкомыслием либо с неправильной оценкой определенной ситуации. Отсюда и характер содеянного, его последствий. Несмотря на достаточное разнообразие деяний, совершаемых подростками рассматриваемого типа, среди них устойчиво преобладают малозначительные, перерастающие из игры, озорства или являющиеся импульсивной реакцией на внезапно возникшую ситуацию.

Данные, собранные в Ленинграде, указывают, что по изученным делам 24% несовершеннолетних обвиняемых характеризовались устойчиво положительно¹. В свою очередь М. М. Бабаев на материалах Эстонской ССР пришел к выводу о том, что «почти четверть несовершеннолетних из общего числа осужденных этого возраста совершили преступления, руководствуясь мотивами и целями, которые не свидетельствуют о глубоко укоренившейся антисоциальной установке, а скорее характеризуют возрастные особенности личности»².

Совокупность приведенных данных позволяет сделать вывод, что доля данного типа в составе контингента несовершеннолетних преступников составляет ориентировочно 25—35%.

¹ Расчет, произведенный по данным Н. И. Гуковской и Е. Т. Яковлева, дает почти аналогичный по величине показатель (25—30%).

² М. М. Бабаев, Индивидуализация наказания несовершеннолетних, М., 1968, стр. 73.

Следует подчеркнуть, что предложенная типология несовершеннолетних преступников ни в коем случае не трактуется как полностью завершенная; тем более оценка распространенности различных типов должна рассматриваться как относительная. Дальнейшие исследования позволят внести необходимые изменения и уточнения.

Глава III

СОЦИАЛЬНАЯ СРЕДА И ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКОВ

§ 1. Общие положения. Значение изучения среды для применения наказания и профилактической работы

1. Чтобы раскрыть содержание социальных черт личности преступника, понять, каков он, данный конкретный человек как личность, совершившая преступление, следует обратиться к системе взаимодействия этого человека с другими людьми и общественными учреждениями, выявив «механизм» формирования личностных искажений и деформаций. Поэтому социально-демографической и нравственной характеристике личности преступника необходимо предпослать ее характеристику относительно окружающей среды (тем более что центр тяжести профилактической работы состоит именно в оздоровлении среды).

Социальную основу личности составляет статус — совокупность реальных прав и обязанностей (не только правовых, но и многих иных социально-нравственных), определяемых положением и функциями лица в обществе и данной конкретной среде (микросреде). Со стороны последних существуют определенные предписания («ожидания»), обращенные к личности. От личности, ее внутреннего мира зависят восприятие (или отклонение) этих предписаний, требований, выбор между ними в случае коллизии, внутренняя организация выполнения и в последующем — поведение. Социально сформированная личность предстает не как пассивный исполнитель предписанного, а как активный субъект, создающий и преобразующий конкретные отношения. В свою очередь выполнение различных требований оказывает влияние на все стороны личнос-

ти, на продолжение формирования различных ее качеств.

2. Исходя из сказанного, при изучении личности преступника необходимо выявить социальные позиции лица, положение его в группах, функции, которые он выполнял к моменту совершения преступления (член семьи, ученик, рабочий завода и др.). При этом важно выяснить, какие требования виновный отклонил (бросил работу или учебу, не участвовал в общественной жизни и т. д.) и в силу каких причин.

Данный аспект социальной характеристики приобретает криминологическое значение в такой ситуации, когда один из комплексов воспринятых лицом требований (допустим, стихийно сложившейся группы подростков) и его обязательства, вытекающие из этих требований, вступают в противоречие, в конфликт с обязательствами, с правилами поведения, связанными с социальной деятельностью иного характера (члена семьи, учащегося школы и т. д.).

Чем сильнее стремление лица быть включенным в данную группу, быть признанным в качестве «своего» члена, иными словами, чем сильнее желание отождествлять себя с данной социальной группой, тем в большей степени его поведение подчиняется нормам, правилам поведения, которые реально воплощены в поведении членов данной группы. Степень принятия лицом таких правил поведения зависит также от того, в какой мере это поведение одобряется и вознаграждается группой или в какой мере иное поведение порицается, наказывается.

Чем выше степень единства взглядов и позиций членов группы, тем менее вероятность поведения, отклоняющегося от ее требований. В этой связи следует подчеркнуть, что так называемые первичные группы (элементарные, начальные группы, из сочетания которых вырастают более сложные социальные образования — семья, тесная группа постоянно общающихся лиц, объединенных совместной работой и досугом, и т. д.) обычно не удовлетворяются «внешним» соблюдением ее членами определенных норм поведения. Для первичных групп характерно именно стремление обеспечить единство мнений, позиций, социально-психологических ценностей. Если воздействие со стороны социально-полезных групп прекратилось или

уменьшилось, то часто на смену такому воздействию приходит влияние неформальных групп, где преобладают стандарты поведения противоправного, антисоциального характера. Механизм воздействия «срабатывает» уже в сторону вовлечения человека на преступный путь.

Поведение человека и система разделяемых им моральных, духовных ценностей могут быть направлены и на достижение соответствия поведения нормам, разделяемым группой, к которой индивид, однако, не принадлежит фактически, но куда он стремится быть включенным.

Такого рода группы, чьи нормы и стандарты поведения, чьи оценки и позиции разделяются лицом, не принадлежащим к самой группе, именуется «референтными» (т. е. избираемыми в качестве образца). Концепция референтной группы позволяет объяснить те случаи, когда поведение лица расходится с нормами той социальной группы, фактическим членом которой это лицо является. Эта же концепция позволяет объяснить переход лица из одной группы в другую.

Установить референтную группу данного человека — значит установить очень важную характеристику его личности. Часто сам индивид может не иметь ясного представления о том, какие нормы и стандарты поведения он воплощает в своем поведении. Установить их можно скорее методом объективного наблюдения, чем опросом.

Для криминолога концепция референтной группы имеет значение в том случае, когда участник обычных «нормальных» социальных групп избирает в качестве своей референтной группы группу правонарушителей и, следовательно, стремится воплотить в своем поведении оценки и стандарты противоправного поведения.

3. Процесс выбора или восприятия человеком того или иного варианта действий можно рассматривать с социально-психологической точки зрения¹. Взаимо-

¹ Анализ, осуществляемый на социально-психологическом уровне, предполагает вторичность, производный характер изучаемых явлений. Но поскольку, раз возникнув, они объективно существуют и влияют на регуляцию поведения, криминологическое изучение на этом уровне важно как в теоретическом, так и в практическом отношении.

действие человека с социальной средой—не односторонний, а обоюдный процесс. В поведении воплощаются, синтезируются те элементы социальной среды, которые отобраны лицом, реализованы в его действиях. Процесс социальной адаптации заключается в обеспечении соответствия поведения лица требованиям среды («ожиданиям») в пределах существующих возможностей с соблюдением установленных норм (в том числе и правового характера).

Отклонение от норм нашего общества в поведении лица выступает как поведение, нарушающее ожидания, предъявляемые обществом к гражданам. В социальном смысле такое отклонение от нормы в поведении служит показателем нарушения состояния динамического равновесия, характеризующего взаимодействие личности с социальной средой.

Достижение состояния равновесия, т. е. соответствия характера, уровня действий лица характеру, уровню оказываемых на него позитивной социальной средой воздействий, адекватность этих актов системе ценностей нашего общества—цель, обычный и конечный результат позитивного процесса формирования личности члена общества. Нарушение этого равновесия, неспособность (объективная или субъективная) лица обеспечить соответствие своего поведения социальным ожиданиям, руководить своим поведением, исходя из требований общества, которые соответствуют и подлинным интересам лица, может вызвать к жизни неправильную, ненормальную линию поведения, проявляющуюся в совершении преступления.

4. Сказанное не означает, что человек не свободен в своих поступках. В ходе выбора между предлагаемыми социальной средой способами поведения лицо свободно по своей воле избрать тот или иной из них. Со временем на поведение его начинают оказывать все большее влияние определенные критерии такого выбора. Оно со все большим предпочтением относится к альтернативам определенного рода. Результатом является образование у человека определенного, сравнительно устойчивого способа поведения. В норме, т. е. при положительной социальной направленности, у члена нашего общества все более и более повышается способность обеспечить правильную, соответствующую требованиям общества, его морали и права реакцию

на возникающие жизненные ситуации. II, наоборот, результатом предпочтения, отдаваемого антисоциальным, аморальным поступкам, служит формирование поведения, не соответствующего требованиям и ожиданиям нашего общества. Там, где, например, возникает конфликтная ситуация, один человек стремится разрешить конфликт законным путем, другой—прибегает к противозаконным действиям.

Социальная адаптация — это процесс, протекающий не автоматически, требующий пристального внимания и сознательного регулирования. Несовершенство конкретных форм включения индивида в позитивную жизнедеятельность может приводить к тому, что в определенном числе случаев социальная адаптация отдельных лиц может протекать неудовлетворительно. Сочетаясь с неблагоприятными характеристиками конкретных ситуаций, в которые попадают такие лица, эти недостатки процесса адаптации могут отрицательно сказаться на поведении соответствующего лица. Понимание преступления как наиболее неблагоприятного, крайнего варианта неудовлетворительной социальной адаптации имеет важное значение для определения направления и методов исследования причин преступлений, совершенствования законодательства по борьбе с преступностью, построения всей системы мер по предупреждению преступлений, исправлению и перевоспитанию преступников.

Каковы реальные жизненные перспективы лица? Каковы, с другой стороны, его субъективные возможности? В каком направлении «подталкивает» его ближайшее окружение? Если это окружение «навязывает» лицу противоправную «роль», то какие альтернативы можно создать для такого лица, какие социально полезные роли и, соответственно, социально одобряемые варианты поведения можно предложить такому лицу? Ответом на эти вопросы должны служить такие конкретные мероприятия, которые служат цели реального включения лица в систему позитивных социальных связей и отношений (например, обеспечивают нормальное развитие подростка в социальном плане), открывают реальные пути успешной социальной адаптации. Например, налаживание быта в семьях «трудных» подростков, открытие детских клубов, спортивных площадок, организация досуга, борьба с второгод-

ничеством и отсевом из школ, трудоустройство подростков и т. д. — все эти меры предупреждения преступности несовершеннолетних успешны лишь тогда, когда их содержание — не просто попытка «занять свободное время подростка», но изменение его жизненной ситуации и ориентировки.

Сказанное в полной мере применимо также к назначению и исполнению наказания в отношении лиц, совершивших преступление. Мера наказания избирается и режим ее исполнения определяется с учетом необходимости обеспечить изменение негативной жизненной ориентации и закрепление новой, позитивной ориентации. Именно поэтому условно-досрочное освобождение, например, не следует автоматически за отбытием определенного срока наказания; при применении амнистии устанавливаются изъятия, связанные с поведением лица после совершения преступления, и т. д.

5. Для определения закономерностей поведения человека в обществе, в том числе причин перехода отдельных его членов на преступный путь, важно рассмотреть более детально понятие социальных ожиданий. Определяющий признак социальных ожиданий — их объективный характер. Носителем позитивных социальных ожиданий является наше общество в целом. Их реализация гражданином связана со специфическими для нашего общества чертами личности его членов — коллективизмом, социальной активностью и ответственностью.

Вновь подчеркнем, что, говоря о роли социальных ожиданий, важно осознавать, что они — не единственные и исчерпывающие регуляторы поведения. За ними стоят конкретные практические, общественные отношения и условия бытия, а социальные ожидания лишь звено (хотя и принципиально важное) механизма социального регулирования поведения.

Социальные ожидания могут быть формализованы, т. е. выражены в определенных осознанных социальных установлениях, институтах (требования со стороны школы, ожидания определенного поведения в рамках производственного коллектива и т. д.). Но в целом социальные ожидания многочисленны, богаче своей формализованной части.

Значимость исследования социальных ожиданий для

криминологии связана с тем, что в силу конкретных условий формирования и жизни лица может возникнуть противоречие между этими ожиданиями и готовностью (способностью) соответствовать им. Оно проявляется в некоторых случаях в форме противоправного поведения. Так, для достижения социально-ценного результата сознательной трудовой деятельности необходимо завершение чрезвычайно ответственного, нередко сложного, длительно протекающего процесса смены одного рода социальных ожиданий (характерных, например, для учеников общеобразовательной школы) на социальные ожидания другого рода, когда резко возрастает самостоятельность подростка, когда он может сам заработать деньги и т. д. Но для этого он должен доказать свое соответствие требованиям производственного характера, получить признание со стороны окружающих и т. д. Меняются социальные ожидания, должна измениться и самооценка подростка, ибо прежняя, сформировавшаяся ранее самооценка, прежний «уровень притязаний» более не соответствуют новым условиям. Если оказывается, что этот уровень притязаний не может быть удовлетворен, так как расходится с возможностями лица и с оценкой его окружающими, в системе «среда—личность» нарушается прежнее равновесие. Ожидания, оценки, исходящие от окружающих, изменились. Самооценка же сохраняется прежняя, не соответствующая новым ожиданиям. Это крайне неприятное психологически обстоятельство лицо не хочет допускать в сознание. Результатом может явиться негативизм, «агрессивное» поведение, представляющее собой попытку «самоутверждения» суррогатного типа.

Советские психологи указывают на важное значение адекватности или неадекватности самооценки личности, ее притязаний и оценки, которую дает личности коллектив, общество в целом. Резкое расхождение между этими оценками может служить постоянным источником напряженности и конфликтных ситуаций. Наличие такого источника не может, однако, трактоваться как непосредственная движущая сила поступка. Сколь бы ни были напряженными соответствующие аффективные переживания, они воплощаются в волевом действии, лишь пройдя стадию принятия решения, где есть место выбору альтернатив пове-

дения, а следовательно, нравственной и правовой ответственности.

Помимо этого важно учитывать, что личные планы, устремления, желания людей далеко не случайны, не произвольны. В устремлениях людей, в их притязаниях получают свое объективное отражение социальные ценности, т. е. идеалы и оценки, которые реально зафиксированы в общественном сознании на разных его уровнях.

Среди таких представлений важное место занимают представления о том, какого рода тип деятельности, вид занятий считается наиболее ценным, какой менее ценным и, следовательно, какого рода будущее более, а какое менее желательно для человека. Следовательно, уровень притязаний—явление не только индивидуальной, но и социальной психологии, это не есть акт «чистого» выбора индивида, независимого от социальной среды.

Социалистическое общество развивается в направлении обеспечения максимальных возможностей для каждого человека, обеспечения соответствия между уровнем его притязаний и уровнем исполнения задуманного, желаемого.

И тем не менее проблема формирования у лиц нужных, полезных обществу идеалов и устремлений—весьма сложная. Во-первых, она связана с обеспечением соответствия реальных потребностей общества желаниям и наклонностям членов этого общества. Во-вторых, с учетом изменяющихся социальных условий нельзя исключить также ситуации, когда уровень индивидуальных устремлений, притязаний не соответствует, не адекватен индивидуальным возможностям, способностям данного лица.

6. Фактическое поведение людей не всегда совпадает с реально разделяемыми ими взглядами и представлениями. Люди по-разному относятся и к правовым запретам, имеют различный уровень правосознания. Так, известно, что можно одобрять правовые нормы и подчиняться им именно в силу согласия с их содержанием. Можно, далее, не одобрять эти нормы по существу и потому не подчинять им свое поведение. Кроме того, возможна ситуация, когда лицо, не отвергая в принципе правильности, обоснованности, справедливости тех или иных норм, тем не менее нарушает

их, вступает с ними в конфликт. II, наконец, возможна ситуация, когда лицо не разделяет положений, содержащихся в правовой норме, но тем не менее согласует с ними свое поведение. В этом случае «деятельность» личности приобретает формальный характер. Она сопровождается «настроением отчужденности и негативизма» по отношению к тем нормам, правилам и принципам, согласно которым эта деятельность организуется¹.

Для преступного, противоправного поведения характерно в большинстве случаев нарушение правовых норм без отвержения их социального содержания, смысла по существу. Большинство правонарушителей не пытается объявить само по себе нарушение правового запрета правильным. Для них более характерно подыскание именно для своего конкретного деяния оправдывающих обстоятельств. В этом проявляется внутренняя противоречивость, конфликтность личности преступника.

Криминологическое значение имеют, в частности, данные о существовании противоправного поведения двух различных видов. Так, в большинстве случаев преступное поведение расхитителей социалистического имущества выступает в заранее обусловленном виде, т. е. субъект определяет для себя цель своей деятельности и выбирает соответствующие этой цели средства (разумеется, незаконного, противоправного характера), добивается их осуществления. В других же случаях мы имеем дело с агрессивно-конфликтным типом преступного поведения. Здесь такая обусловленность поведения отсутствует, преступление часто слабо мотивированно (хулиганство, причинение телесных повреждений, «безмотивное» убийство и т. д.)². Эти виды преступности различаются между собой по форме и направленности преступных актов. Важно также, что поведение характеризуется различными социально-психологическими особенностями как его возникновения, так и протекания.

¹ Л. П. Б у е в а, Социальная среда и сознание личности, стр. 203, 206.

² Речь идет не об отсутствии цели и мотива, а о неадекватности их избранному варианту действия (убийство из-за малозначительной ссоры).

С развитием и усложнением структуры нашего общества неизбежно встает задача все более и более принимать в расчет то значение, которое приобретают в жизни общества социальные и социально-психологические категории. В обществе социалистического типа неизбежно развитие сознательного, планомерного воздействия не только на материальные условия существования, но и на важнейшие социально-психологические явления общественной жизни, что будет также содействовать предупреждению и ликвидации опасных для общества отклонений в поведении отдельных его членов.

Социологические исследования личности преступника только начинаются. Проведенные до настоящего времени исследования еще не дают возможности осветить проблему взаимодействия личности преступника и социальной группы в той мере, в какой это было бы желательно. Поэтому в дальнейшем изложении мы рассматриваем указанный вопрос в ограниченных пределах, определяемых накопленным материалом. Так, роль производственного коллектива в формировании личности, а также особенности поведения правонарушителя в этом коллективе изучены лучше всего в отношении расхитителей социалистической собственности; поведение в семье—применительно к несовершеннолетним преступникам; влияние бытового окружения, т. е. групп, складывающихся вне производства и семьи,—применительно к лицам, совершающим преступления против личности. Эти аспекты предмета исследования и рассматриваются в следующих параграфах данной главы.

§ 2. Недостатки воспитания в семье и школе. Учет этих обстоятельств в профилактической работе

1. Одновременное рассмотрение специфики условий семейного и школьного воспитания лиц, совершивших преступления, обусловлено следующими соображениями.

Во-первых, и семья и школа наиболее интенсивно влияют на формирование личности члена общества в

период несовершеннолетия, т. е. в период становления сознания, воли и характера¹.

Во-вторых, речь идет о взаимодействии в воспитании: решении разными средствами общей воспитательной задачи на основе системы единых требований к воспитываемым. «Воспитательное влияние семьи на детей, — подчеркивается в Программе КПСС, — должно все более органически сочетаться с их общественным воспитанием»².

В-третьих, семья и школа решают задачу правильного воспитания несовершеннолетних в качестве основной, ведущей в своей деятельности. «Воспитание есть процесс социальный в самом широком смысле. Воспитывает все: люди, вещи, явления, но прежде всего и больше всего — люди. Из них на первом месте родители и педагоги»³.

В условиях социалистического общества имеются все предпосылки для того, чтобы семья и школа обеспечивали бы в каждом конкретном случае — несмотря на возникающие трудности объективного и субъективного характера — формирование личности несовершеннолетнего в духе требований коммунистической морали.

В этой связи своевременное выявление недостатков воспитания в семье и школе (недостаточное внимание к подростку, педагогически ошибочная линия, отрицательный пример и т. д.), затрудняющих надлежащее формирование личности несовершеннолетних, а тем более имеющих непосредственное криминогенное значение, представляет в высшей степени актуальную задачу криминологических исследований.

¹ См. А. Б. Сахаров, О личности преступника и причинах преступности в СССР, М., 1961, стр. 86—87. Конечно, было бы неточным «привязывать» участие семьи и школы в формировании личности только к периоду несовершеннолетия. Исследования последних лет (например, Ю. Д. Блуштейна, Х. Кингса, А. М. Яковлева и др.) показывают отчетливую зависимость ресоциализации лиц, отбывших наказание, от наличия у них семьи, равно как и от облика последней. Однако преимущественное влияние семьи и школы на несовершеннолетних очевидно, поэтому нами использованы в основном материалы криминологических исследований преступности несовершеннолетних.

² «Материалы XXII съезда КПСС», стр. 414.

³ А. С. Макаренко, Соч., т. 4, М., 1957, стр. 20.

2. Применительно к роли семьи в нашем обществе мы будем исходить из того, что формирование личности детей происходит в результате как объективного воздействия той среды, в которой они живут (характер и условия жизни семьи, профессиональная деятельность и круг интересов отца и матери, отношения между семьей и обществом, семьей и школой, между членами семьи и т. д.), так и целенаправленного воспитания, осуществленного семьей, школой и другими воспитательными учреждениями. При этом возможно возникновение самых разнообразных противоречий между объективными и субъективными факторами, а также внутри каждого из этих факторов (например, противоречия между влиянием отца и влиянием матери, направлением семейного и школьного воспитания).

Нарушения в сфере семейного воспитания могут быть связаны с отходом от оптимальной с точки зрения социалистического общества нормы в области: а) материально-бытовых условий семьи; б) ее состава и структуры; в) нравственной позиции семьи; г) ее воспитательной педагогической позиции (включая объективную обусловленность последней), в том числе по взаимодействию со школой.

Что касается материально-бытовых условий семейного воспитания, то, по нашим данным, они в настоящее время существенно не различаются у правонарушителей и подростков контрольной группы и, по-видимому, не имеют существенного значения в непосредственном генезисе преступного поведения. В частности, если принять средний состав семьи в СССР за 3—4 человека с двумя работающими, то с учетом среднемесячного размера заработной платы на одного работающего (без дополнительных выплат и льгот) окажется, что $\frac{2}{3}$ семей правонарушителей имели не меньший доход в расчете на одного члена семьи¹.

¹ Надо помнить также о дифференцированном подходе к использованию выплат и льгот на воспитание детей из общественных фондов, преимущественную долю которых получают семьи, имеющие относительно более низкий уровень денежных доходов. Кроме того, поскольку в отличие от подростков контрольной группы подростки, совершившие преступления, в половине случаев работали, продолжая жить в семье, их заработок (обычно не менее 60—80 руб.) необходимо присовокупить к денежным доходам семьи.

Сходны в этом отношении и данные, полученные некоторыми другими исследователями (Н. И. Гуковской, Е. Т. Яковлевым, В. А. Яхонтовым).

Выборочные исследования тех же авторов позволили констатировать, что жилищные условия семей, в которых воспитывались несовершеннолетние правонарушители, также не имеют существенных отличий от жилищных условий в контрольной группе.

С учетом изложенного очевидна внутренняя противоречивость позиции М. А. Алемаскина. Правильно отмечая, что в возникновении правонарушений среди несовершеннолетних, связанных с недостатками семейного воспитания, «на первое место выступает не уровень материального благополучия семьи, а те взаимоотношения, которые в ней складываются», он в то же время необоснованно видит основную причину краж, совершаемых несовершеннолетними, в расхождении между «материальными возможностями субъекта и наличными у него потребностями иметь то, что имеют другие»¹.

Большое значение в возникновении нравственно-психологических деформаций развивающейся личности подростка могут иметь моменты, связанные с составом и структурой семьи. От этого зависят, с одной стороны, возможности осуществления социального контроля за ним, а с другой — возможности возникновения конфликтных ситуаций и состояний².

Следует сразу же подчеркнуть, что ни переход к семье с двумя работающими родителями, ни специфика городской семьи в условиях социалистического общества сами по себе не являются базой для возникновения подобных ситуаций. Согласование системы семейного и общественного воспитания позволяет, по общему правилу, ликвидировать возникающие в связи с указанны-

¹ М. А. Алемаскин, Психологическая характеристика личности несовершеннолетних правонарушителей, автореферат канд. дисс., М., 1968, стр. 10, 11.

² Обычно речь идет об определенном сочетании комплекса взаимовосиливающих искажений условий семейного воспитания (например, сочетании нарушения нормальной структуры семьи и негативной «общей атмосферы» в ней или сочетании неправильной позиции в отношении подростка и в отношении школы). Однако их анализ можно проводить и отдельно, имея в виду, что выделение одного компонента из их совокупности — лишь исследовательский прием.

ми моментами трудности¹. Поэтому криминогенное значение имеют не упомянутые факторы как таковые, а их недостаточный учет при организации общественного воспитания несовершеннолетних в отдельных местностях².

В то же время неполная или распавшаяся семья, несомненно, имеет прямое криминогенное значение: в исследуемом контингенте по сравнению с контрольной группой в 3—4 раза больше доля сирот и примерно в 1,5 раза больше доля лиц, воспитывавшихся в неполных и распавшихся семьях.

Это и понятно. В условиях неполной семьи физически затруднен социальный контроль за подростком. В ряде случаев в этих условиях ухудшается и общая атмосфера семьи (особенно в распавшихся семьях, составляющих почти половину неполных семей).

Признавая криминогенное значение за рассмотренными дефектами условий семейного воспитания, мы вместе с тем полагаем, что решающее значение в семейном воспитании принадлежит общей нравственной позиции семьи. Речь идет, во-первых, о наличии или отсутствии внутри семьи источников антиобщественных, аморальных влияний и, во-вторых, об общей системе нравственной ориентации, о системе ценностей, проявляющейся в повседневном поведении родителей.

Роль первого из названных факторов достаточно детально исследована в криминологической литературе. Примерно в 30% случаев лица, ставшие преступниками, воспитывались в семьях, где они сталкивались с постоянным отрицательным примером родителей — систематическими пьянками, скандалами, проявлениями жестокости, развратным поведением и т. д.

Однако из этого же показателя напрашивается и иной вывод: около $\frac{2}{3}$ семей, в которых воспитывались лица, совершившие преступления, не имели столь яв-

¹ По данным различных выборок, около половины преступлений подростков в крупных городах совершается поздно вечером и ночью. Значит, недостаточность семейного надзора за многими подростками связана отнюдь не с занятостью родителей на работе (см., например, Г. М. Миньковский, М. М. Бабаев, Человек и закон, М., 1971, стр. 7).

² По данным некоторых выборок, до 50% подростков, воспитывавшихся в неблагоприятных семейных условиях и совершивших преступления, проводили все свободное время бесцельно на улице (см. «Криминология», М., 1968, стр. 350).

ных внутренних источников отрицательного воздействия на детей и тем не менее не сумели обеспечить надлежащее их воспитание. Первостепенное значение здесь, наряду с уровнем социального контроля семьи за детьми, имеет ее повседневная нравственная ориентация. Опрос старшеклассников, проведенный в Луганской области, показал, что решающим для своего воспитания они считали пример повседневного поведения матери (94% опрошенных), отца (67%), братьев и сестер (16%)¹.

Интересны в этой же связи и наблюдения В. И. Кояла, сопоставившего в ходе своего выборочного исследования по материалам Литовской ССР долю «трудных» подростков в группе семей, где система отношений строилась на внимании и уважении к окружающим; и в группе семей, где повседневное поведение взрослых носило индивидуалистический характер. Выяснилось, что доля детей с устойчивой отрицательной характеристикой во второй группе в 10 раз больше, чем в первой². По данным Н. Г. Яковлевой, в большинстве случаев подростки, систематически или часто употребляющие алкоголь, начали делать это в семье, подражая взрослым и с их разрешения³.

Отец и мать — это естественные и самые убедительные образцы поведения для детей, чье поле жизненных наблюдений по необходимости ограничено (особенно в младшем возрасте). Именно с помощью подражательного рефлекса «в детстве складывается и вырабатывается индивидуальное и социальное поведение»⁴. На примере родителей подросток получает представление о должном поведении, отношении к обществу, труду, другим людям и т. п. Из общей атмосферы семьи дети усваивают также избирательное отношение к той или

¹ См. «Советская педагогика» 1965 г. № 12, стр. 90.

² См. «Комсомольская правда» 22 июня 1969 г.

³ В данном случае отчетливо проявляется отмеченная Н. С. Мансуровой ситуация, когда «родители или близкие, сами не совершая никаких аморальных поступков, формируют у ребенка неправильный подход к оценке тех или иных явлений действительности, создают у него неправильное представление об идеале» («Социально-психологические причины трудного детства», «Дети с склонениями в поведении», М., 1968, стр. 32).

⁴ И. П. Павлов, Полн. собр. соч., т. 4, М., 1951, стр. 428.

инной информации в зависимости от того, «вписывается» ли она в эту атмосферу.

Важным элементом семейного воспитания, с деформацией которого (обычно в сочетании с деформацией и других элементов) может быть связано искажение личностного развития детей, является педагогическая позиция семьи (включая взаимоотношения со школой).

Эта позиция в свою очередь зависит в основном от трех моментов: а) общей атмосферы семьи; б) полноты, всесторонности и правильности осознания задач, содержания, возможностей и значения семейного воспитания; в) наличия некоторых объективных предпосылок для надлежащего осуществления семейного воспитания детей в полном объеме. Что касается первого из этих моментов, то о нем уже упоминалось. Надо лишь добавить, что в случае существенного расхождения нравственной позиции семьи с требованиями общественной морали может возникнуть одна из следующих ситуаций.

Во-первых, семья может попытаться маскировать от детей свою действительную нравственную позицию. В этом случае, если воспитательное двурушничество будет распознано подростком, он приспособится к ситуации с помощью «двойной морали» (см. гл. V) либо вступит в длительный конфликт с воспитывающей средой. Если же ориентация, полученная в семье, своевременно будет скорректирована школой и общественностью, подросток приобретет правильную социальную позицию.

Во-вторых, семья может пытаться осуществлять целенаправленное воспитательное воздействие на детей в духе своей общей позиции. Если действительная позиция семьи была обнаружена несвоевременно или принятые меры по усилению воспитания данного подростка окажутся недостаточными, возможно ускорение у лица антиобщественных взглядов и привычек.

Неосознание или игнорирование социальной роли семейного воспитания, отсутствие его программы может привести к одностороннему воспитанию, когда дети освобождаются от каких-либо обязанностей перед семьей и выступают по отношению к ней лишь как потребители. Между тем надо иметь в виду, что в настоящее время «детство стало легким, беззаботным и более безответственным. Мы справедливо гордимся этими пере-

менами и радуемся им. Но в них таится возможность разрыва с некоторыми полезными нравственными традициями»¹.

В семьях, где игнорируется необходимость целенаправленного формирования привычки трудиться, чувства ответственности за порученное дело, привычки соотносить свои интересы и требования с интересами и требованиями семьи и через нее — коллектива вообще, дети быстро усваивают потребительскую, эгоистическую психологию. У них в большей или меньшей степени искажается вся сфера потребностей личности, формируется стремление требовать удовлетворения своих желаний любой ценой, неуважение к интересам других, неспособность самостоятельно преодолеть возникшие трудности и т. д.

Нравственная деформация такого рода еще более усугубляется, если потребительское воспитание детей, игнорирование необходимости формирования привычек коллективистского поведения, привычки трудиться сочетаются с излишествами при удовлетворении материальных потребностей детей. По данным Э. Г. Костяшкина, средний доход семьи за 20 лет возрос в 2 раза, а траты семьи на подростков в возрасте 13—16 лет возросли в 3 раза².

Независимо от психологической основы такой позиции (основана ли она на престижных соображениях, на родительских эмоциях, на тезисе «пусть дети проживут лучше, чем я в их возрасте» и т. д.), речь идет о внедрении в сознание и поведение подростка индивидуалистических тенденций, привычки к удовлетворению желаний вне связи с мыслью о каких-либо своих обязанностях³. По правильному замечанию А. Б. Сахарова, подросток, не приученный к коллективному удовлетворению потребностей и привыкший к своему «главному» положению, в случаях, когда родительские возможности ока-

¹ А. Г. Харчев, Брак и семья в СССР, М., 1964, стр. 273.

² См. «Материалы IX научной конференции по возрастной морфологии, физиологии и биохимии», М., 1969, стр. 19.

³ Результаты обследований показывают, в частности, что подросткам-правонарушителям в подавляющем большинстве случаев не известен семейный бюджет, он и не интересуется им, они не знают планов родителей относительно необходимых расходов, им не известна стоимость для государства обучения одного школьника.

зываются уже недостаточными для удовлетворения его потребностей, легко пренебрегает установленными правилами общежития. Больше того, отсутствие привычки к самоограничению может в данной ситуации толкнуть его на преступление или иное правонарушение под влиянием спонтанно возникших мотивов и целей.

С потребительским воспитанием, интенсифицируя его отрицательные последствия, обычно сочетается самоограничение родителями объема своих воспитательных обязанностей. Как правильно отметили в этой связи З. Самошина и Н. Осипенко, такая достаточно распространенная позиция, как «скрытая безнадзорность», когда родители не уделяют внимания вопросам нравственного воспитания и повышения культурного уровня детей¹, может очень быстро привести к тому, что подросток в бытовом окружении попадает в зону отрицательных влияний.

Выборка в одном из областных городов показала, в частности, что в семьях «трудных» подростков и правонарушителей родители во всех изученных случаях не контролировали расходование детьми «карманных» денег; систематическое совместное проведение досуга в его социально-приемлемых формах (кино, прогулки и т. д.) отмечалось лишь в 37% случаев; контроль за знакомствами — в 38%, помощь в выполнении домашних заданий — в 16% случаев².

С потребительским воспитанием и самоограничением объема воспитательных обязанностей со стороны родителей не менее чем в $\frac{2}{5}$ случаев сочетается и позиция слепой защиты их от любых упреков. Такие родители прибегают к контробвинениям в адрес школы, органов милиции и т. д., допускают в присутствии детей грубые выпады в адрес педагогов, инспекторов и активистов детских комнат милиции. Подобная «тактика» родителей активизирует негативизм подростка по отношению к любым замечаниям извне и одновременно формирует чувство безнаказанности, абсолютной защищенности.

¹ См. «Советская юстиция» 1962 г. № 20, стр. 17.

² Показательность этих данных косвенно подтверждается и исследованием Н. С. Мансурова. В контингенте обследованных им правонарушителей 80% юношей заявили, что никаких ссор в связи с вопросом о круге знакомств и времяпрепровождении у них с родителями не было («Дети с отклонениями в поведении», стр. 31).

3. Все сказанное приводит к выводу о неоднородности «механизма» и причин отрицательного влияния некоторых семей на воспитание детей. Можно выделить:

семьи, где родители не хотят воспитывать своих детей в духе требований социалистического общества, хотя могут это делать и имеют для этого возможности;

семьи, где родители не могут в полной мере осуществлять правильное их воспитание (в силу занятости, болезни, временного отсутствия и т. д.), несмотря на свое желание и умение это делать;

семьи, где родители не умеют воспитывать детей (в силу педагогической и общей недостаточной культуры и т. д.). Последняя группа в составе семей с неправильной воспитательной позицией, по-видимому, преобладает.

Если применительно к первой группе семей необходимы меры государственного и общественного воздействия, то применительно ко второй и третьей группе — прежде всего меры помощи. Значительную роль призвано сыграть, в частности, развертывание сети школ продленного дня, клубов и кружков по месту жительства, педагогического всеобуча родителей.

Для родителей подростков, совершивших преступления, характерен чаще всего сниженный образовательный и культурный уровень (см. гл. IV). Это, конечно, не может не затруднить поиск и реализацию правильной воспитательной позиции по отношению к детям. В частности, затрудняется завоевание авторитета у детей, обладающих в большинстве случаев значительно более разнообразным объемом получаемой информации; ограничивается ценность значимых для детей советов и рекомендаций; существенно обеднены формы досуга родителей и в этой связи уменьшены возможности позитивного влияния на досуг детей и т. д.

Эти сложности еще более усугубляются в городской семье, где в отличие от сельских семей обычно нет раннего включения подростка в необходимый для семьи домашний труд и не так нагляден трудовой пример родителей.

Нельзя сбрасывать со счета и такие затрудняющие правильное воспитание факторы, как болезнь и пожилой возраст родителей, работа, связанная с длительным отсутствием, и работа родителей в ночную смену.

Однако следует еще раз подчеркнуть, что ни один из этих факторов не предопределяет с фатальной неизбежностью дефектов воспитательной позиции семьи. При использовании всех возможностей общественного воспитания и при субъективно-ответственном отношении родителей к своему долгу неблагоприятное влияние этих факторов может быть преодолено или нейтрализовано. Широкие и целенаправленные мероприятия партии и государства по улучшению условий семейного воспитания детей, сокращение и упорядочение рабочего времени, увеличение количества нерабочих дней, улучшение системы школьного воспитания и работы с детьми по месту жительства — все это неуклонно ограничивает сферу и смягчает характер проявлений указанных осложняющих воспитание детей факторов.

4. Если учесть отмеченные недостатки семейного воспитания, то станет понятной необходимость обеспечить правильное сочетание такого воспитания с элементами общественного воспитания уже в дошкольном возрасте. Предшественниками школы в этом отношении, с одной стороны, являются различные формы работы с младшими детьми по месту жительства, а с другой — дошкольные детские учреждения. У детей, которые воспитываются в этих учреждениях, обнаруживается в массе более быстрое развитие социально-позитивных качеств личности. Особенно велико значение детских дошкольных учреждений (как и школы) в нейтрализации отрицательных влияний, исходящих от ближайшего бытового окружения, а также в перевоспитании детей, уже несущих на себе следы негативных воздействий этих источников.

5. Роль общественного воспитания еще более усиливается в школьном возрасте, причем эта роль в формировании личности детей и подростков все время продолжает расти по мере увеличения возраста подростка. Вместе с тем духовный микроклимат в семье в целом сохраняет свое значение и в период обучения в школе. При благоприятной обстановке в семье, при нормальных взаимоотношениях между взрослыми членами семьи, а также между ними и детьми существенно усиливается стойкость последних в отношении антиобщественных влияний. Благоприятен прогноз и при компенсации школой недостатков семейного воспитания. При «сложении» же недостатков семейного и школьного

воспитания нередко наступает нравственно-психологическая деформация личности подростка.

Для понимания «механизма» связи недостатков в работе школы с неблагоприятным нравственным формированием личности подростка следует иметь в виду, что у значительной части детей, чье семейное воспитание было недостаточным, отсутствует или очень слаба готовность к социальной позиции младшего школьника. Это прежде всего группа детей, педагогически запущенных уже в дошкольном возрасте.

Разрыв между системой внешних требований (ожиданий), связанных с учебой, с одной стороны, и объективными возможностями и способностями таких детей обеспечить соответствующий уровень учебной деятельности — с другой, образует конфликтную ситуацию, которая может проявлять деструктивный характер, глубоко переживается и является нередко причиной состояний, могущих привести к общественно отрицательным формам поведения.

«При длительном сохранении аффективного состояния вызванные им формы поведения усваиваются ребенком и становятся устойчивыми качествами личности; затем, в процессе повторения они закрепляются в виде привычных форм поведения. В дальнейшем ребенок начинает оправдывать эти отрицательные формы поведения и даже относиться к ним положительно, в результате чего они становятся устойчивыми качествами личности»¹.

Исследования показали, что далеко не все несовершеннолетние правонарушители с первых дней учебы в школе оказались в числе отстающих. По данным, полученным М. А. Алемаскиным, около 38% обследованных им подростков-правонарушителей сначала учились хорошо, и лишь затем их успеваемость начала снижаться². Это связано не только и даже не столько с усложнением программы обучения при переходе из класса в класс, но главным образом с изменением отношения к учебе. Объясняя данное явление, Л. И. Божович отмечает, в частности, следующие его причины:

¹ Л. И. Божович, Личность и ее формирование в детском возрасте, М., 1968, стр. 443—444.

² «Психологическая характеристика личности несовершеннолетних правонарушителей», автореферат канд. дисс., М., 1968, стр. 11.

а) в связи с недостатками содержания и организации первоначального школьного обучения познавательная потребность развивающейся личности ребенка иногда не находит в школе достаточного удовлетворения;

б) учащимся не всегда прививают способы и формы поведения, необходимые для реализации их положительных наклонностей;

в) по мере перехода из класса в класс, особенно начиная с 3—4 классов, формирующееся общественное мнение класса иногда складывается не в пользу добросовестного отношения к учебе¹.

Таким образом, «первый слой» будущих правонарушителей — это те, кто с первого класса в силу разных причин, отмеченных выше, оказался неспособным выполнять роль младшего школьника. Они уже в конце младшего школьного возраста оказываются (по существу, а не формально) за пределами формирующегося классного коллектива.

«Второй слой» несовершеннолетних правонарушителей состоит из тех ребят, которые более или менее успешно начали обучение в школе, но у которых затем по названным выше причинам началось «обратное развитие» положительных качеств личности. Причем по мере отчуждения от школы и включения таких детей и подростков в неформальные группы, где им легче добиться признания, изменяется механизм формирования личности несовершеннолетних правонарушителей. Наряду с отрицательными формами поведения, вызванными неблагоприятным положением детей в семье и школе, происходит интенсивное усвоение по законам групповой психологии и попытка переноса в школу антиобщественных форм поведения и отношений, принятых в неформальных группах.

6. С точки зрения условий школьного воспитания и влияния их недочетов на формирование личности положение школьников в возрасте 11—14 (15) лет существенно меняется.

Переход к предметному обучению обуславливает значительное и резкое увеличение требований, предъявляемых к учащимся в отношении их учебной деятельности и условий последней; классный коллектив, про-

¹ См. указ. работа, стр. 253—272.

цесс формирования которого начался еще в младших классах, приобретает большую самостоятельность.

Именно в средних классах школы вступает в действие новый фактор, в исключительной степени способствующий неправильному формированию личности — второгодничество. Подростки-второгодники составляют «третий слой» несовершеннолетних правонарушителей.

Подростки, остающиеся на второй год, попадают в новый коллектив, который смотрит на них как на «чужих»; им трудно обычными способами завоевать авторитет, занять соответствующее место в классе, в силу этого они прибегают часто к отрицательным формам поведения, которые могут постепенно закрепляться и стать отрицательными чертами характера. На этой базе обычно развиваются также связи с подобными себе подростками в школе или вне ее, образуются группы с отрицательной направленностью, усиливается отчуждение от семьи и школы, которое выражается, в частности, в отрицательном отношении подростков к родителям и учителям. Опрос, проведенный среди «трудных» учащихся 7-х классов, имеющих обоих родителей, показал, что лишь для 47% из них отцы и для 63% матери заслужили положительную оценку; для «трудных» старшеклассников авторитет родителей оказался еще более низким: соответственно 30 и 23%¹.

Г. Г. Бочкарева установила, что из числа обследованных ею подростков-правонарушителей только 37% проявили положительное отношение к матери². Из опрошенных С. С. Гончаровой «трудных» учащихся 94% обнаружили неприязненные отношения к школе и учителям³.

7. Социальные ситуации дальнейшего формирования личности несовершеннолетних правонарушителей в раннем юношеском возрасте (15—17 лет), связанные с ролью семьи и школы, существенно отличаются от предшествующего подросткового периода.

¹ См. Н. С. Мансуров, Социально-психологические причины трудного детства, «Дети с отклонениями в поведении», стр. 20—36.

² См. Г. Г. Бочкарева, Психологическая характеристика сферы подростков-правонарушителей, автореферат канд. дисс., М., 1968, стр. 11.

³ См. «Народное образование» 1964 г. № 4, стр. 17.

Уже 3
групп и
в том, ч
подростк
няется в
13—15%
зом, в пр
шей степ
продолжа
низком у
школы.
шеннолет
щает раб
в школе
неработа
10—15%
мальные
своему з
оказываю
гне¹.

Роль
коллектив
остановим
лемах фо
раннем ю
их к новы
ям, трудот
Социол
кучесть р
ка среди
Основн
чих — неу
подготовл
вхождения
и органи
В свою о

¹ Доли
состающих по
вершающих
дований (см
² О попу
венным усло

Уже в начале этого периода значение неформальных групп и бытового окружения еще более возрастает. Дело в том, что учебная деятельность почти для половины подростков, совершивших затем правонарушения, сменяется в этом возрасте трудовой деятельностью, а для 13—15% — профессиональной учебой (главным образом, в профессионально-технических училищах и в меньшей степени — в техникумах). Лишь около 25% из них продолжают в это время выполнять (в основном на низком уровне) роль школьника 8—10 классов дневной школы. Только меньшая часть работающих несовершеннолетних из рассматриваемого контингента совмещает работу на производстве или учебу в ПТУ с учебой в школе рабочей (сельской) молодежи. Наконец, для неработающих и неучащихся, составляющих примерно 10—15% от общего числа правонарушителей, неформальные группы и ближайшее бытовое окружение по своему значению для формирования личности вообще оказываются более значительными, нежели любые другие¹.

Роль недостатков воспитания в производственном коллективе освещается в § 3 данной главы. Здесь мы остановимся лишь на некоторых специфических проблемах формирования личности несовершеннолетних в раннем юношеском возрасте, связанных с адаптацией их к новым условиям жизни, общественным отношениям, трудовой деятельности².

Социологические исследования показывают, что текучесть рабочей силы на предприятиях особенно высока среди рабочих со стажем не более трех лет.

Основные причины текучести среди молодых рабочих — неудовлетворенность работой, низкий уровень подготовленности к трудовой деятельности, трудность вхождения в новый коллектив, слабая воспитательная и организационная работа среди молодых рабочих. В свою очередь неадаптированность к трудовой дея-

¹ Доли учащихся школ, ПТУ, работающих, неучащихся и неработающих подростков в составе контингента несовершеннолетних, совершающих преступления, приведены по данным выборочных исследований (см. «Криминология», М., 1968, стр. 342).

² О понятии и содержании нормальной адаптации к производственным условиям см. «Молодежь и труд», М., 1970, стр. 135—163.

тельности приводит к нарушениям дисциплины, к анти-социальным и противоправным поступкам.

Коллективы предприятий еще не всегда обеспечивают в полной мере «нейтрализацию» действия неблагоприятных источников неправильного формирования личности несовершеннолетних правонарушителей, преодоления уже сформировавшихся отрицательных черт личности у некоторых юношей¹.

Специализация и развертывание этого направления предупредительно-воспитательной работы позволят предотвратить большинство правонарушений работающих подростков.

8. Прямое, непосредственное влияние семьи (как положительное, так и отрицательное) на формирование личности несовершеннолетних правонарушителей в юношеском периоде уменьшается, ибо основной механизм формирования на указанном этапе развития — школьный, производственный коллектив и ближайшее окружение. Но влияние неблагоприятных семейных условий, существовавшее на предшествующих этапах развития, проявляется и в юношеском возрасте.

Семейные конфликты, отрицательный пример и отсутствие контроля со стороны родителей — все это может прямо способствовать антиобщественному поведению несовершеннолетнего старшего возраста (хотя обычно не в качестве основной причины).

9. Роль средств массовой информации — радио, телевидения, кино, периодической печати, литературы и т. д. — в формировании личности в раннем юношеском возрасте значительно возрастает по сравнению со всеми предыдущими этапами ее развития.

Оценивая влияние этих средств на формирование личности несовершеннолетних правонарушителей, необходимо учитывать следующие моменты:

1) в сфере их интересов оказывается лишь небольшая часть информационного содержания этих средств;

¹ По выборочным данным, 54% подростков, совершающих прогулы, не привлекаются ни к дисциплинарной, ни к общественной ответственности (см. Т. М. Дроздов, Причины и условия, способствующие правонарушениям подростков, работающих на промышленных предприятиях, и меры к их устранению, автореферат канд. дисс., Свердловск, 1971, стр. 16).

2) выбор информации из этих источников определяется установками, склонностями, нормами, уже сложившимися в первичных микрогруппах, в основном неформальных.

Включенность юности в неформальную группу с антиобщественной направленностью способствует формированию у него недоверчивого, скептического, негативного отношения ко многим аспектам содержания средств массовой информации.

10. Формирование личности в раннем юношеском возрасте, т. е. в возрасте 15—17 лет, еще недостаточно изучено в общей психологии, социологии и педагогике. Тем более это относится к изучению личности несовершеннолетних правонарушителей. Указанное обстоятельство не могло не создать трудности при анализе роли недостатков семейного и школьного воспитания в формировании преступного поведения. Вместе с тем собранные данные позволяют сделать бесспорный вывод, что большинство несовершеннолетних правонарушителей оставляют школу и испытывают на себе влияние иных сфер общественных отношений, в которые они оказываются включенными. Общим для всех этих категорий (групп) несовершеннолетних правонарушителей является то, что их поведение постепенно выходит из-под регулирующего влияния социалистических нравственных и правовых норм, проводником которых являются средства массовой информации и коллективы (школьные, производственные, семейные и иные). Рассматриваемый социально-возрастной период является для несовершеннолетних правонарушителей именно периодом интенсивного формирования и реализации индивидуальной антиобщественной направленности, антиобщественных взглядов и привычек. Вместе с тем у большей части несовершеннолетних правонарушителей антиобщественная направленность не приобретает характера системы антиобщественных взглядов и убеждений, а остается на уровне отдельных асоциальных отношений, имеющих достаточно выраженную эмоциональную окраску (влечений, ситуативных побуждений и, главным образом, негативизма по отношению к некоторым из требований семьи и школы). Отсюда большие возможности ранней профилактики.

§ 3. Недостатки воспитательной и хозяйственной деятельности в производственном коллективе. Учет этих обстоятельств в профилактической работе

1. Причины «криминализации» структуры той или иной личности обычно, за исключением подростков, не могут быть полностью выяснены только в рамках ее взаимодействия с неблагоприятными обстоятельствами семейной и школьной среды. Процесс нравственного формирования продолжается в производственной среде, в которой осуществляется трудовая деятельность. Отсюда для раскрытия процесса «криминализации», выяснения его этапов и типичных механизмов и их своевременного устранения требуется анализ взаимодействия личности с влияющими на ее нравственный облик неблагоприятными обстоятельствами этой среды в отдельных производственных коллективах. Предупредительная деятельность не только должна направляться на устранение объективных организационно-хозяйственных недостатков, формирующих отрицательные качества личности, но и иметь своим предметом воздействие на самую личность, с учетом «воздействия объективных условий на лиц, а также обратное воздействие лиц с антиобщественными взглядами на условия»¹.

В условиях социалистического трудового коллектива возрастает ответственность личности. Член коллектива не может оправдать процесс собственной «криминализации» ссылками на неблагоприятную ближайшую среду (микросреду), ибо в подавляющем большинстве коллективов положительно социализирующие влияния и связи, могущие дать нравственную опору личности и базирующиеся в свою очередь на условиях социалистического общества, занимают доминирующее положение².

Касаясь причин и общей характеристики имеющих криминогенное значение недостатков, существующих в производственной среде, необходимо прежде всего подчеркнуть следующие положения.

¹ Г. Л. Смирнов, Советский человек, М., 1971, стр. 285.

² Это же можно сказать и применительно к семье и школьным коллективам.

Во-первых, названные недостатки нельзя рассматривать как обязательно присущие всем без исключения социалистическим трудовым коллективам, как что-то неизбежное в их жизни. Это противоречило бы самой сущности указанных коллективов и фактической стороне дела. Существуют многочисленные трудовые коллективы, в которых обеспечивается благоприятное нравственное формирование личности всех членов коллектива, включая «перековку» людей, зараженных пережитками прошлого (в прошлом судимых и проч.).

Во-вторых, наличие в отдельных трудовых коллективах тех или иных неблагоприятных обстоятельств чаще всего—временное явление. Эти обстоятельства преходящи, они постоянно вытесняются, устраняются из жизни коллективов по мере их развития и укрепления.

2. Говоря об обстоятельствах, способствующих возникновению антисоциальных взглядов в отдельных производственных коллективах, следует отметить выявленную в процессе криминологических исследований тесную связь подобных взглядов с низким уровнем организации производственной деятельности. Так, из опрошенных рабочих и служащих трех «неблагополучных» с точки зрения правонарушений предприятий (совхоз, молочный завод, машиностроительный завод) 92% указали в анкетах, что формированию неосознанного отношения к государственному имуществу способствуют недостатки в организации работы, причем 42% отметили сильное влияние этого фактора¹.

Связь недостатков в организации, управлении, планировании на предприятии с криминогенными обстоятельствами (бесхозяйственность, плохой учет и контроль, низкий уровень трудовой дисциплины, пьянство и т. п.) и последних с формированием отрицательных нравственных качеств у отдельных членов того или

¹ См. В. Г. Танасевич, Б. В. Коробейников, И. Л. Шрага, Формирование сознательного отношения к социалистической собственности — основа предупреждения хищений, «Советское государство и право» 1969 г. № 4, стр. 90—96; В. Г. Танасевич, А. Д. Берензон, А. П. Сыров, Роль производственного коллектива в предупреждении хищений социалистического имущества, «Борьба с хищениями государственного и общественного имущества», М., 1970, стр. 5—28.

инного производственного коллектива подтверждается не только данными опросов. Так, при проведении обследования причин совершения хищений десятью лицами со значительным стажем работы на предприятии (от 14 до 25 лет) было установлено, что формированию неуважительного отношения к имуществу предприятия в сознании осужденных в сильной степени способствовала обстановка бесхозности, долгое время существовавшая на этом предприятии¹.

С недостаточной организацией работы в некоторых коллективах связан низкий уровень активности работников, который, как показали исследования, характерен для лиц, совершающих правонарушения. Той же причиной объясняется слабый общеобразовательный и культурный рост отдельных рабочих и служащих, в среде которых относительно чаще встречаются пьяницы, прогульщики, нарушители общественного порядка, рвачи, лица, занимающиеся мелкими хищениями на производстве, из среды которых выходят хулиганы и расхитители.

Возникновение условий, способствующих антисоциальному поведению членов производственных коллективов, зависит от уровня работы общественных организаций.

Ненадлежащий уровень организации деятельности групп и постов народного контроля, «комсомольского прожектора», народной дружины, товарищеского суда на предприятии порождает обстановку равнодушия, пассивности, терпимости к пьяницам, расточителям, расхитителям, формирует у них уверенность в безнаказанности, что не может не способствовать живучести хищений и хулиганских проявлений. Вне воспитательного воздействия остаются как раз те работники, которые более всего в этом нуждаются.

Таким образом, исследование обстоятельств, влияющих на формирование негативных качеств личности в производственной сфере, не может быть оторвано от следующего звена: анализа связи этих обстоятельств с недостатками в руководстве производственной и общественной жизнью на предприятии. В свою очередь

¹ См. «Борьба с хищениями государственного и общественного имущества», стр. 15.

предупреждение совершения преступлений членами производственного коллектива неотделимо от общего улучшения руководства производственной и общественной деятельностью.

3. Рассмотрим более конкретно недостатки в производственных коллективах, которые непосредственно влияют на формирование у некоторых членов этих коллективов неуважительного отношения к государственной и общественной собственности, к правовым нормам, регулирующим их сохранность, уверенности в безнаказанности нарушителей этих норм и т. п.

Так, неизбежными «спутниками» неудовлетворительного планирования, плохой организации труда, слабого руководства производственным процессом выступают, как показали исследования, выпуск брака, перерасход материалов и денег, небрежное хранение материалов, полуфабрикатов, готовой продукции и тому подобные проявления бесхозяйственности и расточительства. Последние формируют у недостаточно зрелых работников пассивно равнодушное или скептически неуважительное отношение к имуществу предприятия, к государственной и общественной собственности, а это служит одним из внутренних стимулов к совершению хищений, должностных злоупотреблений корыстного характера.

В частности, расточительство и бесхозяйственность служат стимулами и к совершению мелких хищений, ибо виновный в этих случаях подчас не чувствует угрызений совести. Характерно в этом отношении высказывание одного из рабочих обследованного завода: «Причины хищений—это бесхозяйственность... Вследствие того, что как в цехах, так и во дворе валяются изготовленные детали и части, а также материалы к ним, через некоторое время даже те, кто их изготовлял и собирал, начинают относиться к ним как к никому не нужным, бросовым деталям и частям. В конечном счете у работающих вырабатывается безразличное, безответственное отношение—они начинают относиться к народному добру как к чему-то чужому, казенному, которое можно не только втоптать в грязь, но и взять»¹.

¹ «Борьба с хищениями государственного и общественного имущества», стр. 13.

Бесхозяйственность как фактор, формирующий неуважительное отношение к народному добру, действует на сознание не только через непосредственное отрицательное воздействие (наблюдаемые факты бесхозяйственности, эталоны бесхозяйственного поведения, контакты с носителями бесхозяйственных привычек), но и через опосредственное воздействие, среди которого не последняя роль принадлежит межличностным контактам. Отрицательное влияние на незрелых членов коллектива может иметь и информация о фактах бесхозяйственности в заводской печати, в докладах и т. п., если эта информация представляет собой «голое описание» фактов, без определения отношения к ним, без указания путей борьбы или если отсутствуют сообщения о принятых мерах либо если эти меры заведомо недостаточны.

В настоящее время зависимости, возникшие в связи с внедрением на предприятиях новой системы планирования и экономического стимулирования, способствуют повышению взаимной требовательности в коллективах по вопросам сохранности имущества предприятия. Не случайно 91% опрошенных в числе факторов, могущих повлиять на формирование добросовестного отношения к социалистической собственности, назвали введение хозрасчета в цехе, бригаде, причем 47% отметили сильное влияние этого фактора; 86% опрошенных указали также, что формированию добросовестного отношения способствует введение личных счетов по экономии сырья и полуфабрикатов и т. д. Однако неблагоприятные факторы, о которых шла речь, не исчезают автоматически и в новых условиях. Требуется настойчивая борьба по устранению этих факторов и их влияния на сознание и поведение членов коллективов. Отражая это положение, 86% опрошенных предлагали для воспитания сознательного отношения к социалистической собственности оценивать результаты социалистического соревнования с учетом вклада коллектива (цеха, бригады) в дело сохранности народного добра.

В числе формирующих неуважение к государственной и общественной собственности обстоятельств следует назвать и слабое использование различных форм и методов контроля и связанных с ним материальных и моральных поощрений и санкций. Это относится как

к госуд
т. д.) и
кие суды
му, в ча
му. В фо

регулиру
венности
щие из
деятель
и неукл
привычк
Поро
ководств
явления
наруша
регулиру
контрол
т. п. С
сверхур
диловки
строите
у недос
ния и
сохранн
ности на

Форм
посягате
знании
произво
недоста
венной
неудовл
которая
дованн
лежащи
матери
ки спис
наказан
крепляе

4 На
вующие
ший (см
имущест
7*

к государственному (ревизионный, бухгалтерский и т. д.) и общественному (группы и посты, товарищеские суды) контролю, так и к контролю неформальному, в частности влиянию общественного мнения.

В формировании неуважения к правовым нормам, регулирующим сохранность социалистической собственности, существенное значение имеют те вытекающие из недостатков организационно-хозяйственной деятельности условия, которые препятствуют точному и неуклонному соблюдению законов, формированию привычки соблюдать нормы права.

Порожденные низким уровнем планирования и руководства производственным процессом отрицательные явления создают обстановку, в которой неизбежно нарушаются, игнорируются, «обходятся» нормы права, регулирующие поставки продукции, учет, отчетность, контроль, порядок списания затрат, оплату труда и т. п. Списание затрат не по правилам, переплаты за сверхурочные работы, явления так называемой «выводилки» (распространенной, в частности, в некоторых строительных организациях) не могут не формировать у недостаточно зрелых членов коллектива пренебрежения и неуважения к нормам права, регулирующим сохранность государственной и общественной собственности на предприятиях¹.

Формирование убеждения в безнаказанности за посягательства на социалистическое имущество в сознании морально и идейно незрелых членов отдельных производственных коллективов также связано с рядом недостатков в организации хозяйственной и общественной деятельности. Среди них на первом месте стоит неудовлетворительная организация учета и контроля, которая приводит к тому, что за недостачи, неоприходованные излишки, потери и убытки, вызванные ненадлежащим хранением, охраной, расходом сырья и материалов, «не с кого спросить». Перерасходы, убытки списываются на производство без установления и наказания виновных, и эта практика формирует и подкрепляет уверенность в безнаказанности виновных.

¹ На эти и сходные обстоятельства указали как на способствующие хищениям каждый третий опрошенный рабочий и служащий (см. «Борьба с хищениями государственного и общественного имущества», стр. 19).

Неудовлетворительная организация контроля проявляется в его несистематичности; отсутствии всеобщности и внезапности проверок, их широкой гласности; в недостаточном привлечении к проверкам представителей общественности; в неумелом, поверхностном их проведении.

На значение правильной организации учета и контроля для создания «уменья» поймать достаточно быстро нарушителей мероприятий Советского государства специально указывал В. И. Ленин¹.

Влияние отсутствия на ряде предприятий должной организации учета и контроля на отношение к социалистической собственности подтверждается опросами общественного мнения. Так, 89% опрошенных рабочих и служащих упоминавших трех предприятий указали на плохой учет материальных ценностей и 92% — на неудовлетворительную организацию контроля как на факторы, воспитывающие неуважение к народному добру. На отсутствие либо на малоэффективность контроля как на одно из обстоятельств, формирующих умысел на совершение хищений, указали также 42% опрошенных осужденных за хищения в молочной промышленности и 58% опрошенных осужденных за хищения в строительных организациях².

Формированию уверенности в безнаказанности хищений способствует неудовлетворительная организация работы охраны на некоторых предприятиях, а также фактическая безнаказанность за совершение злоупотреблений корыстного характера, за мелкие хищения, попустительство по отношению к расточителям, бытующие в отдельных производственных коллективах. Особенно часто остаются безнаказанными лица, совершившие мелкие хищения. Например, при выборочном обследовании лиц, задерживавшихся за мелкие хищения на одном из молочных комбинатов, оказалось, что фактически безнаказанными остались более 90% задержанных.

Нередки случаи, когда администрация некоторых предприятий даже по отношению к уличенным в уго-

¹ См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 36, стр. 305.

² См. «Борьба с хищениями государственного и общественного имущества», стр. 14.

ловно наказуемом хищении принимает свои «домашние» меры—перевод на другую работу, выговор, увольнение «по собственному желанию» и т. д. Такого рода факты формируют у неустойчивых членов коллектива мнение, что за хищение «ничего не будет». Аналогичное воздействие оказывают и становящиеся известными факты волокиты при рассмотрении дел о мелких хищениях. Между тем проведенные на некоторых предприятиях выборочные исследования показали, что в срок до 15 дней (как предусмотрено Положением о товарищеских судах) рассмотрено лишь 47% дел о мелких хищениях, 36% дел рассматривалось в пределах 16—30 дней, 17%—позже, чем через месяц.

4. Формирование эгоизма, паразитических тенденций как черт личности имеет, пожалуй, главное значение в возникновении и укоренении у конкретных лиц корыстного мотива и умысла на совершение преступления. Эти тенденции—типичный пережиток буржуазной идеологии и психологии, воплощение «проклятого правила» старого общества: «каждый за себя, один бог за всех», о необходимости самой решительной борьбы с которым неоднократно указывал В. И. Ленин¹.

Одна из причин «заражения» некоторых членов производственного коллектива эгоистическими, паразитическими взглядами и привычками—недостатки в подборе кадров и связанная с этим деятельность лиц, являющихся активными носителями частнобуржуазной психологии и морали, навыков «дельцов». Это лица, в прошлом судимые за корыстные преступления, допускавшие злоупотребления, люди, у которых частнобуржуазная психология сформировалась под влиянием определенного семейного воспитания или бытовой среды.

Оказавшись в производственном коллективе, эти люди начинают насаждать свое мировоззрение, свою мораль. Опасными здесь становятся уже межличностные, неформальные контакты, могущие разлагающе влиять на незрелых и идейно нестойких членов коллектива. Тем большая опасность возникает, когда активные носители частнобуржуазной психологии

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 37, стр. 467.

получают возможность влиять на людей, используя формальные связи, отношения и зависимости, например, когда они оказываются на должностях, связанных с учетом, контролем, распоряжением материальными ценностями, и т. д.

В ряде случаев активные носители частнособственных пережитков применяют изоощренные методы психологической обработки неустойчивых членов коллектива, чтобы втянуть их в хищение.

Роль активных носителей пережитков частнособственной психологии в передаче антиобщественных взглядов другим людям в производственной среде подтверждается, в частности, данными опроса осужденных. Так, 50% опрошенных осужденных за хищения в строительных организациях указали в анкетах, что на совершение хищений их толкнули другие лица. Причем из каждых десяти отметивших это обстоятельство семеро подчеркнули, что их «втянули» в хищение лица, с которыми они так или иначе были связаны производственной деятельностью. С половиной из этих лиц опрошенные были связаны отношениями служебной зависимости.

С учетом сказанного становится очевидным, сколь важное значение для обеспечения здоровой обстановки в производственных коллективах имеет подбор кадров на должности, связанные с материальной ответственностью, учетом, контролем и т. п. Поэтому обеспечение неуклонного соблюдения действующих на этот счет правил (в том числе по недопущению на должности, связанные с материальной ответственностью лиц, судимых за корыстные преступления) наряду с совершенствованием учета и контроля, воспитательной работы и т. д. составляет важнейшее направление ранней профилактики преступлений.

5. Формирование у отдельных лиц относительно устойчивого негативного эмоционального настроения также может войти в число внутренних стимулов к хищению. В свою очередь появление такого настроения во многом бывает связано с недостаточной дифференциацией воспитательной работы в коллективе, с игнорированием необходимости особого подхода к людям, у которых не сбылись (большой частью завышенные под влиянием неправильного семейного и школьного воспитания) жизненные ожидания и мечты, возникли семей-

ные затруднения, материальные недостатки и иные обстоятельства, отрицательно влияющие на их настроение. Сюда можно отнести также людей, которые не видят перспектив роста, чувствуют себя «обниженными», «обделенными», «неудачниками». Подобные настроения, если они не будут нейтрализованы воспитательной работой, могут привести к участию в преступлении.

В отдельных производственных коллективах имеются и другие обстоятельства, вызывающие описанные настроения в сознании недостаточно стойких людей. Часть этих обстоятельств связана с недостатками в руководстве производственной деятельностью, в условиях труда. Своевременное выявление и устранение всего того, что создает плохой «эмоциональный фон», способствует появлению чувства безразличного, равнодушного отношения к материальным ценностям, могущего повлиять и на решимость совершить хищение, представляет поэтому также достаточно важный участок ранней профилактики хищений и других корыстных преступлений.

Появление негативных настроений может быть связано с проблемой социального престижа некоторых профессий, должностей, форм труда. Исследования социологов, в частности, показали относительно низкий уровень престижа некоторых видов труда в строительстве, торговле, в сфере бытового обслуживания, т. е. в отраслях, где чаще совершаются хищения. Дело усугубляется тем, что на предприятиях этих и других отраслей хозяйства из-за недостатков в организации общественной жизни, воспитательной работы еще мало уделяется внимания повышению престижа необходимых стране массовых профессий и форм труда.

6. Некоторые обстоятельства производственной среды могут влиять на формирование нравственно-психологических свойств, обуславливающих посягательства против личности и общественной безопасности (оскорбление, телесные повреждения, хулиганство и т. д.). Здесь речь идет о факторах, влияющих на формирование таких свойств, как низкий уровень культуры и проведения досуга, склонность к пьянству, грубость, несдержанность, неуважение к достоинству личности, к производственной и общественной дисциплине, иногда появление негативных настроений в сочетании с

антиобщественными формами «самоутверждения» личности.

Общесовообразовательный, культурный застой и даже репресс личности характерны для тех членов производственного коллектива, которые злоупотребляют спиртными напитками, совершают прогулы на почве пьянства, а также нарушают общественный порядок, являясь «клиентами» вытрезвителя, поставляя «кадры» хулиганов. Так, сопоставление по уровню образования лиц, наказанных за прогул, появление в нетрезвом виде на работе, попадание в вытрезвитель, нарушение общественного порядка, мелкое хулиганство, с рабочими, не допустившими в течение ряда лет никаких нарушений, на обследованном заводе показало, что среди рабочих, зарекомендовавших себя дисциплинированными, по сравнению с нарушителями в 2 раза больше лиц со средним и высшим образованием, а по сравнению с многократными нарушителями—даже в 5—7 раз.

Как оказалось при исследовании, именно лица, имеющие низкое образование и нигде не учившиеся, чаще всего являются активными носителями и распространителями «питейной традиции».

Выборочное исследование на машиностроительном заводе показало, что нарушители дисциплины в сравнении с передовиками (контрольная группа) в 6 раз реже участвуют в профсоюзной работе, в 3 раза реже—в работе постоянно действующего производственного совещания, в 2 раза реже—в работе по рационализации, в 5 раз реже—в работе заводской печати и т. д.

Сходное распределение наблюдается и по некоторым формам досуга: посещение театров, чтение книг, газет, занятия спортом и т. п. Злостные нарушители имеют наиболее низкие показатели участия в этих формах досуга.

Все сказанное еще раз подтверждает необходимость дифференциации и индивидуализации воспитательной работы в коллективе, одним из «адресатов» которой должны быть именно лица с неблагоприятной характеристикой личности и поведения. Причем речь идет не о разовой «проработке», а о длительном воздействии, включающем своевременное применение мер морального, дисциплинарного, экономического характера, а

также об оздоровлении среды в целях изменения системы интересов и связей лица.

Формирование склонности к пьянству (в том числе в рабочее время) у отдельных членов коллектива нередко первоначально связано с бытующими в определенной микросреде взглядами о том, что употребление алкоголя будто бы помогает подавить усталость, создать бодрость, вызвать ощущение благополучия, веселья и радости и т. п.

Было бы неверным закрывать глаза и на факты функционирования неформальных групп, возникающих в некоторых коллективах на антисоциальной, нездоровой основе. Это, например, группы «любителей выпить», рвачей-халтурщиков и т. п. Неустойчивые члены коллектива, входя в соприкосновение с этими группами, подвергаются определенным видам воздействия и могут в некоторых случаях—при равнодушии, бездействии коллектива—усвоить идеи, оценки, оправдывающие пьянство.

Безнаказанность, снисходительность по отношению к пьяницам и дебоширам на предприятии, малоэффективность применяемых мер общественного воздействия выступают в ряду существенных причин неблагоприятного нравственного формирования личности отдельных членов производственных коллективов. В частности, при исследовании на машиностроительном заводе выяснилось, что к пьяницам и мелким хулиганам, материалы на которых поступали из милиции и административной комиссии исполкома, из всех мер воздействия за год в $\frac{3}{5}$ случаев применялось общественное порицание (которое на самом деле «выносилось» нередко единолично начальником цеха, мастером, профоргом) или предупреждение (которое также нередко сводилось к 2—3 формальным фразам). Лишь в 8% случаев нарушители обсуждались на заседании общественных организаций или на собрании бригады, цеха, и, наконец, только в 3% случаев к ним применялись меры материального воздействия (лишение премии, путевки в дом отдыха, изменение очереди на квартиру и т. п.).

Большой вред приносит и применение стереотипных мер воздействия без учета рецидива нарушений и личности нарушителя. Так, на обследованном заводе имелись случаи, когда на одних и тех же нарушителей в год поступало 3—4 сообщения о пребывании в вытрез-

вители, мелком хулиганстве, скандалах в семье. И каждый раз применялось общественное порицание или предупреждение. Вызываемое этим снисходительным отношением безразличие к мерам воздействия не могло не служить психологическим «подкреплением» порочной привычки.

Эффективность мер воздействия значительно снижается, если с момента совершения проступка до момента применения санкций к нарушителю проходит большой срок. Между тем на указанном заводе в 56% случаев меры применялись позже чем через 15 дней, в 19% — позже чем через 30 и в 9% случаев — позже чем через 60 дней со дня проступка.

Неудовлетворительная организация антиалкогольной и пропагандистской работы в коллективе также выступает в числе обстоятельств, способствующих поддержанию антиобщественных привычек. Наиболее типичные недостатки — формализм, негибкость, неконкретность, несистематичность, слабое эмоциональное воздействие применяемых мер, а также несоответствие содержания лекций, бесед реальной обстановке в коллективе.

7. Формирование неуважения к личности, грубости, распушенности, недисциплинированности у отдельных членов коллектива также должно расцениваться как существенный пробел воспитательной работы, могущий иметь криминогенные последствия. Такая ситуация может возникнуть, в частности, в результате терпимости коллектива к стилю отношений в бригаде, цехе, связанному с оскорблениями, ругательствами и т. п. Все это формирует неуважение к личности, грубость как черту характера и «норму» общения.

На предприятиях, на которых неудовлетворительно организован труд, как правило, совершается и значительное число нарушений производственной дисциплины, а на их почве формируется распушенность, безответственность как качества личности, что приводит к нарушениям общественной дисциплины и вне стен предприятия. В свою очередь на почве разнообразных «мелких», обычно связанных с пьянством нарушений вне предприятия (попадание в вытрезвитель, нарушение общественного порядка на улице, скандалы в семье), вырастают и уголовно наказуемые деяния.

В процессе исследования на машиностроительном

заводе было прослежено несколько судебных лиц, осужденных за хулиганство и грабежи. «Стандарт» был один и тот же: сначала — нарушения производственной дисциплины, опоздания, прогулы, появление в нетрезвом виде на работе, затем — письма из милиции, акты из вытрезвителей, оставшиеся без должного реагирования, и, наконец, — сообщение о привлечении к уголовной ответственности за хулиганство либо другое преступление.

Большое значение в коллективе имеет внимание и доброжелательность к молодым рабочим, формирование у них самоуважения, чувства собственного достоинства, перспективы жизни в коллективе. Проявление грубости, администрирования, недостаточная забота о повышении квалификации, равнодушие к судьбе молодого работника могут привести к появлению у него чувства ущербности, неполноценности. Особенно это касается людей, имеющих невысокий образовательный, культурный и профессиональный уровень, а также тех молодых людей, жизненные ожидания которых оказались завышенными и которые не считают достаточно почетной и престижной свою работу на производстве.

8. Как видно из изложенного, определенные, взаимосвязанные между собой недостатки в производственной и общественной деятельности создают в отдельных слабых коллективах сложную сеть негативных отношений, зависимостей, воздействий и влияний. Для некоторых незрелых в идейном и нравственном отношении членов коллектива возникает опасность «запутывания» в этой «сети», ведущего к приобретению отрицательных нравственно-психологических качеств и свойств, толкающих в определенной ситуации на путь преступления.

В этой связи надо иметь в виду, что взаимодействие личности с отрицательными влияниями проявляется неодинаково для различных членов коллектива. Один к этим влияниям в производственной среде может оказаться ближе, другой — дальше. Например, с плохо поставленным контролем будет теснее связано материально ответственное лицо; с влиянием активных носителей пережитков прошлого теснее будет связан тот, кто в силу своего характера работы вынужден повседневно с ними контактировать и как-то зависит от них. Но дело не только в разной степени «включе-

ния» различных членов коллектива в положительные или отрицательные связи и воздействия. Дело еще в том, с чем связан индивид вне коллектива (например, в семейной среде, в бытовом окружении), каковы влияния там (см. § 2, 4).

За редким исключением любой человек может всегда найти в коллективе положительные связи, воздействия, влияния, чтобы включиться в них, опереться на них, избавиться от угрозы укоренения дурных привычек. Но здесь многое зависит от самой формирующейся личности, от ее идейных и нравственных установок, воли к самовоспитанию. Это обстоятельство сознается и многими осужденными. Так, из общего числа осужденных за хищения в строительных организациях, ответивших на вопрос анкеты: «Что могло бы удержать вас от совершения хищения?», почти треть связали решение этого вопроса с собственными морально-волевыми качествами, со своей личной позицией и поведением, указав на то, что от хищения могли бы их удержать «разрыв отношений с нечестными людьми», «невыполнение незаконных распоряжений», «переход на другую работу», «осознание последствий своих действий» и т. п.

С учетом изложенного повышение требовательности к поведению и позиции каждого члена коллектива, безусловный спрос за каждый «шаг» по пути к преступлению должны сочетаться с комплексом организационных и воспитательных мер по устранению из жизни коллектива всех криминальных влияний, воздействий, связей, зависимостей и по укреплению, развитию положительно социализирующих связей, зависимостей и влияний. Решение этой двуетапной задачи лежит в плоскости общего улучшения всей работы, укрепления и совершенствования руководства производственной и общественной деятельностью в коллективе.

Что касается специальных профилактических мероприятий, то они должны, во-первых, опираться на точную криминологическую информацию, на изучение действительных причин преступлений, совершенных отдельными членами коллектива. Неточная информация искажает целенаправленность и снижает эффективность профилактических усилий.

Во-вторых, профилактическая работа на предприятии должна вестись по строгому плану, разработанно-

му на базе изучения фактического состояния дела и, в частности, на основе криминологического анализа обстановки, причем план профилактики преступлений и иных правонарушений должен быть частью общего плана социального развития предприятия.

Общее улучшение организации производственной и общественной деятельности на предприятии в сочетании с целевыми профилактическими мероприятиями, основанными на точной криминологической информации, позволяет, как показал опыт ряда предприятий, ликвидировать условия для формирования негативных привычек, взглядов и настроений в сознании отдельных членов коллектива. Подтверждением сказанному может служить изменение ситуации на одном из молочных заводов. Завод был построен в 1962 году как современное, оснащенное новейшей техникой предприятие. В первые год-два работы на предприятии существовало много недостатков в организационно-хозяйственной деятельности. Так, в плохом состоянии находился бухгалтерский учет движения сырья, готовой продукции и тары. За три года сменилось пять главных бухгалтеров. Должности кладовщиков цеха готовой продукции и тары занимали нередко случайные, в том числе в прошлом судимые за корыстные преступления люди. На предприятии существовал также ряд других недостатков. В дальнейшем, когда имеющиеся недостатки были выявлены и проанализированы, началось интенсивное их устранение. При этом укреплялся сам коллектив завода: более устойчивыми стали кадры основных участков, повысилась организованность, дисциплинированность. В значительной мере возросла активность общественных организаций, воспитательная деятельность товарищеского суда и т. д.

Усиление организованности, сплоченности, стабильности коллективных начал в жизни предприятия не могло не сказаться благоприятно на нравственном формировании работающих. Показатель этого — резкое сокращение хищений. Так, если совершенные на заводе хищения, включая мелкие, за 1963 год принять за 100%, то в 1964 году (когда были приняты меры по улучшению организации производства и устранению недостатков) они сократились до 60%, в 1965 году (когда был разработан и осуществлялся план мероприятий по устранению криминогенных факторов на основе проведенного

криминологического исследования) — до 14%, а в 1966 году — до 13%¹.

Сплоченный и развивающийся, сильный производственный коллектив, в котором формируются коммунистические нравственные черты личности и вытесняются, нейтрализуются пережиточные нормы буржуазной морали, — сильнейший антикриминогенный фактор.

§ 4. Отрицательные влияния в ближайшем бытовом окружении. Учет этих обстоятельств в профилактической работе

1. Ближайшее бытовое окружение, являясь элементом микросреды, в которой находится человек, оказывает, особенно в период формирования личности, весьма значительное влияние на конечный результат этого процесса².

Наиболее ярко отрицательное влияние «криминогенной» микросреды выступает при изучении личности осужденных за хулиганство, кражу, грабеж и разбой.

В судьбе почти каждого такого преступника основную отрицательную роль сыграло именно ближайшее бытовое окружение. Это либо неблагополучная семья, где ее члены ведут аморальный образ жизни, либо большей частью друзья по двору, в обществе которых подросток или молодой человек «убивает» время, часами простаивая в подъезде или бесцельно бродя вечерами по улицам, либо преступник-рецидивист, растлевающий сознание рассказами о «романтике красивой воровской жизни», и т. п. Особенно быстро отрицательные последствия наступают в том случае, когда на личность воздействует одновременно ряд указанных факторов.

Разумеется, такой результат наступает, если воздействие отрицательного окружения будет доминировать

¹ См. Б. Губин, А. Сыров, И. Шрага, Сотрудничество было плодотворным, «Советская юстиция» 1966 г. № 10, стр. 18—19; «Борьба с хищениями государственного и общественного имущества», стр. 27—28.

² С учетом того, что семья, школа и производственный коллектив уже рассмотрены в предыдущих параграфах, мы здесь имеем в виду преимущественно бытовые связи вне этих групп.

над положительным воздействием, которому подвергается лицо в семье, школе, по месту работы. Если же такого положительного воздействия нет либо в силу тех или иных причин оно недостаточно интенсивно, отрицательный результат обычно весьма вероятен.

Воздействие отрицательной микросреды значительно усиливается, если «тон» в ней задают преступники-рецидивисты. Носители тлетворной идеологии паразитизма и пренебрежительного отношения к труду, они активно вовлекают неустойчивых лиц и прежде всего из числа молодежи, не занятой общественно полезной деятельностью, в совершаемые ими преступления. Так, 43% осужденных заявили при обследовании, что совершили разбой под влиянием рецидивистов. По данным другого обследования, свыше 80% лиц, совершивших разбойное нападение в возрасте старше 18 лет, действовали в группах, почти в половине которых были рецидивисты¹.

Примером, иллюстрирующим сказанное, может служить дело группы 16-летних подростков, осужденных в Таганроге за разбойные нападения. Трое молодых рабочих строительного управления проживали в одной комнате общежития. В конце августа они познакомились с 19-летним Н., который после возвращения из мест лишения свободы нигде не работал и не имел постоянного места жительства. Н. часто оставался ночевать в общежитии, в комнате этих ребят, приносил туда спиртные напитки и угощал ребят, а когда те были в нетрезвом состоянии, склонял их к совершению преступлений. Н. говорил им, что хотя он ранее и судим, но никого в городе не боится и, не работая, живет лучше их. Такие рассказы подействовали на подростков, и, организовавшись в преступную группу, они совершили ряд разбойных нападений.

Таким образом, ближайшее бытовое окружение, отличающееся антиобщественными взглядами, может весьма активно способствовать совершению преступления лицом, находящимся под воздействием этого окружения. Поэтому меры по своевременному выявлению и пресечению действия источников отрицательного влия-

¹ См. А. Б. Сахаров, О личности преступника и причинах преступности в СССР, М., 1961, стр. 134.

ния в бытовом окружении должны рассматриваться как одни из ведущих в профилактической работе. Представляется, что по каждому уголовному делу, где устанавливаются источники таких влияний, необходимо выяснять, почему детская комната милиции, оперативные работники и другие лица не обнаружили эти источники своевременно или допускали их функционирование, и принимать соответствующие меры.

Отрицательная микросреда по мере втягивания лица в себя постепенно усиливает свое разлагающее влияние и неминуемо ослабляет воздействие, оказываемое на него положительной микросредой. В частности, лица, попавшие в сферу такого влияния, все больше выходят из-под положительного влияния семьи, теряют интерес к общественной жизни коллектива, в котором учатся или работают, порывают дружеские отношения с товарищами по учебе или работе, а в ряде случаев выходят из сферы влияния элементов положительного бытового окружения, бросают учебу или работу. В результате их интересы замыкаются кругом интересов той асоциальной группы, в орбите которой они вращаются. Духовное развитие рассматриваемых лиц начинает отставать, так как они не повышают своего образовательного и культурного уровня и не получают в должной мере знаний, которые получают люди, развивающиеся в нормальных условиях.

Не случайно для лиц, совершающих хулиганство, кражи, грабежи и разбои, характерен сравнительно низкий уровень образования, отсутствие прочных внутрисемейных связей, частая смена работы или длительное пребывание без определенных занятий и т. д.

Ближайшее окружение асоциального характера привлекает таких лиц все больше и больше по мере того, как разрушаются социально полезные связи. Группа «дружков» не только является так называемой «референтной группой», поведению которой данное лицо хотело бы подражать; она постепенно становится его «единственным прибежищем»; только здесь оно получает необходимое подкрепление в виде формирования доводов для оправдания своего антиобщественного поведения.

По мере того, как лицо воспринимает антиобщественные взгляды, господствующие в близкой ему группе, оно в зависимости от своих индивидуальных особен-

постей либо остается рядовым участником, либо входит в число «вожачков» или наиболее активных членов. В последнем случае оно само начинает отрицательно влиять на окружающих, воздействуя на них в том же направлении, в каком ранее на него самого воздействовали другие члены группы.

Определенную роль играют и асоциальные группы, возникающие по месту жительства на почве негативных форм совместного проведения досуга (игра в карты и домино на деньги, совместные выпивки и т. п.). Вот почему вопрос об организации досуга, правильном использовании свободного времени занимает важное место среди мер, направленных на то, чтобы парализовать отрицательное влияние на личность ближайшего ей бытового окружения.

2. Возникновение асоциальных группировок по месту жительства и по месту работы и включение в сферу их влияния лиц, ставших впоследствии на путь преступлений, в значительной мере происходит на почве бесцельной траты свободного времени, которое в силу нежелания либо неумения эти лица не используют в позитивном плане, а равно, как уже отмечалось, на почве коллективного осуществления негативных форм досуга.

Использование свободного времени — это большая и весьма важная социальная проблема, причем мероприятия по обеспечению правильной его структуры имеют социально-профилактическое значение.

Отсутствие должной организации досуга непосредственно влияет на уровень правонарушений. Так, по данным А. Г. Харчева и М. И. Перфильева, молодежь, досуг которой не организован, составляет от 53 до 77% от общего числа правонарушителей¹.

При обследовании группы лиц, осужденных за убийство, выяснилось, что больше половины из них увлекались главным образом картами, выпивкой и другими подобными занятиями. При обследовании группы лиц, совершивших изнасилование, было установлено, что более $\frac{2}{3}$ обследованных все свободное время бесцельно бродили с приятелями на улице, в парке либо пьянствовали.

Статистически доказано, что подавляющее большин-

¹ См. «Досуг молодежи и его проблемы», «Социальные исследования», вып. 2, М., 1968, стр. 213.

ство умышленных убийств совершают лица, находящиеся под влиянием отрицательного бытового окружения, и поэтому не случайно такие убийства получили название «бытовых». Как показывает следственная и судебная практика, эти убийства обычно являются результатом конфликтов, возникающих в условиях отрицательной микросреды, в сферу которой входят, как правило, убийца и его жертва. Это чаще всего либо неблагополучная семья, либо неформальная «дружеская» группа по месту жительства или работы преступника. В последнем случае непосредственным поводом к убийству обычно выступает какой-либо мелкий случай, ссора, возникающая при совместном пьянстве и на его почве. Сказанное полностью относится и к умышленному нанесению телесных повреждений и в известной мере к хулиганству.

Такое положение объясняется тем, что негативные формы досуга ускоряют и усиливают моральную деформацию личности. Если же учесть, что основным составным элементом почти любой из таких форм является систематическое употребление спиртных напитков, а также что они, как правило, влекут за собой возникновение групп с отрицательной направленностью, криминогенное влияние этих форм и их прямая связь с существованием отрицательного бытового окружения становится еще более очевидной.

1. По
сти произ
процессов
изменени
ления. В
ристики
следующ

а) ос
имосвяза
—III). О
лиц, со
сказанно
ческой,
ке — поз
собствен
и соотве
работу

б) в
гипотез
тупност
намики
рактера
фически
других
ответст

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ И УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПНИКОВ

§ 1. Общие положения. Значение для применения наказания и профилактической работы

1. Понятие демографической характеристики личности производно от понятия демографических явлений и процессов, определяемых в специальной литературе как изменения в численности, структуре, размещении населения. Выделение демографического аспекта характеристики личности преступника связано, в частности, со следующими моментами:

а) особенности демографической характеристики взаимосвязаны с социальным статусом личности (гл. гл. I—III). Отсюда изучение сдвигов этой характеристики у лиц, совершающих преступления, — причем с учетом сказанного правильнее говорить не просто о демографической, а о социально-демографической характеристике — позволяет выявить некоторые обстоятельства, способствовавшие неправильному формированию личности и соответственно дифференцировать профилактическую работу и характер наказания¹;

б) в настоящее время уже достаточно подтверждена гипотеза, что неодинаковая распространенность преступности в территориальном разрезе, тенденции ее динамики и структуры во многом зависят от различия характера и интенсивности функционирования демографических, экономических, социально-психологических и других процессов и явлений в том или ином регионе. Соответственно изучение и обобщение особенностей соци-

¹ Разумеется, в сочетании с изучением социально-психологического аспекта характеристики личности (гл. V).

ально-демографической характеристики лиц, совершающих преступления в данном районе, городе, области и т. д., помогает в максимальной степени увязать профилактическую работу с местными условиями, что обеспечивает наибольшую эффективность последней;

в) с социально-демографической характеристикой преступников тесно связана (а в определенном смысле преобразует ее показатели в значимые в уголовно-правовом аспекте) правовая характеристика, которая подробно излагается ниже.

Наука о народонаселении определяет примерный перечень основных демографических явлений и процессов. При этом поскольку социально-демографическими признаками на различных уровнях обобщения можно охарактеризовать и отдельного человека, и любую группу людей, и все население в целом, криминологический интерес представляют именно особенности социально-демографической характеристики преступников. Они проявляются в трех основных направлениях, отражающих связи и зависимости: между принадлежностью к той или иной категории преступников и их социально-демографической характеристикой; между принадлежностью к определенной социально-демографической группе и характером преступлений; между социально-демографическими изменениями в обществе и изменениями в составе лиц, совершающих преступления.

Вся эта специфика носит более или менее устойчивый характер на протяжении довольно длительного времени, что позволяет выявить факторы, относительно постоянно влияющие на преступность, и учитывать их в профилактической работе (в том числе при раннем предупреждении преступлений).

Исследование названных особенностей, связей, зависимостей имеет большое научное и практическое значение и в том отношении, что дает возможность в известной мере прогнозировать характер преступных проявлений в зависимости от состава преступников, а поэтому и соответственно намечать объем и направления предупреждения преступности. Вместе с тем надо иметь в виду, что установленные зависимости между социально-демографическими признаками преступников и признаками, характеризующими совершенные ими преступные действия, нельзя толковать как однозначные, линейные, как результат прямых причинно-следственных свя-

зей одного признака с другим. Сопоставление только двух статистических рядов (например, данных о социальном положении преступников и видах посягательств), без учета возможного влияния других факторов может привести к ошибочным выводам. Связь здесь, как и во всех социальных явлениях, более глубокая и сложная, опосредствованная многими другими факторами. Это — результат взаимодействия множества обстоятельств, так или иначе связанных с данными признаками или сопутствующих им. Во всяком случае нельзя утверждать, что, например, пол или возраст преступников или их место жительства и род занятий определяют характер преступности, играют главенствующую роль. Эти признаки, характеризующие те или иные стороны личности, находятся лишь в функциональной, но не в причинной связи с преступностью. Только глубокий анализ всего комплекса явлений, вызывающих совершение преступления, может служить основой изучения причин преступности и личности преступников.

2. В данной главе будут рассмотрены особенности характеристики лиц, совершающих преступления, только по тем социально-демографическим признакам, которые учитываются уголовной статистикой.

При этом надо иметь в виду, что:

а) речь пойдет об обобщенной социально-демографической характеристике лиц, совершающих преступления, об условном выделении группы лиц, в отношении которых статистически выявлены определенные социально-демографические закономерности. Поэтому констатация типичного наличия соответствующих особенностей не отменяет необходимости изучения наличия и степени их выраженности в конкретном случае и не исключает возможности отклонения конкретного случая от типичной характеристики;

б) значение для криминологического анализа имеют не статистические характеристики социально-демографических признаков сами по себе, а их существенное несовпадение для контингента лиц, совершающих преступления, и для контрольной группы (а равно для отдельных категорий преступников);

в) речь идет не о «замкнутой», самостоятельной характеристике лиц, совершающих преступления, а об аналитически выделенной группе признаков, взаимосвя-

действующих с нравственно-психологической характеристикой личности;

д) говоря о криминогенном влиянии миграции, урбанизации и тому подобных процессов, мы имеем в виду лишь некоторые побочные следствия указанных явлений. В целом же эти процессы подчиняются в нашем обществе социальному планированию и способствуют решению задач коммунистического строительства¹. Это надо учитывать при определении конкретных направлений ранней профилактики применительно к криминогенному действию тех или иных процессов и явлений. При этом имеются в виду как «многоцелевые» меры социальной профилактики (например, учет криминогенности «отсева» из вечерних школ при регламентации льгот лицам, совмещающим учебу и работу), так и меры, специально или преимущественно направленные на профилактику преступлений (например, меры воздействия в отношении лиц, ведущих паразитический образ жизни).

3. Характеристика по полу. История уголовной статистики свидетельствует, что существуют определенные закономерности в численном соотношении мужчин и женщин и в общем составе, и среди отдельных категорий преступников. В общем составе преступников мужчин всегда было значительно больше, чем женщин. Но доля женщин в общем составе преступников почти во всех капиталистических странах возрастала по мере усиления социальных антагонизмов. В социалистических странах, где ликвидированы социальные противоречия антагонистического характера, такой тенденции не наблюдается.

Буржуазные исследователи ломброзианского и неоломброзианского толка пытаются объяснить различную направленность посягательств, различную степень устойчивости антиобщественного поведения и иные особенности «мужской» и «женской» преступности с биологиче-

¹ В этом подходе к анализу криминогенного значения миграции и урбанизации — одно из принципиальных отличий социалистической криминологии от буржуазной, отражающее и принципиально различный характер самих этих процессов в социалистическом и буржуазном обществе. Как известно, буржуазные криминологи исходят из того, что рост преступности — «автоматическое» следствие урбанизации. (Ред.).

ских позиций особенностями женской и мужской физиологии и психологии, по существу не касаясь социальных причин преступности¹.

Рассмотрим некоторые социальные явления и процессы в свете их возможных взаимосвязей с особенностями преступности мужчин и женщин и необходимости учета при профилактике преступлений.

В целом доля женщин в контингенте лиц, совершающих преступления, значительно меньше, нежели доля их в составе всего населения. Меньше она и доли женщин в составе рабочих и служащих. Так, по данным переписи 1970 года женщины составляли 53,9% всего населения СССР и 51% всех рабочих и служащих².

Удельный же вес, занимаемый женщинами в общем составе преступников, в нашей стране более или менее стабилен и составляет, по выборочным данным, в среднем от 12 до 18%. В 1922—1928 гг. в общем числе осужденных доля женщин составляла по РСФСР 13—16%³. В последующие годы существенных изменений не произошло, несмотря на громадный рост доли участия женщин в производственной деятельности, в сфере обслуживания и управления (в 1972 году более чем в 2 раза по сравнению с 1928 годом⁴). Иными словами, широкое участие женщин в производственной деятельности и общественной жизни, т. е. усиление их социальной активности, в условиях социалистического строя отнюдь не способствует увеличению преступности среди них.

Естественно, что по тем видам преступлений, которые в той или иной степени связаны с определенными

¹ Ч. Ломброзо, А. Фереро, Женщина — преступница и проститутка, Киев, 1902. Из современных буржуазных ученых можно указать, например, на американского криминолога О. Поллака. Критику его книги «Преступность женщин», изданную в 1960 году, см. в работе Ф. М. Решетникова «Современная американская криминология», М., 1965, стр. 34 и сл.

² «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года», т. II, М., 1972, стр. 3, 13; «Народное хозяйство СССР в 1972 г.», М., 1973, стр. 513.

³ См. А. А. Герцензон, Советская уголовная статистика, М., 1939, стр. 174.

⁴ См. «Народное хозяйство СССР в 1972 г.», стр. 513. В абсолютных же цифрах за указанный период численность женщин — рабочих и служащих возросла более чем в 16 раз.

видами профессий, соотношение численности мужчин и женщин, занятых на этих работах, отражается и на половой структуре лиц, совершивших указанные виды преступлений. Например, среди осужденных за групповые хищения в форме присвоения и растраты женщины составляют 43%¹, и это понятно, если учесть, что в составе работников торговли, общественного питания, бытового обслуживания, материально-технического снабжения женщины составляют от 53 до 76%².

В контингенте лиц, совершающих такие преступления, как спекуляция и обман покупателей, доля женщин (по выборочным данным) составляет 60—70%³. С другой стороны, эта доля крайне мала в числе лиц, совершающих умышленные убийства (3—4%), тяжкие телесные повреждения (2—3%)⁴.

Эти особенности преступного поведения мужчин и женщин нельзя, конечно, объяснять физиологическими различиями (хотя они могут в какой-то мере сказаться на особенностях исполнения тех видов преступлений, совершение которых связано, например, с применением физической силы⁵). Речь идет о другом: о различии в условиях воспитания, круге потребностей, интересов, о различиях в микросреде, во взаимосвязях и взаимоотношениях с окружающими людьми, в ситуациях, возникающих при этом.

Конкретное содержание мотивов преступной деятельности, обусловленных неблагоприятными условиями нравственного формирования личности, реализация их и выбор средств для этого неотрывны от специфики этих отношений. В частности, продажа товаров представляет собой довольно часто род занятий женщины,

¹ См. У. С. Джекебаев, О социально-психологических аспектах преступного поведения, Алма-Ата, 1971, стр. 159.

² «Народное хозяйство СССР в 1972 г.», стр. 513.

³ См. С. С. Остроумов, Советская судебная статистика, М., 1970, стр. 150.

⁴ См. В. К. Жукова, Умышленные телесные повреждения и борьба с ними по советскому уголовному праву, автореферат канд. дисс., М., 1966, стр. 6—7; С. В. Бородин, Рассмотрение судом уголовных дел об убийствах, М., 1964, стр. 168.

⁵ Характерно, в частности, что, по данным В. К. Жуковой, доля женщин в числе лиц, причинивших легкие телесные повреждения, в 6 раз выше, чем в числе причинивших тяжкие телесные повреждения (указ. работа, стр. 7).

а покупка, как правило, входит в ее функции в семье. Эта деятельность создает социально-психологические условия, которые определяют и выбор средств, и характер поведения, избираемый в данном случае, для реализации корыстных мотивов, намерения получить наживу, выгоду.

С учетом особенностей повседневного поведения, системы взаимосвязей в микросреде понятно и то обстоятельство, что среди лиц, совершивших хулиганство и сопротивление работникам милиции и дружинникам, доля женщин гораздо меньше средней. Процент осужденных женщин к общему числу осужденных за сопротивление работникам милиции и дружинникам составлял, по выборочным данным, в среднем 2—4%.

4. Возрастной состав преступников. С изменением возраста происходят социальные изменения как самой личности, так и ее окружения. Как подчеркивает С. Л. Рубинштейн, различные стадии развития личности зависят не только от возрастных особенностей, а во многом и от реальных форм деятельности конкретного содержания, которыми овладевает человек¹.

Если рассмотреть соотношение отдельных возрастных групп, выделенных статистикой в общем составе преступников, то окажется, что наибольший удельный вес занимает группа 30—49-летних. Но вывод о более высоком уровне преступности в этом возрасте был бы неправильным, поскольку эта и другие выделенные в статистических отчетах возрастные группы неравны. Первая группа (14—17 лет) объединяет 4 возрастные группы по одному году каждая; вторая (18—24) — 7; третья (25—29) — 5; четвертая (30—49) — 20 групп. Поэтому для сравнения надо найти средний показатель для всей группы в расчете на один возрастной год. Такой анализ приводит к выводу, что наибольшая интенсивность принадлежит группе в возрасте 25—29 лет; за ней следуют 18—24-летние, затем 14—17-летние и лишь после них лица старше 30 лет.

Такое распределение лиц, совершающих преступле-

¹ «Основы общей психологии», М., 1945, стр. 166 и др. См. также А. Г. Ковалев, Психология личности, М., 1970, стр. 351—386.

ния, по возрастному признаку соответствует социально-бытовым условиям их жизни, их социально-психологическому облику.

Наибольшая распространенность преступлений в контингенте лиц 25—29 лет отражает тот факт, что в этом возрасте, как правило, в основном завершается становление личности и выбор стабильной микросреды. На этот период падает и наибольшее число сложных жизненных ситуаций, которые могут при определенных условиях способствовать конфликтам с окружающими, формированию негативных сдвигов психологии конкретных лиц.

Молодым людям в возрасте 18—24 лет тоже приходится решать немало жизненно важных задач и сталкиваться с конфликтными ситуациями, у них невелик и жизненный опыт.

Еще меньше жизненный опыт у 14—17-летних подростков. Эмоциональная возбудимость, неумение сдерживаться, отсутствие навыков в решении даже несложных конфликтных ситуаций нередко способствуют их неверным решениям и поступкам в таких случаях, когда взрослый человек сумел бы не нарушить закон.

К 30 годам и старше накапливается значительный жизненный опыт, который делает очевидными преимущества социально правильного образа жизни, и поэтому указанная возрастная группа дает относительно меньше преступлений.

Кроме исследования зависимости изменений в возрастной структуре всего населения и составе преступников в целом, интерес представляет также специфика возрастной структуры отдельных категорий преступников. Она будет рассмотрена ниже.

5. Уровень образования лиц, совершающих преступления, как правило, ниже среднего уровня образования населения в целом. Вместе с тем значение этих показателей надо рассматривать только во взаимной связи с другими условиями нравственного формирования личности.

В 1962—1967 гг. доля в составе преступников лиц с неполным средним образованием составляла 28—39%, со средним образованием — 6—10%, незакончен-

ным высш
шение со
образова
зьястве,
ступников
хулиганов
нолетних
нению со
главы).

В нац
социальн
образова
повышен
тельности
а затем
статисти
этих про
но подтв
разовани
преступн

Это
культурн
условий
выше эт
условиях
ные при
робно
лишь, чт
культурн
нию так
правил
ным тре
способы

¹ Схо
1965—1966
сов — 39
незакончен
Обществ

² В с
ним (полн
а в состав
зьяство С
зованием
боркам, т

ным высшим и высшим — 1—2%¹. Аналогичное соотношение сохранилось и в последующие годы. Уровень образования всего населения, занятого в народном хозяйстве, значительно выше уровня образования преступников². Самый низкий уровень образования среди хулиганов, особенно среди рецидивистов. У несовершеннолетних преступников разница в образовании по сравнению со сверстниками еще более велика (см. § 2 наст. главы).

В нашем обществе, где ликвидированы коренные социальные причины преступности, дальнейший рост образовательного и культурного уровня в сочетании с повышением материальной обеспеченности и сознательности населения, несомненно, ведет к сокращению, а затем и полной ликвидации преступности. Общая статистическая закономерность, тенденция взаимосвязи этих процессов не вызывают сомнения, и это убедительно подтверждается на примере повышения уровня образования населения и общей тенденции снижения преступности в нашей стране.

Это понятно, поскольку образовательный, как и культурный уровень вообще, есть составной элемент условий нравственного формирования личности. И чем выше этот уровень, тем больше (при прочих равных условиях) оснований выработать социально правильные привычки и навыки поведения. Вопрос этот подробно рассматривается в гл. V. Здесь же отметим лишь, что образование как важнейшая часть общего культурного уровня личности способствует формированию такого круга интересов, потребностей, привычек, правил поведения, которые соответствуют общественным требованиям, помогают выработать правомерные способы и формы реагирования на конфликтные ситуа-

¹ Сходные данные приводит В. Д. Филимонов в выборке за 1965—1966 гг.: лиц с образованием до 5 классов — 45%, до 7 классов — 39%, до 10 классов — 10%, со средним образованием 5%, с незаконченным высшим и высшим — 1% (см. В. Д. Филимонов, Общественная опасность личности преступника, Томск, 1970, стр. 22).

² В составе всего работающего населения страны лица со средним (полным и неполным) и высшим образованием составляют 71,8%, а в составе всего населения старше 10 лет — 52,2% («Народное хозяйство СССР в 1972 г.», стр. 38—40). Доля же лиц с таким образованием в составе совершающих преступления, по приведенным выборкам, только 6—12%, т. е. почти в 3—5 раз ниже.

ции и неблагоприятную обстановку. И наоборот, низкий уровень образования, как правило, не способствует или прямо препятствует формированию общественно полезных интересов, потребностей, привычек, правил поведения, облегчает при прочих равных условиях возникновение конфликтных ситуаций и мешает выбору правильного варианта поведения в них.

Исследование образовательного уровня преступников нельзя ограничивать только анализом состава преступников и сопоставлением с уровнем образования населения. Надо рассмотреть и третий аспект, который тоже представляет большой интерес: изучение образовательного уровня отдельных категорий преступников, выяснение связей и зависимости их образовательного уровня и направленности посягательств. Здесь показателны такие соотношения. Наиболее низкий уровень образования встречается у лиц, осужденных за кражи и хулиганство. Так, по выборочным данным, среди осужденных в 1965—1966 гг. за хулиганство лиц, не имеющих даже неполного среднего образования, было более 80%.

Ниже усредненного образовательного уровня всего состава преступников уровень образования преступников, совершавших преступления против личности (умышленные убийства, тяжкие телесные повреждения, изнасилования). По данным В. К. Жуковой, например, 71% осужденных за умышленные телесные повреждения не имели 8-летнего образования¹. По данным А. И. Барамия, 84% убийств по мотивам кровной мести совершены лицами с образованием ниже 8 классов².

Показательны данные Ю. Д. Блувштейна, установившего, что коэффициент корреляции между возрастом осужденных и уровнем их образования близок к нулю, так как по мере повышения возраста осужденных их образовательный уровень остается практически неизменным.

6. Семейное положение преступников изучается для того, чтобы выяснить влияние: а) семейных отношений на условия нравственного формирования

¹ Указ. работа, стр. 6.

² «Борьба с преступлениями против жизни и здоровья, совершенными на почве кровной мести», автореферат канд. дисс., М., 1965, стр. 17.

личности и характер преступного поведения; б) характера и степени устойчивости преступного поведения на семейные отношения; в) изменений семейного положения в структуре населения на характер преступных проявлений и состав преступников.

В целом изменения структуры населения вызывают соответствующие изменения в общей структуре состава преступников. Вместе с тем среди преступников больше удельный вес холостых. Это несоответствие усиливается применительно к отдельным категориям лиц, совершающих преступления. Так, по выборочным данным, среди осужденных за грабежи и разбой около $\frac{4}{5}$ составляют лица, не создавшие семью. В известной мере такое положение вызвано сравнительно молодым возрастом значительной части этих преступников. Однако определенную роль, видимо, сыграл и их образ жизни. Применительно к рассматриваемой категории лиц явно прослеживается обратная связь между образом жизни и семейным положением: с одной стороны, отсутствие семьи и свобода от связанных с ней обязанностей способствуют аморальному образу жизни, ведущему к совершению преступлений, а с другой — аморальный образ жизни явно препятствует созданию семьи.

В целом применительно к лицам, совершающим преступления, отсутствие семьи или ее распад были, как правило, следствием преступного поведения, а не наоборот. Ослабление социальных связей, в том числе семейных, способствует формированию и закреплению антиобщественных взглядов и привычек. Из этого следует, в частности, вывод о том, что в ходе исполнения наказания (в том числе лишения свободы) следует поощрять создание семьи, сохранение или восстановление семейных отношений, используя их положительное влияние на перевоспитание осужденных.

Сказанное обуславливает и важность использования в социально-демографической характеристике лиц, совершающих преступления, наряду с данными о структуре также данных о характере и направленности семейных отношений: о наличии или отсутствии конфликтов, социально-положительной или отрицательной ориентации совместных интересов и т. д. Включение в статистику формализованных показателей такого рода (семейные отношения плохие, хорошие; семья распалась; имеются, не имеются источники отрицательного

влияния) позволило бы углубить анализ и учет в профилактической работе рассматриваемого обстоятельства.

В поле зрения криминолога должны быть и социально-демографические процессы, отражающие брачно-семейные отношения. Они в известной степени фиксируются в материалах демографической и судебной статистики о числе браков и разводов, алиментных дел, численности полных или неполных семей, одиноких матерей, многодетных семей и т. д. Несомненно, что рост числа разводов, алиментных дел и т. п., свидетельствующий в определенной мере об увеличении числа распавшихся семей, должен вызывать специальное исследование таких явлений с тем, чтобы на основе результатов этих исследований разрабатывать соответствующие меры.

7. Социальное положение и род занятий. В судебной статистике есть показатели, отражающие социальное положение и занятия осужденных в период совершения преступлений: рабочие, служащие, колхозники; учащиеся в возрасте до 18 лет и от 18 лет и старше; трудоспособные лица, не работающие и не учащиеся; пенсионеры, домашние хозяйки, нетрудоспособные иждивенцы; отбывающие наказание в местах лишения свободы. Эти показатели позволяют выявить структуру по роду занятий не только всего состава осужденных, но и по видам преступлений. Надо, однако, отметить, что специфика социального положения лиц, совершающих преступления, в настоящее время существенно не отражается на характере преступности.

Кроме общих данных о социальном положении и роде занятий преступников, представляют интерес сведения об их отношении к труду. Обращает на себя внимание, в частности, относительно высокая доля в составе лиц, совершающих преступления, лиц не учащихся и не работающих. Так, при изучении группы лиц, осужденных за грабежи и разбой, оказалось, что из них работали 63%, учились 12% и находились без определенных занятий 25% (в том числе 18% — более 6 месяцев). Характерно, что 93% неработающих лиц оставили работу по собственному желанию или были уволены за нарушение трудовой дисциплины. Что касается работающих, то 82% из них работали на данном предприятии менее одного года, а 60% — даже

менее полу-
ту, не тре-
бочное об-
ганские де-
тый из
имел опре-
выявления
обеспечен
них долж
лений спе-
8. Как
ступников
сельская
гический
ется от у-
ципе, под-
вания в
ным сос-
культурн
ского тру-
и общест
разрешен
действий,
тенсивней
щих возде
сельского
ва советс
лом для
тельном
которых
известном
поведения
уже это
том соци
ношением
родской
рающийс
чительно
Иссле
ную дол
жительство

менее полугода. Почти все эти лица выполняли работу, не требовавшую какой-либо квалификации. Выборочное обследование группы лиц, совершивших хулиганские действия, также показало, что каждый четвертый из них на момент совершения преступления не имел определенных занятий¹. Отсюда своевременное выявление лиц, не имеющих определенных занятий, обеспечение мер по их устройству и воздействию на них должно быть признано одним из важных направлений специальной профилактики.

8. Как уже отмечалось, социальное положение преступников тесно связано с их местожительством (город, сельская местность). Известно, что социально-психологический уклад городской жизни пока заметно отличается от уклада жизни в деревне. При равном, в принципе, подходе к решению проблем народного образования в городе и деревне город служит все же главным сосредоточением основных учебных и иных культурных учреждений. В то же время условия городского труда и быта, вся совокупность проблем личного и общественного порядка, подлежащих повседневному разрешению, т. е. вся сумма социально значимых воздействий, оказываемых на индивида, значительно интенсивней, напряженней совокупности соответствующих воздействий, оказываемых на человека в условиях сельского быта. И если для подавляющего большинства советских граждан эти воздействия служат стимулом для интенсивного социального развития в положительном направлении, обогащают их жизнь, то для некоторых лиц условия городской жизни расширяют в известном смысле возможности для бесконтрольного поведения. В деревне, где каждый знает друг друга, уже это обстоятельство само по себе служит элементом социального контроля, заставляет считаться с отношением к себе и своему поведению. В условиях городской жизни такого рода социальный контроль, опирающийся на бытовые связи по месту жительства, значительно ограничен.

Исследования констатируют достаточно значительную долю в составе преступников лиц, менявших местожительство с переездом в другую местность. По дан-

¹ См. В. Д. Филимонов, указ. работа, стр. 26.

ным М. М. Бабаева, например, из числа областей с наивысшим коэффициентом прибытия $9/10$ являются наивысшими и по коэффициенту преступности. И, наоборот, $7/10$ областей с наименьшими коэффициентами прибытия имеют и наиболее низкие коэффициенты преступности¹. Эти данные служат подтверждением положения «о роли социально-психологических характеристик микросреды, через которые на поведении индивидов сказывается влияние крупных социальных процессов»². К этому обоснованному выводу Я. М. Яковлева надо добавить, что дело не сводится к изменению условий социального контроля; существенное значение имеет и социально-демографическая характеристика самих мигрантов: в их числе повышена доля лиц молодого возраста, не имеющих семьи или переезжающих без нее, и т. п. Наблюдается и концентрация в составе мигрантов лиц, социально неадаптированных по прежнему месту жительства. Отличаясь высокой подвижностью, они могут в новых условиях служить «кристаллизационными центрами» групп с негативной направленностью времяпрепровождения. Сказанное обуславливает вывод о необходимости опережающего и концентрированного развития системы ранней профилактики в районах новостроек.

Особенности городской жизни обуславливают относительно большую распространенность в городах некоторых видов преступности. Речь идет, в частности, о преступлениях, связанных с личным контактом с потерпевшими, поскольку в сельской местности возможность узнать нападающего гораздо больше и соответственно возможность для таких преступлений меньше. Так, выборочное изучение осужденных в Литовской ССР показало, что коэффициент судимости за грабежи и разбои для жителей сельской местности втрое ниже, чем для жителей малых городов (с населением до 10 тыс. человек), и в пять раз ниже, чем для жителей средних (10—15 тыс. человек) и крупных городов (с населением свыше 50 тыс. человек)³.

¹ «Криминологическое исследование проблем миграции населения», «Советское государство и право» 1968 г. № 3.

² А. М. Яковлев, Преступность и социальная психология, М., 1971, стр. 177.

³ См. Ю. Д. Блуштейн, указ. работа, стр. 12.

Надо, что
ского насе.
ва не созд
ности в гор
контроля.
дах-новостр
«нейтрализ
ма профи
Этот вывод
Ленинграда
городов, гд
струпности,
9. Подв
что сущес
мерности,
связи с со
ко их роль
Учет
представля
тивности
с преступн
При во
следует де
какого-то
рактизую
казателям
занных ст
чалось, ха
совокупно
преступни
хитители,
нообразны
«Социа
определен
деленной
ных отно
структуро
культурис
гапизаци
нительно
няет в со
экономич
альной ст
совокупн
9 Заказ 4238

Надо, однако, еще раз подчеркнуть, что рост городского населения в условиях социалистического общества не создает фатальной неизбежности роста преступности в городах. Усложнение условий социального контроля, особенность контингента населения в городах-новостройках и тому подобные факторы могут быть «нейтрализованы» при правильном определении объема профилактической работы с учетом их наличия. Этот вывод полностью подтвержден опытом Москвы, Ленинграда, Горького, Львова и ряда других крупных городов, где наблюдается устойчивое снижение преступности, несмотря на рост населения.

9. Подводя итоги сказанному, можно утверждать, что существуют определенные статистические закономерности, характеризующие личность преступников в связи с социально-демографическими признаками. Однако их роль неравнозначна.

Учет этих связей и зависимостей и преступности представляет существенное условие повышения эффективности социального планирования в области борьбы с преступностью.

При всем этом на основе рассмотренных данных не следует делать обобщенного вывода о существовании какого-то социального типа «преступной личности», характеризующегося усредненными демографическими показателями. Такой вывод игнорировал бы природу указанных статистических данных, которые, как уже отмечалось, характеризуют собою общую статистическую совокупность, но не личность каждого в отдельности преступника. Даже преступники таких групп, как расхитители, убийцы, воры, характеризуются весьма разнообразными демографическими признаками.

«Социальный тип — это классовая характеристика определенного социального слоя или группы людей, выделенной с учетом их положения в системе общественных отношений, связи с экономической и социальной структурой общества, известной психологической и культурной общности, а в ряде случаев и некоторой организационной сплоченности. Ничего подобного применительно к преступникам не существует. Их не объединяет в социальный тип, ни классовая, ни социально-экономическая общность, ни тем более — связь с социальной структурой общества. Это именно статистическая совокупность единичных явлений, каждое из которых

носит индивидуальный характер. Преступники не составляют особой социальной группы в нашем обществе, они как бы рассеяны в различных слоях населения, хотя и могут составлять обособленные микрогруппы. Демографические данные дают лишь общую ориентировку в направлении изучения личности преступника, но отнюдь не являются ее полной и достаточно глубокой характеристикой. Аналогично и их значение для планирования и организации профилактической работы.

10. Как уже отмечалось, к социально-демографической характеристике лиц, совершающих преступления, тесно примыкает уголовно-правовая их характеристика, точнее, тот ее аспект, который наряду с признаками уголовно-правовой правосубъектности (возраст, вменяемость и т. п.) и виновностью¹ фиксирует направленность посягательств преступников (по видам совершенных преступлений), устойчивость их антиобщественного поведения (в частности, по прошлым судимостям, по рецидиву)², степень их организованности (по числу преступлений, совершенных в группе и в соучастии).

Направленность посягательств может быть рассмотрена в общем составе преступников (например, в составе осужденных виновные в преступлениях против личности составляли в 1967 году около 15%; хулиганы — около $\frac{1}{3}$ ³); среди отдельных категорий преступников, взятых по какому-либо признаку, отражающему степень их общественной опасности; внутри отдельных категорий преступников, взятых по характеру или мотиву содеянного (например, среди лиц, виновных в убийствах, корыстная мотивация констатирована лишь в 8%), и т. д. Это будут разные структуры, которые можно условно назвать общей, специальной и внутривидовой структурами.

Представляет интерес и характеристика направленности посягательств среди отдельных категорий пре-

¹ Элементы уголовно-правовой характеристики, связанные с личностью преступника, специально рассматриваются во взаимосвязи с другими обстоятельствами, индивидуализирующими наказание, в гл. VI и VII.

² Этому элементу правовой характеристики личности преступника специально посвящен § 3 настоящей главы.

³ См. «Криминология», стр. 118—119.

ступников, взятых по какому-либо социально-демографическому признаку (пол, возраст и т. п.), например характеристика направленности посягательств среди женщин или несовершеннолетних, в которой наиболее непосредственно проявляется взаимосвязь социально-демографических и правовых признаков (см., например, § 2). Такие структуры можно назвать частными.

Изменения удельного веса той или иной группы зависят не только от изменений численности самой группы, но и от изменений численности всего состава преступников и соотношения с другими группами. Например, абсолютное число осужденных за хулиганство может в течение нескольких лет оставаться почти неизменным, но удельный вес этой группы в общем числе осужденных может изменяться, если произойдет существенное изменение общего числа осужденных.

Поэтому при анализе статистических данных надо проводить сравнения не только структурные (по удельному весу), но и линейные (по абсолютной численности). Нельзя ограничиваться сравнением только общей численности преступников, не выяснив, за счет каких категорий преступников (по видам совершенных преступлений) произошло снижение или увеличение общего числа преступников. Анализируя статистические данные (особенно за длительные периоды), всегда надо учитывать также изменения в законодательстве, следственной и судебной практике, в организации учета, а также изменения в населении.

Устойчивость (стойкость) антиобщественного поведения может быть охарактеризована, исходя из числа совершенных лицом антиобщественных поступков и их характера. Чем чаще лицо совершает антиобщественные действия, чем они серьезнее, тем глубже поражено его сознание антиобщественными взглядами, тем труднее ему самому психологически преодолеть эти взгляды, привычки, изменить сложившийся стереотип¹.

¹ Лицо, совершающее антиобщественные поступки (пьянство, уклонение от труда, мелкие нарушения общественного порядка и т. п.), может быть поставлено на учет и подвергнуто общественным или иным предусмотренным административным законодательством мерам воспитательно-профилактического воздействия с тем, чтобы предотвратить дальнейшую социальную деградацию и, в частности, возможный переход на преступный путь. Но меры эти строго «дозн-

Для уголовно-правовой характеристики устойчивости (стойкости) антиобщественного поведения преступников служит признак повторности совершения преступлений — рецидив (см. § 3).

Степень организованности преступников характеризуется сведениями о совершении преступлений единолично или в группе и в соучастии. При прочих равных условиях преступники, организованные в группу, и объективно, и субъективно значительно опаснее преступников, действовавших единолично. Именно поэтому совершение преступления в группе образует отягчающее или квалифицирующее обстоятельство.

По выборочным исследованиям, удельный вес лиц, совершивших преступление в группе, в общем числе осужденных в 1963—1968 гг. колебался в среднем от 21 до 28%. По данным проф. В. Е. Чугунова, этот процент в некоторых областях в 1958—1963 гг. был равен 32%¹. Наиболее устойчивые группировки создаются для совершения разбоев, грабежей, хищений. Группировки среди хулиганов, убийц, насильников, как правило, случайны. Групповое хулиганство, убийство относительно чаще совершается во время драк.

При характеристике преступников по демографическим признакам (частные структуры) наибольший интерес представляет анализ данных о несовершеннолетних.

§ 2. Особенности социально-демографической и правовой характеристик несовершеннолетних преступников

1. Известно, что само социальное воздействие среды и ситуации на поведение различно в зависимости от возраста и что наиболее зависимы в этом отношении именно подростки. Поэтому изменения в социально-де-

руются» соответственно характеру уже совершенных поступков и не могут применяться при отсутствии таковых. Речь идет о воздействии на лиц с реальным антиобщественным поведением, а не на «потенциальных преступников», так как эта категория неизвестна советскому праву и противоречит его принципам. (Ред.).

¹ «Изучение и предупреждение преступности», Воронеж, 1966.

мографической и уголовно-правовой характеристиках рассматриваемого контингента всегда сигнализируют о возможных изменениях в тенденциях преступности несовершеннолетних и позволяют наметить наиболее эффективные меры общей и специальной профилактики.

2. Доля лиц мужского пола в составе контингента несовершеннолетних преступников абсолютно преобладающая: она выше, чем в составе преступного контингента в целом. Доля лиц женского пола в числе несовершеннолетних осужденных составляет, по выборочным данным, всего 2—5%¹. Надо отметить в этой связи, что в 1922—1924 гг. этот показатель был значительно выше и составлял для возрастной группы 16—17 лет — 14%, а для возрастной группы 14—15 лет — 10%².

По большинству преступлений доля девочек в контингенте подростков, их совершающих, весьма мала, и лишь по некоторым видам преступлений она выше средней (кражи). Причем в целом преступления несовершеннолетних женского пола в большинстве случаев менее дерзки и опасны, нежели преступления лиц мужского пола. В частности, по данным В. В. Орехова, применительно к преступлениям против личности, совершаемым несовершеннолетними женского пола, речь идет главным образом о телесных повреждениях, причиненных в бытовых драках, и о заражении венерической болезнью³.

Как правильно отмечает А. Б. Сахаров, преобладание среди несовершеннолетних правонарушителей лиц мужского пола связано, по-видимому, с некоторыми психологическими особенностями пола, исторически сложив-

¹ В составе контингента несовершеннолетних, состоящих на учете в комиссиях по делам несовершеннолетних и детских комнатах милиции, эта доля, по выборочным данным, равна примерно 9—10% (см. «Криминология», стр. 341).

² См. «Вопросы криминалистики и криминологии», Душанбе, 1968, стр. 92 и др.

³ «Человек и общество», вып. II, Л., 1967, стр. 146. Не вполне точным представляется, однако, вывод некоторых исследователей о том, что единственным видом преступлений девочек являются кражи («Коммунистическое воспитание подрастающего поколения и предупреждение правонарушений несовершеннолетних», Рига, 1963, стр. 37, 50). Это — основной, но не единственный вид их преступлений.

шимся различием интересов, поведения, воспитания мальчиков и девочек. Таким образом, и здесь, как и при характеристике особенностей личности преступников в целом, речь идет о социальных аспектах возрастной характеристики.

Распределение контингента несовершеннолетних преступников по возрасту характеризуется устойчивым преобладанием доли подростков старшего возраста (16—17 лет). По различным выборочным данным, в общем числе несовершеннолетних, совершивших преступления в 1965—1966 гг., лица в возрасте 14—15 лет составляли около 15—20%, 16 лет — около 35%, 17 лет — 40—45%. Иногда это явление объясняют тем, что для несовершеннолетних установлен «двойной» порог уголовной ответственности. Однако преступления, уголовная ответственность за которые наступает с 14-летнего возраста, составляют $\frac{9}{10}$ всех преступлений, фактически совершаемых подростками. Поэтому следует признать, что приведенные выше данные реально и устойчиво характеризуют исследуемый аспект структуры преступности.

Этот вывод подтверждается и достаточно точным совпадением результатов других выборочных исследований, осуществленных в различные годы в отношении разных контингентов подростков и применительно к различным территориальным единицам¹.

Результаты выборочных исследований подтверждают вывод, сформулированный А. Б. Сахаровым и нашедший поддержку в литературе: распространенность преступности среди отдельных возрастных категорий несовершеннолетних прямо пропорциональна возрасту.

По данным выборочных исследований, относительно высока доля лиц в возрасте 14—15 лет в числе несовершеннолетних, участвовавших в преступлениях со взрослыми. Это объясняется прежде всего целенаправленностью действий взрослых преступников по «вербовке» соучастников именно из числа подростков этого возраста

¹ См. Н. П. Грабовская, Уголовно-правовая борьба с преступностью несовершеннолетних в СССР, Л., 1961, стр. 30; «Вопросы борьбы с преступностью», вып. 8, 1968, стр. 50; «Предупреждение преступности несовершеннолетних», М., 1965, стр. 29; «Вопросы борьбы с преступностью несовершеннолетних», Алма-Ата, 1968, стр. 18—20; Л. А. Ключинская, Л. А. Бергере, Несовершеннолетние и уголовный закон, Рига, 1967, стр. 62.

(их относительно легче запугать и полностью подчинить влиянию главаря, они не требуют сколько-нибудь значительной доли похищенного). Сравнительно небольшая доля лиц 14—15 лет в контингенте несовершеннолетних, осужденных за причинение телесных повреждений, обусловлена, как представляется, самим характером соответствующих преступных деяний (в основном совершаемых из хулиганских побуждений, ревности или мести, связанных с укоренением у виновного черт жестокости и агрессивности, совершаемых в большинстве случаев с применением холодного оружия).

Как и распределение контингента несовершеннолетних преступников по половому признаку, распределение его по возрасту также объясняется социально-психологическими причинами. Конечно, поскольку с определенным возрастом, как отмечал проф. М. Н. Гернет, связан определенный уровень развития сил, интеллекта, влечений, постольку, так сказать, «физически» становится возможным совершение определенных преступлений¹. Однако речь идет не о «чисто» биологическом, а о социально-психологическом процессе формирования личности подростка и появления личностных дефектов в сфере интересов и потребностей, реализация которых в поведении облегчается в силу возрастных особенностей у подростка.

Сопоставительный анализ возрастной структуры контингента несовершеннолетних преступников в СССР и в зарубежных социалистических государствах Европы показывает большое ее сходство, хотя доля лиц в возрасте 14—15 лет в некоторых из них относительно выше².

В основных капиталистических странах доля возрастной группы 14—15 лет в составе несовершеннолетних преступников обычно гораздо выше (США — 55—60%, а в контингенте несовершеннолетних воров даже 65—70%, Англия — более 60%, ФРГ — около 35—38% и т. д.)³.

¹ См. «Моральная статистика», М., 1922, стр. 151.

² Напротив, в ЧССР, где уголовная ответственность наступает с 15 лет, доля младшей возрастной группы (15-летних) соответственно ниже и составляет около 12% (см. «Вопросы криминалистики», вып. 12, М., 1966, стр. 187).

³ См. Э. Б. Мельникова, Преступность несовершеннолетних в капиталистических странах, М., 1967, стр. 29—31, 37—39, 65—67 и др.

Такая структура контингента несовершеннолетних преступников в капиталистических странах самым непосредственным образом связана с разлагающим влиянием характерного для буржуазного общества культа индивидуализма и человеконенавистничества на подростков младших возрастов, в особой степени не защищенных от этого влияния; с действием средств массовой информации, пропагандирующих насилие; с безнадзорностью и бесперспективностью жизни широких слоев молодежи (особенно в трущобах крупных городов).

3. Распределение контингента несовершеннолетних преступников по месту жительства характеризуется относительным постоянством во времени (практически в течение 10-летия). В среднем городские жители составляют 75—78% и жители сельской местности — 22—25% этого контингента¹.

С учетом распределения между городом и сельской местностью подросткового населения в целом можно сделать вывод, что соотношение числа несовершеннолетних, совершающих преступления, на 10 тыс. городского и 10 тыс. сельского населения в возрасте 14—17 лет составляет в этих выборках примерно 3,5:1.

Интересен с криминологической точки зрения вопрос о доле в составе несовершеннолетних преступников подростков, проживающих в крупных городах. Данные выборочных исследований позволяют констатировать, что увеличение числа несовершеннолетних жителей таких городов отнюдь не всегда связано с пропорциональным увеличением преступности в среде этого контингента.

Более значительная доля городских подростков в преступном контингенте, несомненно, связана, как и применительно к составу лиц, совершающих преступления в целом, с усложнением воспитания в городских условиях (сужение возможностей контроля семьи, соседей, школы за времяпрепровождением и связями подростков; более позднее включение в трудовую деятельность; возможности для контактов с источниками отрицательных влияний; специфические трудности обеспечения неотвратимости раскрытия преступлений и т. д.). Опыт ряда крупных городов страны, однако, свидетельствует о

¹ См. «Криминология», стр. 342.

том, что всесторонний учет этих обстоятельств при планировании и осуществлении предупредительной работы (как и воспитательной работы с подростками в целом) позволяет и в условиях крупного города обеспечить устойчивое снижение численности несовершеннолетних, совершающих преступления¹.

Собранные данные позволяют отвергнуть концепцию буржуазной криминологии об урбанизации как одной из основных причин преступности несовершеннолетних. Не рост городского населения сам по себе, а антагонистические противоречия эксплуататорского общества, с особой быстротой проявляющиеся в условиях города, — причина бурного и безостановочного роста преступности несовершеннолетних в городах капиталистических государств.

Второй аспект рассматриваемого социально-демографического признака — территориальное распределение контингента несовершеннолетних преступников — исследован еще недостаточно. Имеющиеся данные позволяют лишь констатировать существующую неравномерность соответствующего показателя².

Думается, что подобные данные отражают, с одной стороны, различия социально-экономических условий и исторических традиций и обычаев, несомненно существующих в конкретной среде, формирующей личность подростка, а с другой — в определенной степени и разный уровень воспитательно-предупредительной работы. Поэтому рассматриваемый социально-демографический признак имеет существенное значение для планирования и оценки эффективности профилактической работы и практики применения наказания по делам несовершеннолетних.

4. Рассмотрим теперь данные, характеризующие семейное положение несовершеннолетних, совершающих преступления. В силу того, что семья — один из определяющих элементов микросреды, формирующей личность несовершеннолетних, существенное значение

¹ См. В. И. Иванов, Изучение положительного опыта предупреждения правонарушений несовершеннолетних, «Советское государство и право» 1967 г. № 2, стр. 88—92.

² См. В. И. Терехилов, Улучшить судебную практику по делам о преступлениях несовершеннолетних, «Социалистическая законность» 1963 г. № 10, стр. 14.

приобретают количественные характеристики, отражающие долю несовершеннолетних, воспитывающихся: а) двумя родителями, одним из родителей, без родителей; б) в семье и вне семьи; в) в семье, в которой имеются или отсутствуют необходимые жилищно-бытовые условия для детей; г) в малодетной (1—2 ребенка) или многодетной семье.

В характеристику семейного положения несовершеннолетних преступников должны быть включены, как представляется, данные о наличии или отсутствии внутри семьи устойчивых источников отрицательного влияния на детей, об образовательном уровне родителей.

Доля подростков-правонарушителей, воспитывавшихся в полной и неполной семье, а также сирот характеризуется данными выборочных обследований, которые свидетельствуют о том, что с конца 50-х годов последовательно сокращалась доля подростков, воспитывавшихся в неполной семье, так что в настоящее время подростки, воспитывающиеся обоими родителями, составляют $\frac{2}{3}$.

Нет сколько-нибудь серьезных различий в рассматриваемом отношении между контингентами несовершеннолетних преступников и иных правонарушителей (состоящих на учете в детских комнатах милиции и комиссиях по делам несовершеннолетних). Например, 69% подучетных подростков воспитывались в полных семьях¹.

Однако при этом необходимо учитывать, что условия семейного воспитания, как показано в гл. III, определяются не только (и не столько) рассматриваемым признаком, сколько самой нравственной атмосферой семьи и педагогической позицией родителей.

Существенно изменились и самые причины воспитания подростка в условиях неполной семьи. В первые послевоенные годы речь шла в основном о потере отца (обоих родителей) в связи с обстоятельствами военного времени, а равно о рождении и воспитании ребенка одинокой матерью вне брака. Даже по относящимся к 1958 году данным, в числе воспитанников одной из колоний, выросших без отца, 52% составили подростки,

¹ См., например, «Предупреждение правонарушений среди несовершеннолетних», Минск, 1969, стр. 78.

отцы которых погибли, 29% — дети одиноких матерей и 19% — подростки из распавшихся семей¹. Однако в последующие годы доля подростков, потерявших отца в связи с обстоятельствами военного времени, сошла на нет, а доля детей одиноких матерей сократилась. В настоящее время в составе несовершеннолетних преступников, воспитывающихся одним из родителей, дети одиноких матерей и дети из распавшихся семей представлены примерно равными долями. В контрольной группе соотношение примерно такое же.

Что касается распределения долей в контингенте несовершеннолетних преступников, живших в семье и вне семьи, то оно стабильно и составляло к началу 70-х годов примерно 9:1. В число лиц, живших вне семьи, входят сироты, а также подростки, учащиеся или работающие не по месту жительства семьи (главным образом в ПТУ), и подростки, изъятые из семьи.

Выборочные данные последних лет свидетельствуют о том, что жилищные и материально-бытовые условия в семьях, в которых воспитывались несовершеннолетние, совершившие преступления, не отличаются от условий в семьях подростков контрольной группы².

Большинство несовершеннолетних преступников воспитывалось в семьях с числом детей 1—2 человека.

Образование родителей подростков, совершивших преступления, гораздо ниже образовательного уровня взрослого населения страны в целом. Если в составе работающего населения 65% имели в 1970 году образование в объеме 8 классов и выше, то в составе родителей, дети которых совершили преступления, доля лиц с таким образованием не превышала, по данным репрезентативной выборки, 16%. Столь значительный «сдвиг» образовательного уровня родителей несовершеннолетних преступников по сравнению со средними показателями с бесспорностью указывает на одно из основных обстоятельств, затруднявших правильное воспитание

¹ См. А. Б. Сахаров, О личности преступника и причинах преступности в СССР, стр. 97.

² Даже при совершении имущественных преступлений только в 3—4% случаев устанавливается связь содеянного с материальными условиями, в которых находился подросток в семье, и то главным образом в связи с такими факторами, как пьянство родителей, оставление одним из них работы и т. д. (см. «Предупреждение преступности несовершеннолетних», М., 1965, стр. 30).

несовершеннолетних в таких семьях и требующих учета в профилактической работе.

Распределение подростков, совершающих преступления, по социальному положению (роду занятий) характеризуется следующими данными выборочных исследований: учащиеся общеобразовательных школ — 11—24%, учащиеся ПТУ — 16—17%, работающие — 47—50%, неработающие и неучащиеся подростки — 12—23%¹.

Оценивая эти данные, следует иметь в виду, что подавляющая часть несовершеннолетних подростков является учащимися общеобразовательных школ и, следовательно, доля последних среди преступников значительно ниже их доли в общей массе несовершеннолетних.

Относительно значителен (по сравнению с долей в контрольной группе) показатель, характеризующий участие в преступлениях подростков, не учащихся и не работающих, что указывает на одно из перспективных направлений усиления профилактических мероприятий.

Доля учащихся ПТУ в составе несовершеннолетних преступников связана с существовавшей до последних лет практикой комплектования их в значительной части «трудными», не имеющими 8-летнего образования подростками.

Как представляется, мероприятия последних лет, направленные на совершенствование профорientации и воспитательной работы с работающими подростками и учащимися ПТУ, будут способствовать как общему снижению преступности несовершеннолетних, так и опережающему снижению в ней доли указанных контингентов.

Применительно к подросткам, состоящим на учете в детских комнатах милиции и комиссиях по делам несовершеннолетних, особенно велика доля школьников и учащихся ПТУ (от $\frac{2}{3}$ до $\frac{3}{4}$ этого контингента). Это и понятно, так как данный контингент образует как бы предшествующую «ступень» деморализации личности подростков по сравнению с контингентом преступников.

¹ См. упоминавшиеся ранее сборники и работы Н. П. Грабовской, Л. А. Ключинской и Л. А. Бергере, а также «Вопросы социологии и права», Иркутск, 1967, стр. 277—278; «Человек и общество», Л., 1967, стр. 144—145; «Вестник Московского университета» 1966 г. № 5, стр. 51; В. С. Орлов, Подросток и преступность, М., 1969, стр. 85; «Криминология», стр. 342 и др.

Эти данные подтверждают необходимость усиления работы по ранней профилактике преступности среди младших подростков.

5. Важное значение для социально-демографической характеристики несовершеннолетних, совершающих преступления, имеет их образовательный уровень. По этому признаку можно судить о потенциальных возможностях личности несовершеннолетнего правонарушителя в исполнении им своих социальных функций, в определенной степени — об уровне его культуры, интересах¹ (см. § 1 настоящей главы и гл. V). Выборочные криминологические исследования позволяют сделать следующие выводы.

Во-первых, подавляющее число подростков-правонарушителей имеют образование на 1—3 класса ниже, чем их сверстники. Во-вторых, уровень образования несовершеннолетних преступников в последние годы повышается.

Свидетельствуя об определенных результатах, достигнутых в деле удержания в стенах школы подростков, ранее отсеивавшихся до получения 8-летнего образования, эти данные указывают вместе с тем на то, что само по себе удержание этого контингента не решает еще задачу профилактики правонарушений в его среде. Необходимо дальнейшее усиление дифференцированной работы с этими подростками и прежде всего по восстановлению и развитию у них интереса к учебе, по включению их в жизнь коллектива. Пока же, по данным различных выборок, среди подростков, совершающих преступления, $\frac{2}{3}$ учились плохо, а 58% были второгодниками².

6. Представляется правильным включение в характеристику рассматриваемого контингента обобщенных данных о поведении, предшествующем совершению преступления. Эти данные наряду и во взаимодействии с другими показателями, характеризующими исследуемую совокупность, помогают установить типичные зависимости, необходимые для прогнозирования динамики преступности несовершеннолетних и планирования

¹ Представляется в этой связи желательным введение дифференцированных показателей образовательного уровня в уголовную статистику несовершеннолетних осужденных.

² См., например, «Вопросы изучения и предупреждения правонарушений несовершеннолетних», ч. 1, стр. 26, 49, 66.

объема и направлений профилактических мероприятий. В конкретных случаях они имеют существенное значение и для решения вопросов назначения и исполнения наказания, прекращения его отбывания.

Имеющиеся данные свидетельствуют, в частности, о том, что 30—40% подростков состояли к моменту совершения преступления на учете в детской комнате милиции, привлекались к административной ответственности, к ответственности перед комиссиями по делам несовершеннолетних¹. Поскольку они тем не менее совершили преступления, неизбежен вывод о наличии значительных «резервов» повышения эффективности работы по линии детских комнат, комиссий и т. д. и о необходимости в каждом конкретном случае выяснять в рамках уголовного дела, почему принятые ранее меры воздействия оказались запоздавшими или недостаточными, внося по этому вопросу представления, частные определения и т. п.

7. При рассмотрении особенностей уголовно-правовой характеристики личности несовершеннолетнего преступника представляется необходимым различать в этой связи: а) лиц, совершивших общественно опасные действия до наступления возраста уголовной ответственности²; б) лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте (несовершеннолетние преступники); в) лиц, совершивших правонарушения непроступного характера в возрасте, позволяющем применять меры воздействия, предусмотренные законом (несовершеннолетние правонарушители); г) лиц в возрасте от 18 лет до 21 года, совершивших новое преступление, несмотря на то, что в несовершеннолетнем возрасте к ним за совершенное преступление уже применялось уголовное наказание или заменяющая его мера (молодые рецидивисты).

Возрастные границы исследуемой совокупности связаны с фактом достижения лицом определенной степени интеллектуально-волевой зрелости, присущей в норме указанному возрасту. Конечно, в период с 14 до 18 лет еще продолжается интенсивный процесс формирования

¹ См. «Советское государство и право» 1971 г. № 4, стр. 106.

² Нижний возрастной порог для этого контингента связан с достижением 14-летнего возраста, позволяющего применять правовые меры воздействия по линии комиссий по делам несовершеннолетних.

сознания и личности в целом, подростки уступают взрослым в степени развития интеллекта и воли, у них еще невелик жизненный опыт. Поэтому законодатель рассматривает несовершеннолетие как одно из обстоятельств, смягчающих ответственность (ст. 33 Основ). Однако в то же время у лица в возрасте 14 (16) лет уже достаточно развита способность к осознанию в социально-нравственных категориях своего опыта и опыта окружающих; оно в значительной мере освобождается от императивности как внешних воздействий, так и непосредственных внутренних побуждений, действует в соответствии с сознательно принятыми решениями. Поэтому в состав указанной совокупности включаются подростки, не просто достигшие соответствующего «паспортного возраста», но и не имеющие при этом существенного отставания от нормы в степени интеллектуального или волевого развития (психологический возраст)¹.

Некоторые авторы отмечают, что несовершеннолетие не могут еще полностью обеспечить сознательного управления своим поведением². Что касается трудовых, имущественных и тому подобных правоотношений, то в ряде случаев это действительно так, ибо иначе закон не рассматривал бы лиц в возрасте 15—17 лет как ограничено дееспособных. Однако, что касается той области поведения, которая связана с соблюдением требований уголовных законов, значимость которых отчетливо осознается уже подростками, их возможность сознательно управлять своими поступками в принципе не вызывает сомнения.

В норме элементом уголовно-правовой характеристики подростков, совершивших преступления, является как раз полная осознанность содеянного как запретного и вредного для интересов общества деяния, наличие возможностей руководить своими действиями и реализация этих возможностей при совершении преступления³.

¹ Характеризуя уровень развития интеллекта и воли у лиц в возрасте 14—17 лет, мы пользуемся термином «подросток» как собирательным, обозначающим всю эту возрастную группу. Многие психологи обозначают как подростковую лишь группу 14—15-летних, а группу 16—17-летних обозначают как первую юношескую.

² См., например, М. М. Бабаев, Индивидуализация наказания несовершеннолетних, стр. 26.

³ Наличие в ряде случаев специфического мотива деяния, обусловленного особенностями психологии подростка, не исключает осо-

8. Существенный элемент уголовно-правовой характеристики несовершеннолетних преступников — структура их контингента по основным видам совершенных преступлений.

По выборочным данным, среди несовершеннолетних преступников устойчиво преобладают лица, совершившие главным образом кражи и хулиганские действия¹.

Доля подростков, совершивших тяжкие преступления, относительно стабильна и составляет около 20%, не обнаруживая существенной тенденции к увеличению.

9. Общественная опасность подростков, совершающих преступления, и преступлений, ими совершаемых, в известной мере связана с величиной доли лиц, участвующих в групповых преступлениях².

По данным Н. И. Гуковской, А. Б. Сахарова, Д. И. Фурсова, Е. А. Харшака и нашим, доля участников групп, насчитывавших более четырех человек, не превышает 20—30%, по данным А. Н. Роши и А. Б. Сенчина, — даже 10—11% в составе всех участников групповых преступлений³.

О специфическом характере групп подростков, совершающих преступления, говорят и данные о месте и обстоятельствах их возникновения. Более чем в $\frac{2}{3}$ случаев группы подростков формируются в процессе совместного времяпрепровождения и лишь ситуационно переходят к совершению преступления.

знанности подростком упречности и социальной опасности его действий; он лишь полагает возможным пренебречь этим.

¹ См. «Криминология», стр. 340.

² Н. П. Грабовская, обобщившая материалы о преступности несовершеннолетних в Ленинграде за 1958—1959 гг., пришла к выводу о том, что «группы, совершающие преступления, как правило, малочисленны, нестойки и в ряде случаев возникают непосредственно перед совершением преступлений» («Уголовно-правовая борьба с преступлениями несовершеннолетних в СССР»). Этот вывод полностью подтверждается результатами позднейших исследований и фиксирует одно из существенных отличий уголовно-правовой характеристики контингента несовершеннолетних преступников в нашей стране от соответствующих показателей, относящихся к капиталистическим странам.

³ См. «Предупреждение правонарушений несовершеннолетних», Рига, 1963, стр. 42; «Вопросы борьбы с преступностью несовершеннолетних», Алма-Ата, 1968, стр. 16; «Предупреждение преступности несовершеннолетних», М., 1965, стр. 31, 225; «Вопросы социологии и права», Иркутск, 1967, стр. 278; «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1969 г. № 4, стр. 44.

Отмечается значительная доля преступных групп с участием взрослых, причем 20—30% взрослых — ранее судимы. Значительна и доля участия ранее судимых подростков¹. Эти данные указывают на наличие больших возможностей для предупреждения формирования преступных групп и для принятия необходимых профилактических мер.

Особенную тягу к участию в группах, совершающих преступления, проявляют подростки, «выталкиваемые» из школы и семьи, так как «микроклимат» этих групп дает им определенные возможности для повышения самооценки. Поскольку же образование группы усиливает суммарную активность ее участников и повышает их уверенность в собственных силах и чувство безнаказанности, постольку совместные прогулки по улице и в других общественных местах, сборища в подворотнях и на лестничных клетках могут при наличии подходящей ситуации и с учетом состава группы перейти в нарушения общественного порядка, мелкие кражи и т. п. Безнаказанность этих правонарушений в свою очередь приводит к усугублению антиобщественного, в том числе преступного, поведения.

Отсюда обеспечение своевременности и достаточности мер воздействия по фактам первых же правонарушений должно рассматриваться как важнейшая предпосылка эффективности профилактической работы.

§ 3. Особенности социально-демографической и правовой характеристик рецидивистов

1. Социально-демографическая и правовая характеристики личности рецидивистов отличаются существенными «сдвигами» по отношению не только к лицам с социально-позитивным поведением, но и к большинству лиц, впервые привлекавшихся к уголовной ответственности. В этом, как и в особенностях нравственно-психологической характеристики рецидивистов, отражается

¹ См. «Прокурорский надзор по делам несовершеннолетних», М., 1972, стр. 18; А. П. Былинкина и Н. И. Гуковская, Некоторые результаты изучения дел о совместном совершении преступлений несовершеннолетними и взрослыми, «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1969 г. № 4, стр. 45.

устойчивость (стойкость) и общественная опасность их преступного поведения, о чем говорилось в § 1¹. Вместе с тем определенные сложности связаны с самим собиранием и обобщением данных о личности рецидивистов.

В отчетности исправительно-трудовых учреждений рецидив учитывается по признаку повторного отбывания наказания в местах лишения свободы независимо от того, когда осужденный отбывал наказание, а также независимо от того, снята или погашена судимость. По данным А. П. Сафонова, число лиц, которые повторно совершили преступления после отбытия наказания в местах лишения свободы, по которым при вторичном осуждении была назначена мера наказания, не связанная с лишением свободы, составляет не более 3% к общему числу лиц, совершивших повторные преступления после отбытия наказания в местах лишения свободы². Поэтому данная группа существенно не искажает общей оценки состава рецидивистов в местах лишения свободы. Однако в принципе надо обращать внимание на то, какой признак положен в основу учета.

Значительная часть рецидивистов совершают новые преступления в течение первых же месяцев после освобождения. Это свидетельствует о том, что обстоятельством, способствующим рецидиву, нередко является игнорирование или недооценка степени стойкости антиобщественных взглядов и привычек при решении вопросов условно-досрочного освобождения, устройства освобожденных, длящегося контроля и помощи. Устранение этого недостатка — один из существенных «резервов» повышения эффективности профилактики рецидива.

2. Преступники-рецидивисты совершают прежде всего такие преступления, как кражи, грабежи, разбои и хулиганство. Например, в 1965 году рецидивисты совершили 40% всех краж, грабежей и разбоев³. Причем структура рецидива остается относительно постоянной

¹ Применительно к личности преступников в целом признак рецидива рассматривался в § 1 как элемент правовой ее характеристики. Вместе с тем при выделении этой категории лиц, совершающих преступления, для специального рассмотрения целесообразна дальнейшая детализация их социально-демографической и правовой характеристик.

² См. «Советское государство и право» 1967 г. № 3, стр. 58.

³ См. «Социалистическая законность» 1966 г. № 1, стр. 8.

в течение большого периода, хотя уровень его после ликвидации профессиональной преступности в стране постепенно снижается.

Основная масса лиц, признанных по суду особо опасными рецидивистами, также формируется из осужденных за совершение краж, грабежей и разбоев. При этом для преступников-рецидивистов характерно нарастание общественной опасности вновь совершаемых преступлений (по сравнению с преступлениями, за которые обследованные лица были осуждены в первый раз, втрое увеличилась доля разбоев, вдвое — убийств и т. д.). В целом $\frac{1}{3}$ рецидивистов, осужденных первоначально за кражи и хулиганство, переходят в дальнейшем к тяжким преступлениям против личности, разбоям и т. п.¹.

При изучении направленности посягательств рецидивистов интересно рассмотреть также соотношение общего и специального рецидива.

И. И. Карпец пишет, что среди обследованных им рецидивистов наиболее высокий процент рецидива был у лиц, осужденных за хищения социалистической собственности и кражи личного имущества (76%), а среди этой последней группы специальный рецидив у карманных воров был еще выше (89%)².

Эти же особенности отмечали и другие авторы. По данным А. М. Яковлева, 67% обследованных им осужденных за кражу личного имущества составляли лица, имевшие ранее судимость также за кражу³. С. С. Степичев подсчитал, что 43% осужденных за хулиганство совершали ранее хулиганские поступки, за которые они привлекались к уголовной ответственности⁴. По данным А. Е. Наташева, 56% рецидивистов, осужденных за хулиганство, ранее были осуждены за хулиганство⁵.

Определенная степень устойчивости антиобщественных взглядов, привычек присуща также лицам, совершающим преступления против нравственности (изнаси-

¹ См. «Криминология», стр. 310.

² См. «Индивидуализация наказания в советском уголовном праве», М., 1961, стр. 115, 116.

³ См. «Борьба с рецидивной преступностью», М., 1964, стр. 73.

⁴ См. «Вопросы методики изучения и предупреждения преступности», М., 1962, стр. 73.

⁵ См. «Советское государство и право» 1967 г. № 8, стр. 68.

лование, развратные действия и т. п.), хотя и в значительно меньшей мере, чем у преступников указанных выше категорий.

Еще реже встречается специальный рецидив среди лиц, осужденных за убийства и телесные повреждения, хотя общий рецидив у них достигает иногда 20—40%¹.

Эти данные свидетельствуют о том, что о динамике рецидива нельзя судить только по структурным изменениям, допустим, по росту или снижению удельного веса рецидивистов в общем составе преступников. Надо изучать личность рецидивистов применительно к отдельным категориям преступников, главным образом по направленности их посягательств. Без этого невозможно ни надлежащее планирование мер профилактики рецидива, ни оценка их эффективности.

3. Социально-демографические признаки, которыми характеризуются рецидивисты, свидетельствуют о существенном ослаблении их позитивных связей в обществе. Значительной части злостных преступников свойственно стремление уклониться от общественно полезного труда, ведение паразитического образа жизни, пьянство и т. п.².

Выборочные исследования показали, что семейные и родственные связи преступников ослабевают по мере увеличения числа судимостей, сроков наказаний. Так, среди обследованной группы осужденных, отбывавших наказание второй раз, семья сохранилась у 55—63%, третий раз — у 29—34%, 4 раза и более — у 8—12% и у особо опасных рецидивистов, как правило, семья не сохранялась.

Надо отметить далее, что и к моменту совершения первого преступления семейные условия у будущих рецидивистов были хуже, нежели в среднем контингенте лиц, совершающих преступления: в полной семье они воспитывались только в 36% случаев, т. е. почти в 2 раза меньше, чем лица, не допустившие затем рецидива.

По сравнению со средней характеристикой лиц, совершающих преступления, у рецидивистов снижен и

¹ См. «Вопросы методики изучения и предупреждения преступности», стр. 73.

² Причем значительное число рецидивистов используют устройство на работу как прикрытия, позволяющее вести преступный образ жизни (см. «Криминология», стр. 315).

образовательный уровень: по выборочным данным, только 12% из них имели образование в объеме 8 классов и выше, т. е. в 3—3,5 раза меньше, чем лица, не допустившие рецидива.

Изложенное обуславливает следующие выводы, необходимые для организации профилактики рецидива:

а) в отношении лиц со сниженным образовательным уровнем и отсутствием семейных связей должны, помимо мер устройства и контроля по линии органов милиции, приниматься меры шефской помощи через производственный коллектив;

б) контроль в отношении лиц, неблагоприятно характеризующихся перед освобождением, должен быть максимально интенсифицирован с тем, чтобы создать освобожденному дополнительные психологические «сдержки»;

в) по общему правилу должно быть исключено условно-досрочное освобождение лиц, которые в период отбывания наказания подвергались дисциплинарным взысканиям.

4. Изучение показывает наличие характерной для злостных преступников тенденции к вовлечению в преступную деятельность новых лиц.

Подобного рода деятельность злостных преступников включает настойчивые попытки заразить психологией паразитизма, приучить к алкоголю, совратить и развратить неустойчивых лиц из бытового окружения. Завершающий результат разлагающего влияния — использование таких лиц в качестве исполнителей преступлений. Сами же злостные преступники как организаторы этих деяний стремятся избежать разоблачения, остаться невыявленными.

При всем этом нет таких злостных преступников, в том числе и рецидивистов, о которых заранее и с неизбежностью можно было бы утверждать, что они непременно совершат новое преступление. Индивидуальные свойства преступника могут способствовать или препятствовать совершению им преступления, но не могут фатально обрекать его на это¹. Знание особенностей лич-

¹ Тем более что сама рецидивная преступность в социалистическом обществе и по происхождению, и по природе, и по характеристике существенно отличается от рецидивной преступности в капиталистических странах, где преступность становится бизнесом, а преступники — профессионалами.

ности рецидивистов позволяет разрабатывать научно обоснованную программу борьбы с рецидивом, определять объем необходимых средств и их направленность, организовывать предупредительную работу, корректировать судебную практику, вносить обоснованные предложения по совершенствованию законодательства. В частности, как уже отмечалось, за поведением определенной части преступников, отбывших наказание, необходимо устанавливать строгий контроль. Эту задачу выполняет административный надзор за лицами, отбывшими наказание в местах лишения свободы за совершение опасных преступлений, а равно другие формы патронажного надзора (ст.ст. 47—49 Основ исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик).

5. Последний элемент уголовно-правовой характеристики рецидивистов, требующий рассмотрения, — это обобщенные данные, относящиеся к личности несовершеннолетних рецидивистов¹.

Применительно к рецидиву несовершеннолетних действует, разумеется, общее положение о том, что сам факт совершения нового преступления лицом, уже понесшим наказание за преступление, обычно свидетельствует о продолжающемся процессе деформации личности, сужения позитивной перспективы, разрыва системы положительных социальных связей. Вместе с тем здесь есть одна существенная особенность. Для взрослого рецидива — во многих случаях предумышленный шаг, ступень к «профессионализации» преступной деятельности. Для несовершеннолетнего — это чаще всего реакция на возобновление системы тех отрицательных воздействий, которые уже ранее привели его к преступлению. Поэтому здесь относительно более распространен общий, а не специальный рецидив.

Специфичен и сам подход к криминологическому определению понятия несовершеннолетнего рецидивиста.

Во-первых, помимо уголовного наказания и мер, предусмотренных ст.ст. 51, 52 УК РСФСР, к несовер-

¹ Данные о специфике мотивации и характере преступных действий подростков, также являющиеся, строго говоря, элементами их уголовно-правовой характеристики, целесообразно рассмотреть при анализе особенностей нравственно-психологического облика несовершеннолетних преступников.

шеннолетним, совершившим преступления, в 25—30% случаев применяются меры, заменяющие уголовное наказание, и прежде всего принудительные меры воспитательного характера (ст.ст. 10 и 63 УК РСФСР). Совершение нового преступления лицом, к которому были применены меры, заменяющие уголовное наказание, с криминологической точки зрения равнозначно совершению нового преступления после применения уголовного наказания. Поэтому в контингент несовершеннолетних рецидивистов при криминологическом анализе надо включать и этих лиц.

Во-вторых, верхняя возрастная граница уголовно-правового несовершеннолетия также носит условный характер при анализе рецидива. Дело в том, что большая часть несовершеннолетних, совершающих преступления, имеет возраст 16—17 лет. Очевидно, что применение к ним лишения свободы или направление в специальные профессионально-технические училища отодвигает «физическую» возможность рецидива на соответствующий срок, в связи с чем он возможен уже после достижения лицом 18-летнего возраста¹.

Все это обуславливает необходимость при анализе фактической распространенности рецидива несовершеннолетних прибегать к данным обследований последующего (через 1—2 года) поведения лица после отбытия наказания (принудительных мер воспитательного характера) независимо от того, исполнилось ли ему к моменту обследования 18 лет.

Репрезентативная выборка показывает, что с учетом сказанного выше при сроке наблюдения в один год после освобождения рецидив среди лиц, осужденных в несовершеннолетнем возрасте к лишению свободы, составляет менее 20%², причем наблюдается тенденция известного снижения указанного показателя.

Наиболее опасен, с точки зрения вероятности совершения нового преступления подростком, период от 6

¹ Сказанным объясняются, в частности, полученные при некоторых выборках данные о преобладании в составе несовершеннолетних рецидивистов лиц, которые ранее были осуждены условно. Если изучать только рецидивистов, которые к моменту нового преступления не достигли 18 лет, то такие ошибки неизбежны.

² См. Г. М. Миньковский, Понятие и система мер предупреждения преступности в среде молодежи, М., 1971, стр. 17.

до 12 месяцев с момента условного осуждения (применения иной меры, не связанной с лишением свободы), или освобождения из колонии для несовершеннолетних, или выпуска из воспитательного учреждения. Указанное обстоятельство связано, как представляется, с тем, что сдерживающее и воспитывающее психологическое воздействие факта осуждения или факта отбытия наказания постепенно ослабевает во времени, особенно с учетом общей незавершенности формирования у подростка навыков социального поведения. Поэтому, не будучи подкреплено действующей воспитательной работой с лицом (включающей предъявление к нему определенных требований и контроль за их осуществлением), оно может с определенного момента оказаться слабее воздействия старых привычек и связей. Отсюда одним из основных условий предупреждения рецидива несовершеннолетних должна рассматриваться передача на перевоспитание коллективу, назначение общественного воспитателя, постановка на учет в детской комнате милиции и комиссии по делам несовершеннолетних.

6. Контингент несовершеннолетних рецидивистов по сравнению с подростками, впервые привлекаемыми к ответственности, характеризуется большой преступной активностью. Их действия в меньшей степени ограничиваются местом жительства, возрастает ухищренность способов подготовки, совершения, сокрытия преступления. Увеличивается и доля преднамеренных (заранее подготовленных) преступлений, которые, по данным Х. Кингса, составляют 64%¹, по нашим данным — 50—60% в общем количестве рецидивных преступлений.

У рецидивистов отмечается дальнейшее увеличение отставания по общеобразовательному уровню от сверстников: большинство лиц, повторно привлекаемых к ответственности, отстают уже не на 1—3 класса, как впервые судимые, а на 3—5 классов. Видимо, применяемые к подросткам, совершившим преступления, меры уголовного наказания или заменяющие меры еще не в пол-

¹ См. Х. Кингс, О рецидивной преступности юношей («Труды аспирантов юридического факультета Тартуского государственного университета», вып. 1, Тарту, 1968, стр. 43—81); он же, Рецидивная преступность юношей (по материалам Эстонской ССР), автореферат канд. дисс., Тарту, 1968, стр. 21.

ной степени обеспечивают возобновление ими учебы, что не может не затруднить процесса последующей социальной адаптации лица, к которому было применено наказание.

Исследования Н. Г. Яковлевой и других авторов показывают, что среди лиц, вернувшихся на преступный путь, доля злоупотребляющих спиртными напитками значительно возрастает, а у лиц, не совершающих новых преступлений, — постепенно снижается¹. Значительно увеличивается у рецидивистов и доля лиц без определенных занятий (в 2—3 раза)².

Рецидив относительно чаще встречается среди лиц, возвращающихся в нездоровую семейную обстановку или остающихся в ней. Этот момент должен поэтому рассматриваться как один из существенных при выборе формы устройства и контроля поведения освобожденных и условно осужденных и длительности соответствующих мер.

¹ Соответственно увеличивается (приблизительно на одну треть) и доля лиц, совершивших преступления в нетрезвом виде или с целью добыть деньги на выпивку, в контингенте рецидивистов по сравнению с впервые судимыми.

² См. «Криминология», стр. 344; Р. Галеева, В. Кутушев, Г. Моисеенко, Изучение рецидивной преступности несовершеннолетних («Социалистическая законность» 1972 г. № 6, стр. 53).

ПРАВСТВЕННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПНИКОВ

§ 1. Общие положения. Значение для применения наказания и профилактической работы

1. Эффективность мер профилактического и уголовно-правового воздействия на преступников в значительной степени зависит от точности представления об их внутреннем мире. А такое представление создается лишь при изучении нравственных качеств и психологических особенностей преступника.

Следует отметить, что нравственные качества и психологические особенности — это часть более общей совокупности, которую можно назвать социально-психологической характеристикой личности. Эта характеристика есть синтез внутренних черт личности и ее некоторых внешних проявлений. Под психологической стороной указанной характеристики мы понимаем описание формирующегося в определенных условиях внутреннего мира преступника.

Человек может стать преступником в результате социально неблагоприятных воздействий, воспринятых им и включенных в мир его взглядов, отношений, установок, ориентаций, затем реализованных в акте преступной деятельности. Поэтому для утверждения нового облика советского человека, его коммунистической морали и мировоззрения необходима постоянная, бескомпромиссная борьба с пережитками прошлого¹.

Нельзя, конечно, отождествлять нравственно-психологические свойства личности с объективно существующими социальными явлениями, которые могут быть

¹ См. «Материалы XXIV съезда КПСС», стр. 84.

причинами преступлений. Однако взаимосвязь между ними очевидна, ибо отрицательные нравственно-психологические качества личности преступника, будучи сформированными, есть то опосредствующее звено, которое лежит между указанными социальными причинами и самим актом преступного поведения.

Психологическая структура личности включает прежде всего социально обусловленные черты, определяемые как индивидуальными особенностями психических процессов, так и приобретенным опытом. К этим свойствам относятся направленность личности, ее моральные качества, знания, навыки, привычки, уровень личной культуры. Кроме того, в психологическую структуру личности входят индивидуальные особенности отдельных психических процессов (памяти, мышления, эмоций, воли), а также темперамент, порой — патологические изменения психики.

Хотя индивидуальные свойства темперамента и особенности психических процессов сами по себе не определяют побуждений человека к действию в определенном направлении, но для того, чтобы понять содержание сознательной деятельности человека, необходимо учитывать свойства личности в целом, включая и особенности психических процессов.

2. Согласно одному из принципиальных положений советского уголовного права общественная опасность личности проявляется в первую очередь в характере и степени опасности совершенного преступления. Из всех элементов преступления ближе всего к нравственно-психологической характеристике личности стоит субъективная сторона, а в ней — характеристика мотивов преступления и целей, поставленных перед собой преступником.

Мотив преступления, несомненно, выражает определенные особенности личности преступника применительно к конкретной ситуации, в которой подготавливается и совершается преступление. Следует, однако, подчеркнуть, что наряду с мотивами, которые являются устойчивыми и постоянными, бывают мотивы, определяемые случайным течением обстоятельств. Мотивы могут быть противоречивыми и непоследовательными. Например, мотив может представлять собой неустойчивое временное состояние, связанное с реакцией на конкретную жизненную ситуацию. С учетом этого положения тезис

о том, что мотив преступления всегда является «выражением социальной позиции личности, ее взглядов, установок, убеждений и т. д.»¹, представляется преувеличенным. В ряде случаев это действительно так, но возможно и иное положение. Если преступление носит в основном ситуационный характер, его мотив может быть для личности в целом нехарактерен.

Таким образом, при всем значении мотива конкретного преступления его изучение не исчерпывает проблемы характеристики личности.

3. Поведение человека определяется направленностью, ориентацией, социальной установкой личности. Отношение человека к различным сторонам жизни и деятельности (к обществу, к государству, к людям, к труду, к собственности, к себе самому и пр.) проявляется в конкретных мотивах его поведения, процесс реализации которых в свою очередь укрепляет, развивает, изменяет эти отношения. Речь в данном случае идет об устойчивых и постоянных целях и мотивах поведения (в отличие от мотива отдельного поступка, в том числе и преступления), система которых вместе с основными жизненными интересами, побуждениями лежит в основе избирательности поведения.

Существо жизненной установки, ориентация личности выражается, таким образом, в определенном, достаточно устойчивом отношении данного лица к различным социальным ценностям.

Анализ этих отношений дает достаточно полное представление о личности конкретного индивида. Что же касается личности преступника, то в ее характеристике наибольшее значение имеют такие отрицательные социальные черты, как нежелание соблюдать общественный порядок, неуважение к гражданам, нежелание трудиться, непризнание неприкосновенности социалистической и личной собственности и пр., т. е. отрицательные отношения к людям и обществу. Эти отношения формируются на основе жизненной практики в конкретной микросреде (воспитания, влияния и т. п.) и в свою оче-

¹ См. П. С. Дагель, Классификация мотивов преступления и ее криминологическое значение, «Вопросы социологии и права. Восточно-Сибирский совет по координации и планированию научно-исследовательских работ по гуманитарным наукам. Материалы научно-теоретической конференции», Иркутск, 1967, стр. 265.

редь находят проявление в различных чертах характера и поступках человека, в том числе и в преступлениях.

4. В ряде случаев, когда жизненная ориентация имеет четкое и конкретное содержание, ярко выражена и целеустремленна, есть основания говорить об установке личности (в том числе и об антиобщественной установке). Установка — это комплексное понятие, характеризующее не одну сторону личности, а целостное ее состояние. Она выражается в склонности и направленности к совершению определенного рода действий. Установка оказывает влияние на отношение человека ко всем связанным с ним объектам. В свою очередь она формируется под влиянием объективных условий и влияет на возникновение решения совершить преступление. Как отмечает Л. П. Бусева, «не всякая ориентация приобретает характер установки, а лишь та, которая внутренне определяет личное отношение данного индивида к определенным социальным явлениям, базируется на сформировавшейся потребности, та, которой он руководствуется в своей деятельности и поведении»¹.

Необходимо отметить, что в философской и социологической литературе термин «установка» употребляется неоднозначно. Видимо, это привело к смещению понятия установки в психологии и криминологической литературе. В одних случаях авторы охватывают этим понятием «социальную установку», «социальную позицию», «социальную ориентацию». В других — установка употребляется в ее психофизиологическом смысле как психологический механизм — направленная готовность.

Понятие антиобщественной установки как социально-психологической основы преступного поведения введено в криминологическую литературу А. И. Сахаровым². Получив известное признание³, оно встретило в последнее время и возражения⁴. Отмечается, в частно-

¹ Л. П. Бусева, Социальная среда и сознание личности, стр. 99.

² См. «О личности преступника и причинах преступности в СССР», стр. 55.

³ См. «Вопросы предупреждения преступности», М., 1965, стр. 6—8; «Советская криминология», М., 1966, стр. 91—92 и др.

⁴ См., например, И. И. Карпец, Проблема преступности, М., 1968, стр. 28 и след.

сти, что индивидуалистическая установка не является универсальной для понятия личности преступника, ибо о ней можно говорить лишь применительно к наиболее злым, стойким антиобщественным элементам, открыто и решительно отвергающим требования закона. «Нельзя считать, — пишет Н. С. Лейкина, — что антиобщественная установка присуща лицам, совершившим преступление под влиянием случайного сгечения обстоятельств, в состоянии аффекта, вызванного противоправным действием, при превышении пределов необходимой обороны, впервые, по неосторожности и т. д. Указанные преступления не выражают антисоциальной направленности, а лишь свидетельствуют об отсутствии у виновного в достаточной мере интенсивных сил для того, чтобы противостоять отрицательной ситуации и не выйти за пределы, установленные законом»¹.

Подобные соображения справедливы в том смысле, что социально-психологическая основа различных преступлений не одинакова, так же как не одинаковы характер и степень общественной опасности личности различных правонарушителей. Авторы настоящей работы полагают, что в криминологии должно использоваться понятие установки главным образом в социологическом его значении (социальная установка), которое дает понять сущность преступления как социальной категории. Еще лучше было бы использовать термины «жизненная ориентация», «социальная направленность личности» и т. д.

При этом очень важно подчеркнуть, что нравственно-психологические свойства не сводятся к однозначной направленности личности. Всякая личность многопланова и многообразна в своих проявлениях. Поэтому анти-социальная сущность личности преступника — как бы ее ни называть: установка, направленность, ориентация — может быть различной по своей силе, стойкости, глубине, напряженности (от четко выраженной активной социально-отрицательной настроенности до недостаточной интенсивности социально-положительных качеств).

Различные категории преступников необходимо раз-

¹ «Влияние личностных особенностей на преступность», «Советское государство и право» 1967 г. № 1, стр. 103.

граничивать и с точки зрения конкретного содержания социальной направленности их личности. Немалое значение имеет не только степень выраженности антисоциальной ориентации личности, но и прежде всего ее содержание, на что она направлена.

5. Социально-психологический механизм индивидуального поведения чрезвычайно сложен. Судить о мировоззрении человека, его морали и этических нормах вернее всего можно по совокупности жизненных проявлений всех его нравственно-психологических качеств не по слову, а по действию, по социальному поведению. «Человек может знать требования морали, но не принимать их, иметь знания, но не иметь убеждений; он может и знать их и принимать, но не следовать им. В соответствии между сочленами триединой формулы «знать — принять — следовать» и состоит трудность изучения духовной жизни...»¹.

Более того, возможна и такая ситуация, когда человек в своем поведении следует определенным нормам, правилам поведения, не представляя себе их содержания, не сознавая их, т. е. возможно «следование» нормам без «знания» о них. Большей частью это связано с соблюдением обычаев и традиций.

Если в значительной части «традиционные» формы культуры полезны, ценны для общества, то наряду с этим они могут включать в себя элементы пережиточного характера, косные навыки, обычаи, привычки, которые могут оказаться психологической основой и источником противоправного, социально опасного поведения (например, традиции, связанные с пьянством, сквернословием и т. п.).

Сила таких привычек обусловлена главным образом тем, что человек, следуя им, не задумывается об их существовании, а следовательно, с трудом может от них освободиться. Он принимает их «на веру», как «данное», как «само собой разумеющееся». А отсюда и относительная устойчивость таких «стереотипов поведения» (в том числе и нежелательных). «Привычное» поведение здесь тесно связано с представлением лица о должном, желаемом и правильном, с его точки зрения, о том, что от

¹ В. Ю. Арутюнян, Социальная структура сельского населения, «Вопросы философии» 1966 г. № 5, стр. 60.

него, по его мнению, ждут окружающие, что именно, по его мнению, они воспримут как правильное, должное и что — как неправильное, нарушающее существующие нормы поведения.

Несмотря на то что каждый преступник как личность своеобразен и характеризуется своими взглядами, ценностными ориентациями, интересами и психологическими особенностями, представляется возможным свести наиболее существенные общие черты к нескольким группам и рассматривать каждого преступника как представителя той или иной группы. В гл. II была дана базовая исходная типология, основанная на общей организации позиции личности. Теперь же, исходя из этой классификации и основываясь на проведенных исследованиях, мы выделяем и рассматриваем в дальнейшем три группы преступников: расхитители социалистической собственности; лица, совершающие насильственные преступления; несовершеннолетние преступники. Указанные группы, разумеется, не исчерпывают всех разновидностей преступников¹, но анализ этих групп позволяет понять как некоторые общие черты личности преступника, так и в особенности специфические черты, свойственные выделенным категориям, а в связи с этим определить типовые ориентиры для определения мер профилактического воздействия.

§ 2. Направленность личности расхитителей

1. Криминогенные нравственные качества и психологические особенности личности тех, кто совершает хищения социалистического имущества, прежде всего зависят от характера сложившихся у них потребностей и интересов, гипертрофированных или извращенных по сравнению с подавляющим большинством членов общества. Людей такого поведения объединяют жажда накопления, стяжательство, эгоизм, пренебрежение инте-

¹ Неоднозначны и критерии их выделения: первые две группы — по содержанию антисоциальной ориентации, третья группа — по взаимодействию этой ориентации и особенностей возрастной характеристики.

рессами общества. Эти черты стоят у них на первом месте, им подчинены все остальные мотивы жизни¹.

Так, по данным М. П. Казлаускаса, среди обследованной им группы лиц, осужденных за хищения в торговле, 22% вели разгульный образ жизни, пьянствовали, демонстрировали окружающим «широту натуры»; 20% приобретали различные дорогостоящие вещи домашнего обихода; 18% накапливали средства, приобретали незаконным путем валюту, золото, драгоценности и т. д.².

Для рассматриваемых преступлений характерно то, что удовлетворение подобных извращенных потребностей требует значительных материальных средств. Между тем важнейшим принципом социалистического общества является, как известно, удовлетворение потребностей каждого лишь на основе общественного труда в соответствии с его количеством и качеством. Наше общество, естественно, никому не обеспечивает возможности удовлетворять гипертрофированные, извращенные, порочные потребности. Расхититель же претендует на материальные блага в размерах, не соответствующих затраченному им общественно полезному труду. На данной основе и возникает конфликт между ним и обществом.

Таким образом, в нравственно-психологической характеристике лиц, совершающих корыстные преступления, общим является непризнание социалистического принципа распределения — основы развития нашего общества. Этот принцип, опирающийся на оценку полезности и значимости труда в конкретной исторической обстановке, определяет надлежащую жизненную ориентацию сознательного советского человека, вырабатывает у него правильное отношение к труду, необходимые трудовые навыки, формирует социально оправданные потребности, умение регулировать их в соответствии с теми материальными возможностями, которые общество обеспечивает своим членам. Как отмечают философы и психологи, отношение к труду принадлежит к наиболее существенным свойствам личности, служащим основанием для социальной классификации.

¹ Г. Л. Смирнов, Советский человек, стр. 284.

² См. М. П. Казлаускас, Предупреждение преступлений в торговле, автореферат канд. дисс. М., 1969, стр. 8.

Отрицание или непризнание принципа распределения по труду находится в непосредственной связи с отношением к общественным и личным интересам. У расхитителя оно выглядит однобоко — личные, эгоистические интересы превалируют, проявляются в стремлении урвать от общества побольше и дать ему поменьше¹.

Подобная нравственная позиция связана также с нигилистическим отношением расхитителей к нормам права, охраняющим социалистическую собственность. Имеются в виду нормативные акты, направленные на обеспечение учета социалистического имущества, контроля за его сохранностью, правильным расхождением, а также устанавливающие ответственность за посягательства на него. Причем, что касается неправильного отношения к уголовному закону, карающему за посягательства на социалистическую собственность, то оно определяется в основном неверием в неотвратимость его применения².

2. Рассматривая мотивы и цели преступного поведения лиц, совершающих хищения, мы встречаемся с различными конкретными интересами и устремлениями. При этом можно выделить три основные разновидности.

Прежде всего следует указать на стяжательство. Оно проявляется в стремлении к накоплению денег, ценностей, недвижимого имущества, к приобретению дорогих вещей, когда расхититель получает удовлетворение в самом процессе накопления или видит в вещах прежде всего не средство удовлетворения определенных потребностей, а материальные ценности как таковые, которые могут быть реализованы, превращены в деньги.

¹ В эксперименте У. С. Джекебаева, предложившего обследованным им лицам, осужденным за хищения, сделать выбор понравившейся типологической характеристики личности (из 5 вариантов), большинство выбрало тип «прожигателя жизни» или «накопителя». Из ответов опрошенных вырисовывалось и то, что более 70% из них не имели прочных дружеских или семейных связей (см. У. С. Джекебаев, О социально-психологических аспектах преступного поведения, Алма-Ата, 1971, стр. 71—72).

² Из числа осужденных за хищения, обследованных В. Г. Танасевичем, А. Д. Берензоном и А. П. Сыровым, 23% указали, что решение совершить преступление было связано с уверенностью в безнаказанности («Борьба с хищениями государственного и общественного имущества», стр. 22).

Другую значительную группу расхитителей составляют те, кто совершает хищения ради непосредственного удовлетворения непомерно разросшихся потребностей или таких социально-негативных потребностей, как систематическое пьянство, разгульная жизнь, возможность неограниченно расходовать деньги и т.п. У лиц этого типа, как и у ранее выделенного контингента, эгоистическая настроенность сочетается с ограниченностью жизненных ожиданий и целей, духовной скудостью.

У изученных лиц, совершающих хищения в особо крупных размерах, описываемые стремления зафиксированы реже, чем стяжательство, в то же время у лиц, посягающих на народное добро в меньших масштабах, — чаще, чем стяжательство.

Наконец следует сказать о лицах, совершающих хищения на почве использования противозаконных способов удовлетворения тех или иных реальных потребностей (преимущественно бытовых). Здесь нет ярко выраженной антиобщественной направленности. Вместе с тем отсутствуют и твердые правила поведения, прочие нравственные устои, проявляется идейно-психологическая слабость личности.

Цель, состоящая в удовлетворении противоправным способом бытовых и тому подобных потребностей, полностью отсутствует у лиц, совершающих хищения в особо крупных размерах. Относительно чаще эта цель свойственна тем, кто противоправно завладевает имуществом в небольших размерах.

Надо, однако, подчеркнуть, что, как показало специальное исследование Б. И. Пинхасовым данных о материальном положении группы лиц, совершивших хищения (заработок, его доля на одного члена семьи, вклады в сберкассах, наличие предметов домашнего обихода, структура расходов и т. д.), «материальные трудности не играют серьезной роли в формировании умысла»¹.

У лиц, совершающих хищения государственного иму-

¹ Б. И. Пинхасов, Проблемы борьбы с подлогом документов, автореферат докт. дисс., М., 1970, стр. 17. С этим выводом согласуются данные У. С. Джекебаева (см. указ. работа, стр. 101), в соответствии с которыми мотивация хищений, связанная со стечением личных неблагоприятных обстоятельств, констатируется только в 1—2,5% случаев. Сходны и данные наших выборов.

щества (в особенности путем присвоения или злоупотребления служебным положением), часто наблюдаются различия в отношении к социалистической собственности и чужому личному имуществу. Многие из них считают недопустимым хищение чужого личного имущества. Характерно в этом смысле высказывание Ж., осужденной за хищения государственного имущества на одном из заводов. На замечание следователя, что совершенные ею хищения ничем не отличаются от воровства, она ответила: «Что Вы! Я не воровка какая-нибудь. Я никогда в жизни ничего чужого из кармана или из квартиры не взяла бы»¹.

Различия в характеристике лиц, совершающих хищения социалистического имущества, идут и по линии отношения к способам осуществления корыстных преступных намерений.

Нередко лица, присваивающие вверенное им социалистическое имущество или неправомерно завладевающие им по поддельным документам, не считают возможным для себя похитить то же имущество путем кражи, ибо они относят себя к разряду «приличных людей». Не случайно подобные расхитители вместо слов «похитил», «присвоил», «украл» употребляют выражения «взял», «получил», «позаимствовал» и т. п.

На нравственную оценку преступником своего поведения влияет и характер совершаемых лично им преступных действий по противоправному завладению имуществом. Особенно это относится к соучастникам хищения, выполняющим вспомогательные действия. Так, некоторые соучастники хищений из числа рабочих-строителей, которые за счет применения завышенных расценок получали неположенные им деньги, часть которых передавали организатору хищений, заявляли: «Какое я хищение совершил? Мне прораб выписал за работу, я расписался в получении этих денег и ничего тайно не брал». Подобные рассуждения являются психологическим самооправданием совершенного преступления.

Описанная выше специфика направленности личности, нравственно-психологических свойств тех, кто совершает хищения социалистического имущества, позво-

¹ «Борьба с хищениями государственного и общественного имущества», стр. 16.

ляет выделить, несмотря на наличие индивидуальных вариаций, наиболее характерные типы этих преступников исходя из выраженности ориентации на совершение активных действий, направленных на достижение преступной цели. Таких групп можно назвать три¹.

К первой группе относятся преступники с ярко выраженной антиобщественной направленностью, с чрезвычайно развитыми индивидуалистическими наклонностями, безразличным отношением к общественным интересам. Они как активные приверженцы и разносчики частнособственнической психологии культивируют убежденность во всеилии денег, весьма активны в удовлетворении за счет общества своих непомерно разросшихся, нередко порочных потребностей. Конкретная жизненная ситуация практически не играет особой роли в совершении хищения, они сами создают предпосылки, необходимые для этого. На работу такие лица смотрят как на возможность заниматься преступной деятельностью или прикрывать ее. В соответствии с этим они и подбирают место работы, маскируя свои взгляды и жизненные идеалы.

К названной группе можно отнести следующие разновидности расхитителей:

а) расхититель-делец с активной установкой, направленной на хищения государственного и общественного имущества и неправомерное обогащение.

Хищения такое лицо совершает обычно в организованной группе, в которой играет одну из руководящих ролей. Являясь дельцом-коммерсантом, он чутко улавливает «рыночную конъюнктуру» и, не приемля социалистических основ хозяйствования, направляет свои организаторские способности на создание условий для хищений; сочетает это с обманом за счет изготовления недоброкачественной продукции. Действуя методами частного предпринимателя, насаждает взяточничество;

б) расхититель-рецидивист, превративший присвоение вверяемого ему государственного или общественного имущества в основной источник доходов. Он специально

¹ Предлагаемая классификация охватывает лишь основные, наиболее часто встречающиеся типы расхитителей. Она условна потому, что здесь дается характеристика наиболее типичных признаков; в жизни нередко преступник может обладать не только типичными для его группы признаками, но и другими, которые свойственны, как правило, другим типам расхитителей.

устраивается на работу, в связи с которой получает в свое распоряжение материальные ценности или деньги, присваивает их и скрывается. Обычно пользуется подложными документами. Использует в своих целях способствующие хищениям условия, связанные с неправильным подбором материально ответственных лиц, с беспечностью некоторых руководителей, недостаточной оперативностью правоохранительных органов.

в) расхититель-«жулик», преимущественно из числа торговых работников, жизненная ориентация которого выражается в паразитических наклонностях: стремится получить материальные блага в размерах, явно превышающих заработанное, для немедленного использования. Пренебрежительно относится к интересам отдельных граждан, которых повседневно обманывает, используя обсчет, недовес и т. п. Действует систематически, так что хищения превращаются в привычную деятельность.

В качестве иллюстрации данного типа расхитителя может служить А., осужденный за хищения в крупных размерах и взяточничество.

А., 1914 года рождения, с незаконченным высшим образованием, по профессии торговый работник, работал до осуждения директором магазина. Находясь под следствием, А. изложил некоторые свои жизненные «заповеди». Среди них: «Главное в жизни — деньги. Все остальное приложится к ним. Честность — донкихотство, она смешна. Когда ты ворует у покупателя, помни: с миру по нитке — голому рубашка. Нитка для каждого ерунда, а рубашка — это уже вещь. Никогда не называй воровство воровством. Для каждого случая воровства найди вполне приличный, а еще лучше — законный термин: «заработал» или в крайнем случае «имел». Не ищи безвозмездных услуг — их не бывает. В каждой услуге, оказанной тебе или тобой, ищи скрытый смысл: что ты или он могут с этого иметь?»

Разумеется, в этих высказываниях имелись известные элементы позерства, преувеличения. Однако подобные «правила» поведения действуют в неформальной среде описываемой категории преступников.

Речь идет о психологии опасного преступника, всемерно стремящегося заразить ею других неустойчивых членов общества. Понятно поэтому, какое значение в воспитательно-профилактическом аспекте имеет возможно более быстрое пресечение организованных хищений,

как и устранение самой возможности для них в конкретных условиях предприятия, организации и т. п.

Вторая группа расхитителей — промежуточная между первой и описываемой ниже группами. В нее входят преступники, нравственно-психологическая характеристика которых отличается определенной противоречивостью.

Эти люди систематически трудятся, иногда заслуживая похвалы за свой общественно полезный труд, к которому они относятся обычно добросовестно, видя в нем основной источник своего благополучия. Но в то же время в силу тех или иных причин у них развиваются порочные потребности, прежде всего такие, как пьянство, стремление к разгульной жизни, удовлетворение которых невозможно в пределах честных заработков. Не будучи достаточно нравственно стойкими, они не удерживаются от соблазна получить нужные им средства противоправными путями; особенно эти слабости личности проявляются в обстановке, облегчающей злоупотребления и хищения.

Вот некоторые разновидности описываемой группы:

а) преступник, у которого отсутствуют ярко выраженные антиобщественные устремления. К корыстным преступлениям его приводят нарушения, вначале незначительные, а потом перерастающие в злоупотребления. Нередко он пользуется репутацией хорошего работника, умеющего преодолевать трудности и способного помочь выйти из затруднительного положения. Падение его обычно начинается с нарушений законности, связанных с «подмасливанием», угощениями (обычно с выпивками) лиц, от которых зависит разрешение возникающих конкретных вопросов. В этой обстановке происходит потеря чувства долга, формирование безответственного отношения к государственному или общественному имуществу, складываются порочные наклонности, связанные прежде всего с пьянством;

б) участник организованной группы, игравший в ней по существу второстепенную роль, но занимающий определенное должностное положение, в связи с чем организаторам хищений необходимо его покровительство или хотя бы «благожелательный нейтралитет». Он используется организаторами хищений для прикрытия их преступной деятельности. Взгляды, жизненные идеалы его непрочны. Он потерял чувство долга и сознание обще-

ственных обязанностей, слабохарактерен, нестойк, оказывается не в состоянии противостоять соблазну в условиях ловких манипуляций жуликов, исподволь формирующих у него социально-негативные потребности, требующие материальных расходов, не соответствующих заработной плате. Приобщение к преступной деятельности обычно происходит постепенно в форме получения различных «подарков»;

в) второстепенный участник организованных хищений, втягиваемый в преступление на почве пьянства; он выступает в роли исполнителя отдельных преступных действий за мелкие подачки, расходуемые на выпивки. Часто это и подставное лицо: например, при хищениях в заготовительных организациях это мнимый сдатчик продукции, которому по квитанциям выплачиваются деньги. Его взгляды характеризуются безразличием к общественным интересам и готовностью совершить противозаконные действия ради получения денег на выпивку. Он неинициативен, слабохарактерен.

Для иллюстрации можно указать на личность осужденного О. — рабочего завода, которого в корыстные преступления вовлекла бухгалтер расчетной части М. Он на протяжении двух лет систематически получал незаконно начисленные М. деньги, из которых большую часть передавал ей, а остальные пропивал.

К моменту совершения преступления ему было 55 лет, образование он имел четырехклассное. Никаких интеллектуальных интересов у него не было. Любил поиграть в домино и выпить в компании приятелей. Объясняя, почему встал на путь хищений, сообщил, что муж М. часто угощал его и он чувствовал себя перед ним в долгу. Поэтому, когда М. предложила ему незаконно получать деньги, он «не мог отказать»;

г) лица, систематически занимающиеся мелкими кражами с производства.

Для этой разновидности расхитителей чаще характерна ярко выраженная частнособственническая психология. Основной круг интересов связан с личным хозяйством. На социалистическое имущество смотрят как на «казенное», чужое.

В целом эти лица характеризуются средней степенью выраженности и стойкости ориентации на хищения, они редко совершают активные действия по организации обстановки, благоприятствующей преступлениям.

Третья группа расхитителей посягает на социалистическое имущество главным образом в результате сложившейся ситуации, под влиянием момента.

Наряду с тем, что у лиц описываемого типа по существу нет более или менее стойкой антиобщественной ориентации, у них нет и твердых нравственно-моральных устоев. Решающую роль играет неспособность удержаться от соблазна использовать в личных целях имущество, находящееся в их распоряжении, либо имущество, которое «плохо лежит», если имеется возможность безнаказанно воспользоваться им. Духовный мир их беден. Жизненную ориентацию определяет стремление удовлетворять личные потребности.

§ 3. Направленность личности насильственных и корыстно-насильственных преступников

1. Характеристика лиц, совершающих насильственные преступления, складывается как из общих черт, присущих всем насильственным преступникам, так и из черт, составляющих специфику отдельных видов различных насильственных преступников (например, убийц, насильников, хулиганов).

Наиболее общими чертами этих преступников являются:

эгоизм, нередко переходящий в эгоцентризм, при котором все поведение лица подчиняется лишь его интересам, желаниям и влечениям;

тесно связанное с эгоизмом (а нередко и прямо им определяемое) пренебрежение к интересам и мнению других лиц, в том числе даже самых близких этому человеку людей;

отсутствие способности, а часто и желания поставить себя на место потерпевшего; отсюда — отсутствие чувства сострадания к потерпевшим, жестокость;

готовность к агрессивным посягательствам на личность других людей для реализации своих желаний.

Вполне очевидно, что не все перечисленные здесь черты встречаются у каждого из рассматриваемой категории преступников; в отдельных случаях возможно сочетание лишь части таких черт. Однако названные черты, во-первых, наиболее характерны именно для насильственных преступников, во-вторых, встречаются у боль-

шинства лиц, совершающих различные насильственные преступления, и, в-третьих, имеются у этих преступников чаще, чем другие. Причем объединяющим их личностную позицию являются именно «агрессивные виды поведения, связанные с эгоистическим трети́рованием принятых норм поведения, с уклонением от правил социалистического общежития»¹.

Как правило, совершение преступления и вызывается отсутствием критической оценки субъектом возникающих у него желаний, намечаемых способов их удовлетворения. Получается своего рода «короткое замыкание»: желание сразу же вызывает в представлении такого лица наиболее простой для него (преступный) способ его удовлетворения, а способ этот немедленно реализуется путем соответствующих насильственных действий. Наиболее характерно это для хулиганства; нередко это же наблюдается и при изнасиловании; наконец, подобный «механизм» действует и при совершении так называемых «бытовых» убийств.

Рассматриваемая группа преступников в значительной мере отличается примитивизмом потребностей, узостью интересов. Именно для них (в первую очередь для хулиганов, затем для убийц и несколько в меньшей степени для насильников) характерно полное отсутствие подлинно культурных интересов. Более чем для 70% этого контингента характерна устойчивая привычка к бесцельному времяпрепровождению.

С этим связана и привычка к пьянству, криминогенное значение которого особенно велико именно для насильственных преступников. Около 90% насильственных преступлений (хулиганство, убийство, изнасилование) совершаются в состоянии опьянения.

Зависимость между состоянием опьянения и совершением преступления здесь наиболее пряма и непосредственна. Поскольку именно среди носителей стойкой и выраженной антиобщественной направленности пьянство наиболее распространено, постольку круг становится порочным: такой преступник особенно часто пьянствует, а пьянство активно способствует совершению им новых преступлений.

¹ Г. Л. Смирнов, указ. работа, стр. 284.

Привычка рассматривать свои желания, чувства и потребности как единственно важные и значимые и игнорировать интересы и желания окружающих приводит к более или менее выраженной моральной нечувствительности, при которой стираются границы между представлениями о дозволенном и недозволенном.

Для лиц, совершающих насильственные преступления, характерна также позиция самооправдания, вытекающая из эгоистической ориентации и связанная с тенденцией обвинить потерпевшего в том, что он является главным виновником происшедшего. Почти половина совершивших преступления лиц, которые были опрошены В. С. Минской, заняли именно такую позицию¹.

Помимо этого, среди каждой из разновидностей насильственных преступников встречаются представители и другой, полярной по отношению к первой категории, у которых антиобщественная направленность носит поверхностный и временный характер. Решающим фактором совершения ими преступления оказывается ситуация, обычно явно неблагоприятная, например связанная с неправомерными действиями потерпевшего, либо более нейтральная, но все же оказывающая в той или иной степени провоцирующее воздействие на виновного.

2. Для обеспечения большей полноты анализа отдельных типов рассматриваемой категории преступников представляется необходимой их дополнительная дифференциация по таким признакам, как мотив и степень непосредственности реакции на конфликтную ситуацию (в отношении убийц), характер отношений с потерпевшей и наличие группы (в отношении насильников). Важность дополнительных признаков объясняется тем, что они имеют существенное значение лишь для определенной разновидности насильственных преступников, например мотив — для убийц, характер отношений с потерпевшей — для насильников и т. п., и почти не играют роли применительно к другой разновидности.

Совершение убийства по тому или иному мотиву во многом определяет и отнесение преступника к той или иной группе убийц. Мотив, таким образом, выступает здесь одним из основных критериев для классификации.

¹ См. «Вопросы борьбы с преступностью», вып. 16, М., 1972, стр. 15.

Другим критерием для классификации следует признать значительность конфликтной ситуации, явившейся условием и в то же время поводом совершения убийства. Этот фактор, имеющий, как известно, общее значение¹, особенно важен при анализе и оценке личности убийц: именно при совершении убийства конфликтная ситуация может приобретать и нередко приобретает решающий характер. В диспозициях ст. ст. 104 и 105 УК РСФСР, в частности, предусмотрены те особые случаи конфликтных ситуаций, когда действия преступника являлись реакцией на явно незаконные действия потерпевшего.

Еще один фактор, который следует иметь в виду при классификации лиц, совершивших убийство: это ситуационный или преднамеренный характер поведения виновного. Как правило, заранее возникшее намерение, если оно оказалось устойчивым, свидетельствует, разумеется при прочих равных условиях, о большой общественной опасности преступника.

Изучение личности осужденных за убийство убеждает в том, что по степени общественной опасности все они могут быть разбиты на три группы.

К группе наиболее опасных убийц (условно названных «злостными») относятся лица, уже ранее совершавшие преступления против личности или общественного порядка либо серьезные административные нарушения; склонные к тунеядству; систематически злоупотребляющие алкоголем; проявляющие жестокость и цинизм.

В отношении каждого из отнесенных к этой группе преступников можно с уверенностью сказать, что совершение убийства явилось для него проявлением устойчивой и отчетливо выраженной антиобщественной направленности. Надо отметить в этой связи, что, по данным различных выборок, от 10 до 30% лиц, совершивших убийства, находились к моменту преступления без определенных занятий.

В эту группу входит подавляющее большинство лиц, совершивших убийство при разбойном нападении или из хулиганских побуждений. Наряду с ними среди злостных оказывается и большинство лиц, совершивших с

¹ См. об этом В. Н. Кудрявцев, Причинность в криминологии, стр. 40.

заранее обдуманном умыслом убийство из мести или с целью скрыть другое преступление. В этой же группе оказываются многие из лиц, совершивших убийства в драке, ссоре, а также при других обстоятельствах, свидетельствующих об общей антиобщественной направленности личности.

Вторую, полярную первой, группу составляют так называемые «случайные» убийцы. К ним относятся лица, которые раньше, как правило, не проявляли существенных признаков антиобщественной направленности. Совершению убийства случайными преступниками способствует стечение неблагоприятных обстоятельств, создающих конфликтную ситуацию (неправомерное поведение потерпевшего, отрицательное влияние взрослого преступника на несовершеннолетнего, стечение тяжелых личных обстоятельств у детоубийц и т. д.). Эта ситуация сочетается с неумением лица находить оптимальный соответствующий требованиям нашего общества выход из нее¹.

Поэтому случайные преступники в большинстве своем сразу же после совершения преступления отрицательно оценивали содеянное ими, что выражалось в явке с повинной, в правдивом и полном признании своей виновности при первом же допросе и т. п.

Третью, промежуточную, группу составляют лица, не имеющие достаточно четких признаков злостного или случайного преступника или имеющие отдельные признаки обеих групп. По данным проведенных исследований, почти $\frac{2}{3}$ этой группы составляют лица, совершившие убийства в ссоре и драке, и несколько больше $\frac{1}{4}$ — совершившие менее тяжкие убийства (в состоянии аффекта; спровоцированные потерпевшим; детоубийства и т. п.).

3. В отношении насильников, равно как и других лиц, совершивших половые преступления, среди

¹ Такое «неумение» находить выход из затруднительной ситуации, по-видимому, обусловлено в значительной мере пониженным уровнем культурного развития (что чаще всего совпадает с пониженным образовательным уровнем) и недостаточным жизненным опытом субъекта (что обычно свойственно лицам более молодого возраста). Причем названные моменты, объясняющие совершение убийства «случайными» преступниками, вряд ли специфичны лишь для убийств; вероятнее всего, они характерны для любых «случайных» преступников. (Ред.).

советских криминологов 20—30-х годов нередко высказывалось (а среди буржуазных криминологов Запада часто высказывается и сейчас) мнение о том, что такие преступники отличаются особой биологической или биохимической (согласно «эндокринной теории») структурой, обуславливающей повышенную силу полового инстинкта, влечения.

В действительности данные судебно-психиатрических и судебно-медицинских экспертиз по конкретным делам показывают, что эти лица в своей массе вполне здоровые люди. Об этом же свидетельствует и то, что специальный рецидив по делам о половых преступлениях незначителен. Между тем если бы насильники отличались какими-нибудь прирожденными биохимическими или физическими особенностями, то очевидно, что ни осуждение их за совершенное ранее изнасилование, ни отбытие назначенного судом наказания не смогли бы устранить эти особенности.

Лишь отдельные лица, совершившие половые преступления, действительно проявляют признаки психопатии, явно гипертрофированно сосредоточивая свои интересы на половых переживаниях и ощущениях и нередко страдая на этой почве различными половыми извращениями. К подобным лицам наряду с мерами уголовно-правового характера целесообразно применять и медицинские меры.

Конечно, лицам, совершающим половые преступления, так же как и другим разновидностям преступников, свойствен комплекс специфических для них черт. Но речь идет о сдвигах и деформациях в нравственно-психологической характеристике, а не о природных особенностях. Наиболее типичны из этих черт следующие:

низкий образовательно-культурный уровень, примитивные интересы, среди которых особенно выделяется стремление к выпивке¹;

грубость, зачастую переходящая в жестокость;

цинизм, отсутствие чувства стыда, неуважение к людям, эгоизм, потребительское отношение к окружающим.

Перечисленные черты образуют первую группу ха-

¹ По данным различных выборок, 64—84% насильников были в момент преступления в состоянии опьянения (см. «Криминология», стр. 420).

ракторных особенностей насильников, которые в значительной степени роднят их с хулиганами.

Следующая группа черт, присущих насильникам:

крайний примитивизм во взглядах на взаимоотношения полов, сводящий их к физиологическому акту;

взгляд на женщину как на низшее существо, призванное служить мужчине орудием полового наслаждения;

разнузданность, не признающая никаких преград на пути к удовлетворению полового влечения;

моральная распущенность, которую некоторые из насильников, появившиеся под влиянием буржуазной пропаганды «сексуальной революции» и «сладкой жизни», даже расценивают как элемент «ультрасовременности».

Переходя к характеристике отдельных типов рассматриваемой категории преступников, можно выделить относительно более (а иногда и особо) опасных насильников-рецидивистов, у которых готовность к преступным посягательствам против женщин носит устойчивый характер, причем совершению ими новых преступлений активно содействует сознание своей безнаказанности. Последнее же обычно порождается отсутствием производства по факту предыдущего преступления (например, в связи с тем, что потерпевшая не заявила о случившемся).

Общественная опасность некоторых насильников определяется и степенью преднамеренности, обнаруживаемой при выборе места преступления, жертвы посягательства, средства преодоления сопротивления и т. д., степенью преступной решимости, жестокости и дерзости.

4. У лиц, совершающих грабежи, разбои и другие корыстно-насильственные преступления, наблюдается сочетание черт, присущих лицам, совершающим как корыстные, так и насильственные преступления. Вместе с тем лица, совершающие корыстно-насильственные преступления, также не представляют собой однородной массы. Криминологические исследования позволяют сделать вывод о наличии в их среде трех основных типов.

Прежде всего это лица, впервые осужденные за грабеж или разбой. Однако они значительно отличаются от так называемых «случайных», ситуативных преступников, совершающих «чисто» насильственные преступления. Это отличие заключается в том, что в подавляющем большинстве случаев указанные лица еще до совершения

грабежа или разбоя проявляли пренебрежительное отношение к установленному правопорядку, корыстные устремления, пренебрежение к личности другого человека.

Так, среди осужденных за грабеж и разбой в некоторых городах отрицательно характеризовались к моменту совершения преступления около 78% взрослых и 62% несовершеннолетних преступников. Они систематически пьянствовали, доставлялись в вытрезвитель, имели приводы в милицию, совершали мелкое хулиганство, грубо нарушали производственную (учебную) дисциплину, плохо вели себя в семье. Многие из них (40—45%) до совершения преступления подвергались мерам административного или общественного воздействия.

Таким образом, вначале аморальное поведение, потом административно наказуемое правонарушение (чаще всего мелкое хулиганство, мелкая кража) или даже преступление (хулиганство или кража) — такова довольно распространенная ситуация, характеризующая лиц, впервые совершающих грабежи и разбои.

Ко второму типу корыстно-насильственных преступников можно отнести лиц, неоднократно совершающих ограбления и разбойные нападения. Здесь также систематическое пьянство приводит к ослаблению социально полезных связей, мешает выполнять квалифицированную работу и т. д. Выпивки составляют для них основную потребность и форму времяпрепровождения.

Так, при обследовании осужденных за разбой оказалось, что у трети из каждых четырех обследованных мотивация была связана с состоянием опьянения либо со стремлением добыть деньги на выпивку¹.

Показателен также характер судимостей, имеющихся у рецидивистов, совершивших грабежи или разбои. В преобладающем большинстве случаев это судимости за кражи и хулиганство. Как правило, именно с этих преступлений начиналась «карьера» грабителей-рецидивистов. Именно в процессе их совершения у будущего грабителя формируется пренебрежительное отношение к чужому имуществу и к личности другого человека. Эти же

¹ См. Ю. Д. Б л у в ш т е й н, Теоретические вопросы статистического изучения личности преступника (по материалам уголовных дел о грабежах и разбойных нападениях), автореферат канд. дисс., М., 1968, стр. 16.

преступления в сочетании с грабежом и разбоем типичны для последующей преступной деятельности таких лиц.

Так, среди повторно судимых доля ранее осужденных за хулиганство составила 20%, среди судимых в третий раз — 28%, среди судимых в четвертый раз — 28%¹. Эти данные еще раз показывают значимость мер, принимаемых для борьбы с хулиганством, в системе мер предупреждения особо опасных преступлений.

Наконец, к третьему типу корыстно-насильственных преступников относятся злостные преступники-рецидивисты с ярко выраженной антиобщественной установкой, которые аккумулируют в себе самые отрицательные стороны воров-рецидивистов и злостных насильственных преступников. Эти лица составляют основной контингент лиц, признанных особо опасными рецидивистами.

Так, при выборочном обследовании оказалось, что уже при двух судимостях сочетание корыстных и насильственных преступлений составило 42% и превысило как сумму сочетаний только корыстных (19%), так и сумму сочетаний только насильственных (19%) преступлений. При трех и четырех судимостях сочетание корыстных и насильственных преступлений составило соответственно 41% и 44%, тогда как только корыстные преступления составили 18 и 19%, а только насильственные — 19 и 20%².

§ 4. Направленность личности несовершеннолетних, совершивших преступления

1. Описание и оценка демографических (в том числе образовательных) особенностей личности несовершеннолетних преступников имело задачу показать, с какими «узловыми пунктами» взаимодействия условий жизни и воспитания, с одной стороны, и личности подростка — с другой, связаны нарушения программы позитивного ее формирования, появление деформаций. Но такой подход,

¹ См. С. Степичев, Г. Моисеенко, Особо опасный рецидив в свете криминологического изучения рецидивистов, осужденных за грабеж и разбой, «Советская юстиция» 1968 г. № 1, стр. 19.

² См. И. М. Гальперин, Об уголовной ответственности рецидивистов в свете некоторых криминологических показателей эффективности борьбы с рецидивной преступностью, «Эффективность уголовно-правовых мер борьбы с преступностью», стр. 228.

дающий внешнюю характеристику личностных особенностей, необходимо требует — как и применительно к другим категориям преступников — сочетания с анализом криминогенных особенностей внутреннего мира личности несовершеннолетних, совершающих преступления: дефектов и искажений их нравственных качеств, потребностей и интересов, отношений и чувств, системы ценностей и т. д. Эти дефекты и искажения синтезируются в искажениях ориентации, направленности личности, в мотивации. Таким образом, и здесь надо проследить всю развернутую во внешний мир «интраиндивидуальную структуру: потребность — интерес — ориентация — направленность»¹. Надо выяснить, чем отличается каждое звено этой системы у подростков, совершающих преступления, от подавляющей массы их сверстников и соответственно — на устранение каких именно дефектов личности должна быть направлена работа по ее коррекции. Иначе, как будет показано на примере работы по организации досуга «трудных» подростков и правонарушителей, принимаемые меры могут оказаться не соответствующими характеру искажений и поэтому малоэффективными.

Нельзя согласиться с характеристиками психологической основы антиобщественного поведения несовершеннолетних, в которых в качестве равнозначных перечисляются «превалирование процесса возбуждения над торможением, явное безволие и пассивность, отсутствие единства слов и дела, частнособственнические проявления, отрицательные навыки отношений с людьми»². Нетрудно заметить, что в этом общем перечне рядоположены эмоционально-волевые черты личности, «отношенческие» и нравственно-ориентационные.

В действительности качества личности (в том числе отрицательные качества и привычки) возникают в ответ на одну или другую потребность и закрепляются в процессе поведения, связанные с этой потребностью. Причем, возникнув и закрепившись, они обретают свои мес-

¹ Г. Л. Смирнов, указ. работа, стр. 52.

² В. Т. Лашко, Индивидуализация исполнения наказания — важное условие борьбы с рецидивной преступностью, «Вопросы предупреждения преступности», вып. 3, М., 1966, стр. 20—21. Причем, по мнению В. Т. Лашко, «плохие привычки» чаще имеют место у холериков и сангвиников.

та в управлении поведением и их система представляет иерархию взаимодействия, а не рядоположенность. Важно в этой связи характеризовать личность подростка не только «вообще», но и применительно к сферам социального функционирования. То обстоятельство, что несовершеннолетние находятся в периоде интенсивного развития личности, еще больше усиливает значимость такого подхода, позволяющего выделить ведущие для данной личности, данного типа отношения и, кроме того, не «упустить» существенные элементы картины личности. Ведь потребность — это всегда потребность в чем-то, что относится к определенной сфере жизнедеятельности, «непосредственный интерес — это интерес к самому процессу деятельности (определенной. — Г. М.)... опосредованный интерес — это интерес к результатам деятельности»¹.

Вот почему дальнейшее изложение ведется применительно к двум сферам, замыкающим на себе криминогенно значимые особенности потребностей, интересов, мотивов и ориентаций, — сфере ведущей деятельности и сфере быта и досуга². По существу этот подход в значительной мере применялся и при анализе особенностей личности ранее рассмотренных типов преступников (см. § 2—3).

2. По данным ряда исследователей большая часть несовершеннолетних преступников характеризуется несдержанностью, грубостью. Совершенно иные результаты опубликованы К. Е. Игошевым, по данным которого несдержанность (невыдержанность) констатируется лишь у 12—32% обследованных им осужденных, смотря по виду преступления³. По данным С. С. Остроумова и В. Е. Чугунова, соответствующая доля также оказалась

¹ А. Г. Ковалев, Психология личности, М., 1970, стр. 143—144.

² Быт — это обусловленный социально-экономическими отношениями и уровнем развития материально-технической базы общества уклад повседневной непродуцированной жизни людей. Он непосредственно выражает способы и формы удовлетворения их материальных и культурных потребностей (см. В. И. Синицын, Формирование коммунистического быта, «Коммунист», 1963 г. № 11, стр. 67).

³ См. К. Е. Игошев, Опыт социально-психологического анализа личности — несовершеннолетних правонарушителей, М., 1967, стр. 74.

невелика и составила около 14%¹. Причина столь серьезного расхождения состоит, по нашему мнению, в следующем. К. Е. Игошев, С. С. Остроумов и В. Е. Чугунов изучали лиц, находившихся в воспитательно-трудовых колониях, причем опираясь на мнение лиц, осуществлявших их перевоспитание. Иными словами, соответствующая часть характера «фотографировалась» не на момент преступления, а на момент отбытия наказания. Между тем в условиях режима исправительно-трудового учреждения именно рассматриваемая черта характера (или по крайней мере ее внешние проявления) подавляется весьма быстро.

Криминогенные особенности личности подростка нельзя интерпретировать как «отставание» несовершеннолетних преступников от сверстников по развитию. Применительно к культурно-образовательному уровню эта терминология еще приемлема. В целом же речь должна идти не столько об отставании в нравственно-психологическом развитии (инфантильности), сколько о его деформации.

Самая пробельность потребностей, интересов, взглядов, если иметь в виду их социально-позитивное содержание, не остается в чистом виде. Пробелы замещаются потребностями, интересами, взглядами социально-негативного содержания. Они могут относиться к иной сфере, иметь иной уровень, чем в социально-позитивном нормотипе (например, ведущая роль потребностей и интересов учебно-трудовой деятельности может быть замещена ведущей ролью потребностей и интересов праздного времяпрепровождения).

Представляется, что искажения, характерные для личности подростков, совершающих преступления, охватывают круг социально-значимых потребностей и интересов, соотношение их отдельных элементов (гипертрофия одних, «угнетение» других), содержание потребностей и интересов, способы их удовлетворения. Искажения проявляются через мотивацию как по-разному — на уровне отдельных потребностей и интересов, так и в совокупности — на уровне ориентации, направленности личности. Не вполне точно утверждение У. С. Джекебаева об «извращенном» характере некоторых потребностей преступников и «бедности» круга пот-

¹ См. «Советское государство и право» 1965 г. № 9, стр. 93.

ребностей и интересов¹: извращенный характер может быть свойствен и их интересам.

3. Понятие ведущей деятельности подросткового возраста, как и любого другого социально-возрастного периода развития и функционирования личности, предполагает не просто деятельность, которой подросток отдает больше всего времени, но и то, что внутри или на основе этой деятельности происходят основные, «главнейшие» изменения личности². Несомненно, что это понятие в психологической формулировке несет социально-психологическое и социологическое содержание, интерпретируя основу типологии социалистической личности, основу интеграции интересов людей, сложившегося социально-политического и идейного единства общества. Эта основа — участие в общественно полезном труде и его характер.

У несовершеннолетних отношение к общественно полезному труду принимает форму отношения прежде всего к деятельности учащегося. В свою очередь здесь выделяются компоненты: отношение к учебному труду, к труду в учебных мастерских, шефскому труду³, самообслуживанию, к общественной работе. Это не «репетиция» будущей взрослой жизни, а подготовка к ней, процесс социального самоутверждения. Причем важно исследование действительных ценностных предпочтений, а не только фиксация вербальной информации о них.

Надо отметить, что при анализе тесноты межличностных отношений среди участников преступных групп несовершеннолетних наибольшая близость позиции обследованных была выявлена именно в отрицательном отношении к труду и общественной работе. По существу фиксируется большая или меньшая степень «отключения» конкретного случая от нормальных процессов формирования личности в нашем обществе и соответственно «переключения» его на социально-негативные процессы.

Отсутствие интереса к учебе — одна из ха-

¹ У. С. Джекебаев, указ. работа, стр. 67. Вместе с тем подход У. С. Джекебаева к выделению вариантов личностных сдвигов у преступников представляется правильным.

² См. А. Н. Леонтьев, Проблемы развития психики, М., 1970, стр. 217.

³ Для работающих подростков — соответственно к труду производственному.

рактрных особенностей этого контингента. Будучи связанным с отмеченной особенностью социально-демографической характеристики несовершеннолетних преступников — преобладанием в их составе второгодников и отсеявшихся из школ, этот момент существенно довлечет над всей сферой потребностей, интересов, отношений большинства несовершеннолетних преступников¹. Так, по данным, полученным И. М. Друкаревым, плохо учились более 70% подростков, совершивших преступления, и только 10% подростков, их не совершивших (7:1), прогуливали занятия — соответственно 80 и 14% (5:1). По данным Л. М. Зюбина, активными в учебе явились только 6% несовершеннолетних правонарушителей, добросовестными — 14%, любознательными — 18%².

Приведенные и другие данные дают основание для вывода о том, что по крайней мере $\frac{2}{3}$ несовершеннолетних преступников не проявляли интереса к учебе. Причем, как подчеркивали еще исследователи 20-х годов, дело здесь не в умственном развитии таких детей, а в невоспитанности у них должного отношения к знаниям³.

Характерно, что рецидивисты еще меньше проявляли интереса к учебе и еще раньше вышли из-под воспитательного воздействия школы, чем подростки, судимые впервые.

Таким образом, констатируется резкое отличие потребностей, интересов, отношений в сфере учебной деятельности у исследуемого контингента и у подавляющего большинства их сверстников, которые «в социалистичес-

¹ Конечно, вывод об отсутствии интереса к учебе как характерной черте подростков, вставших на путь правонарушений, будет справедливым в отношении не всех без исключений конкретных случаев. Поэтому, когда М. А. Алемаскин говорит о «потере позиции школьника» как о единственном варианте психологической характеристики несовершеннолетнего правонарушителя («Психологическая характеристика личности несовершеннолетних правонарушителей», автореферат канд. дисс., М., 1968, стр. 13), он допускает некоторое преувеличение. Этот вариант типичный, но не единственно возможный.

² «Вопросы изучения и предупреждения правонарушений несовершеннолетних правонарушителей», ч. 1, стр. 50; «Вопросы эффективности уголовно-правовых мер воздействия на несовершеннолетних правонарушителей», Рига, 1971, стр. 210.

³ См. П. И. Люблинский, Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте, М., 1923, стр. 75.

ком обществе в большой своей массе испытывают интерес к созидательному труду, к творчеству в области науки, искусства, техническому творчеству»¹. Причем по мере укоренения утраты интереса к учебе как черты личности этот фактор начинает оказывать все большее влияние по принципу обратной связи на избирательность и характер действий несовершеннолетнего. В частности, проведенное Г. Ф. Павлюк (Тагаирог) изучение группы несовершеннолетних правонарушителей показало, что у них в 3 раза чаще, чем у школьников контрольной группы, встречается такая форма педагогической запущенности, как отсутствие стремления (нежелание) заняться сосредоточенной работой².

В конечном счете учебный коллектив вообще теряет (при отсутствии противодействия этому процессу) для большинства таких подростков интерес и авторитет. По данным В. Ф. Трегубова, семь из каждых десяти несовершеннолетних преступников из среды учащихся фактически утратили к моменту преступления «сдержки», связанные с заботой о чести коллектива, об общественном мнении коллектива и т. д., т. е. фактически поставили себя вне этого коллектива³.

4. Аналогичные сдвиги наблюдаются у несовершеннолетних преступников из числа работавших подростков, причем само трудоустройство на работу воспринималось ими чаще всего как способ реализовать нежелание учиться.

У несовершеннолетних преступников в большинстве случаев профессионально-трудовые интересы не развиты или развиты явно недостаточно; жизненные планы, связанные с работой, рассчитаны лишь на ближайшую перспективу, не имеют глубокого обоснования (называется профессия по внешним или второстепенным признакам).

¹ А. Г. Ковалев, Психологические основы исправления правонарушителя, стр. 58—61.

² См. Г. Ф. Павлюк, О социальных последствиях лени школьников, «Вопросы изучения и предупреждения правонарушений несовершеннолетних», ч. 1, стр. 75—78.

³ См. В. Ф. Трегубов, Проблемы развития и совершенствования советской системы социальных и педагогических мер ранней профилактики правонарушений несовершеннолетних, автореферат канд. дисс., Киев, 1972, стр. 18.

Соответственно проявляются и сдвиги дисциплинированности, ответственности, отношения к трудовому коллективу. Из работавших подростков, совершивших преступление, $\frac{4}{5}$ имели к этому моменту, по данным различных выборок, стаж работы до 1 года, а $\frac{1}{2}$ — до 6 месяцев. Вместе с тем от двух до четырех из каждых пяти успели уже сменить место работы, имели взыскания. Доля не выполнявших норму среди этого контингента в 2 раза больше, чем среди контрольной группы¹. Со сказанным увязываются и данные о значительности доли среди совершивших преступления подростков, которые не учились и не работали.

5. Лишь очень небольшая доля подростков-правонарушителей проявляла интерес к общественной работе и фактически участвовала в ней (в 20—30 раз реже, нежели в контрольной группе)².

Существенно снижен у подростков, совершающих преступления, и интерес к информации общественно-политического характера. Результаты различных выборок показывают, что только 5—6% из их числа систематически читали в газетах статьи на политические темы; только 15% регулярно слушали передачи последних известий по радио³.

Таким образом, столь важный для правильного формирования личности компонент ведущей деятельности, каким является упражнение и развитие интересов в общественно-политической сфере, подвергается применительно к исследуемому контингенту существенному искажению и ослаблению. Интересы правонарушителей переключены в другие сферы, т. е. происходит смещение самой сферы ведущей деятельности. Место несформировавшихся или утраченных потребностей и интересов в учебной и производственной деятельности, общественной работе занимают квазипотребности и интересы сферы досуга, сама система оценок и предпочтений все больше переориентируется на эту сферу⁴.

¹ Если в контрольной группе невыполнение нормы связано прежде всего с неопытностью, то здесь существенное место приобретает недобросовестность.

² См. «Криминология», стр. 350.

³ См. «Вопросы изучения и предупреждения правонарушений несовершеннолетних», ч. 1, стр. 128.

⁴ Опросы подростков, совершивших преступления, неизменно указывают на то, что желания большинства из них сосредоточива-

Фиксируется и гипертрофирование отдельных потребностей и интересов, погоня за информацией, наиболее значимой для данной микросреды, и т. д. В то же время представляется неточным мнение, будто значительная часть несовершеннолетних правонарушителей не имеет сформировавшихся интересов вообще¹.

Понятие интереса (как и потребности, ценности) нельзя подменять более ограниченным понятием позитивно направленного интереса. Личность может характеризоваться не только социально-позитивными, но и социально-негативными интересами (потребностями, ценностями). Причем в отличие от нормальных потребностей развитие здесь часто идет как бы в обратном направлении: фактическое времяпрепровождение формирует интерес, он закрепляется в привычке, а последняя ведет к социально-негативной потребности. Соответственно искаженному развитию потребностей развиваются и привычки к общественно опасным, противоправным способам их удовлетворения.

Наличие сравнительно выраженных социально-негативных потребностей и интересов: к употреблению алкоголя, бесцельному «шатанию» по улицам и т. п. — констатируется, по данным различных исследований, не менее чем у $\frac{2}{3}$ контингента подростков, совершающих преступления и иные правонарушения. Отмечается также общее ограничение круга потребностей и интересов, «примитивизация» многих из них в процессе усвоения и упражнения тех, которые пользуются высокой оценкой в соответствующей микросреде: азартные игры, выпивки, демонстрация пренебрежения к нормам общественного поведения, культивирование вражды с определенной группой подростков и т. д. Отсюда следует один существенный практический вывод. Рекомендации решить проблему борьбы с правонарушениями несовершеннолетних путем количественного расширения мероприятий по организации досуга «трудных» подростков по меньшей мере неточны, так как у значительной

лись на модной одежде, посещении ресторанов, покупке мотоцикла и автомашины, поездке на модный курорт и т. д. без осмысливания необходимости трудиться для приобретения жизненных благ и того, что эти блага не сводятся к перечисленным выше атрибутам «красивой жизни».

¹ См. К. Е. Игошев, указ. работа, стр. 67.

части таких подростков отсутствует интерес к предлагаемым им формам культурного досуга. Поэтому организация досуга таких подростков должна рассматриваться лишь как составная часть гораздо более сложной задачи: коррекции системы их потребностей и интересов.

Показательно с этой точки зрения «интервью», взятое у обвиняемого Г.

— Как проводил свободное время, чем увлекался?

— Гулял.

— Ну, а кроме этого?

— Что же кроме?

— Может быть, читал?

— Нет. Когда читать-то? После работы сразу идешь гулять.

— И не хотелось почитать?

— А чего там интересного?

— Спортом увлекался?

— Нет. Некогда было.

— В походы с туристами ходил?

— Что я не видел в этих походах?

— Так скучно же изо дня в день гулять да гулять.

— Что вы! Мы по городу ходим. Совсем не скучно¹.

Таким образом, определенному времяпрепровождению сопутствует и определенный круг интересов. Другое дело, что интересы подростков, совершивших преступления, отличались духовной, интеллектуальной бедностью, но они реально существовали.

6. Существенному искажению подвергаются, в частности, культурно-эстетические интересы. Нельзя согласиться с мнением, будто эстетические интересы несовершеннолетних правонарушителей ограничиваются в большинстве случаев интересом к художественной литературе². Эстетические интересы правонарушителей деформированы, искажены, но они многосторонни, а вывод о степени литературных интересов рассматриваемого контингента фактически не обоснован. Эти интересы у подобных подростков обнаруживаются как раз не в большинстве, а в меньшинстве случаев. И самый анализ содержания этих интересов позволяет констати-

¹ «Ленинское знамя» 7 сентября 1968 г.

² См. К. Е. Игошев, указ. работа, стр. 67.

ровать, что естественная для подросткового возраста тяга к остросюжетной литературе у «читающей» части рассматриваемого контингента явно гипертрофируется, содержание книги воспринимается под специфическим углом зрения: фрагментарно, причем с особым сочувствием действиям или «несчастной судьбе» преступников (поиск самооправдания)¹.

Обобщение уже полученных результатов позволяет сделать вывод, что:

а) круг источников (каналов), фактически используемых подростками, совершившими преступления, для получения культурной информации, существенно сужен по сравнению с контрольной группой;

б) некоторые источники используются не в соответствии с действительным объемом и направленностью содержащейся информации;

в) существенно искажена и их ранжировка по значимости для подростка.

Характерен в этой связи подход подростков-правонарушителей к оценке кинофильмов: они предпочитают фильмы, насыщенные сценами драк, стрельбы, постельными сценами и т. д., безотносительно к их художественной и социальной ценности; отрицательно относятся к «интеллектуальным фильмам» с большой речевой нагрузкой; часто не могут изложить сюжет фильма в целом, сосредоточивая внимание лишь на отдельных сценах, и т. д.

Сходная картина обнаруживается и применительно

¹ Представляется, что публикация данных, в соответствии с которыми большая часть подростков, совершивших преступления, «любят читать», связана с ошибкой двойного рода: а) не вводится количественный критерий (больше 3—4 книг в месяц или меньше); б) от опрашиваемых подчас требуют лишь оценочного ответа (люблю, не люблю читать), и перед ними не ставятся конкретные вопросы (перечислить авторов и названия книг, которые прочел в определенный период, сказать, какие книги определенного писателя знает помимо предусмотренных школьной программой, и т. д.). Между тем без соблюдения указанных условий доля положительных ответов будет, как показал осуществленный нами эксперимент, существенно завышенной. В частности, оказалось, что, помня отдельных авторов и их произведения из школьной программы, подростки называют их при беседах и в анкетах в качестве «любимых» (что вводит подчас в заблуждение). Иными словами, здесь демонстрируется не наличие дополнительного канала культурной информации, но лишь «остатки» школьных знаний.

к отбору подростками-правонарушителями информации, содержащейся в радио- и телевизионных передачах и в периодической печати. По исследованиям Б. И. Дуковича, радиопередачи слушали 86% обследованного им контингента, однако почти исключительно джазовую музыку (обнаруживая хорошее знание последних зарубежных мод в этой области, включая смену «кумиров» из числа певцов и музыкантов). Что касается телевидения, то, по его данным, спортивные передачи регулярно смотрели 58% обследованного контингента, передачи кинофильмов — 77%, а спектакли только 14%, специальные передачи для молодежи — тоже 14%¹. Таким образом, и здесь последовательно выражается отношение к средствам массовой информации как к средствам развлечения, заполнения свободного времени, а не приобретения общеобразовательных, профессионально значимых, культурно-эстетических знаний.

Не представляется возможным разделить утверждения некоторых публицистов о существенном значении детективных фильмов и «вестернов» как непосредственных поводов для совершения подростками преступлений в подражание героям фильмов. Таких случаев относительно немного. Гораздо чаще оценка подростком фильма производна от уже сложившейся в той или иной степени направленности личности; с другой стороны, такая избирательность в свою очередь способствует дальнейшему упрочению направленности, созданию стереотипа отношения к кино. Дело, следовательно, не в «шоковом» влиянии отдельных боевиков, а в воздействии системы фильмов (относительно не только детективных), «отбираемых» подростком и способствующих ускорению и развитию у него представлений о допустимости и обыденности в человеческих отношениях грубости, жестокости, насилия, пьянства и т. д.

Все сказанное диктует необходимость более широкого и детального изучения вопроса о влиянии кино на преступность несовершеннолетних и разработки профилактических мер, связанных с совершенствованием: а) контроля за кинорепертуаром (с учетом всех аспектов возможного негативного воздействия фильмов на

¹ См. «Вопросы изучения и предупреждения правонарушений несовершеннолетних», ч. 1, стр. 128.

формирован
дание прав
тельной ра
подростков
чуждых фи
кими кри
выпуска и
щих лично
гических
среди род
проката.

Этот во
более общ
и анализ
культуре,
продукции
тей, с тем
тельных в
систему п

Полная
сфере вос
эффективн
«просвеще
изнутри...

Говоря
них право
ную распр
зурного с
на преобл
песен.

Здесь
песен и ст
совершени
держание
романсы,
жания)².

¹ В. П.

² Интер
териалах с
поведением
читающих
вып. 10

формирование личности подростков, а не только на создание прямого повода для преступления); б) разъяснительной работы, имеющей целью повысить критичность подростков в отношении малохудожественных и идейно чуждых фильмов, вооружить их идейными и эстетическими критериями в этой области; в) мер по расширению выпуска и демонстрации фильмов, позитивно формирующих личность подростка с учетом возрастных психологических особенностей; г) педагогической пропаганды среди родителей, работников школы, киностудий и кинопроката.

Этот вопрос в свою очередь представляется частью более общего вопроса: о необходимости развития специализированной системы приобщения молодежи к культуре, производящей и распространяющей «духовную продукцию» с учетом социально-возрастных особенностей, с тем чтобы помимо пресечения каналов нежелательных влияний противопоставить им более мощную систему позитивных культурно-эстетических эталонов.

Полная реализация достигнутого уровня культуры в сфере воспитания подрастающего поколения — одно из эффективнейших направлений ранней профилактики, ибо «просвещение, духовное развитие ограждает человека изнутри... вызывает отвращение к грязи и варварству»¹.

Говоря об эстетических интересах несовершеннолетних правонарушителей, нельзя не указать на относительную распространенность в их среде «фольклора» нецензурного содержания, порнографических изображений и на преобладание в песенном репертуаре «блатных» песен.

Здесь же следует сказать о рукописных сборниках песен и стихов, ходящих по рукам в микрогруппах несовершеннолетних с отклоняющимся поведением (их содержание включает в основном мещанские, «жестокие» романсы, «блатную» лирику, стихи нецензурного содержания)². Наконец, существенную роль в передаче сурро-

¹ В. П. Тугаринов, Ценности личные и общественные, «Советская педагогика» 1967 г. № 4, стр. 34.

² Интересное исследование содержания этих сборников (на материалах специальной школы-интерната для девочек с аморальным поведением) провела Е. И. Дранищева (см. ее статью «Особливості читачьких інтересів важко виховуваних дівчат», «Психологія», вып. 10, Київ, 1971, стр. 114—115).

гательной «культурной» информации играет личное общение, подражание крайностям молодежной моды, жаргону и т. п.

Сказанное об источниках получения подростками с отклоняющимся поведением отрицательно влияющей информации необходимо учитывать при выборе конкретных направлений ранней профилактики на этом участке.

7. В личности позитивно ориентированных несовершеннолетних большое место занимают творческие интересы, удовлетворяемые в кружковой и клубной работе. «Кружки, правильно поставленные, помогают дифференциации детских интересов, углублению их и могут весьма и весьма сильно облегчить для подростка проблему выбора профессии»¹. Между тем от 83 до 93% обследованных подростков, совершивших преступления, не участвовали ни в клубной, ни в кружковой работе (такое участие в этом контингенте констатируется в 3-4 раза реже, нежели в контрольной группе)².

Специфический характер носят спортивные интересы несовершеннолетних правонарушителей. В криминологии сравнительно широко представлена точка зрения о значительном распространении интереса к спорту в среде подростков, совершающих преступления. Это не вполне точно: соответствующий показатель для исследуемого контингента все же гораздо ниже, чем для контрольной группы³.

Не менее существенно то, что подростки-правонарушители относятся к занятиям спортом иначе, чем спортсмены из числа несовершеннолетних, не допускающих каких-либо нарушений. Для вторых занятия спортом — это в подавляющем большинстве случаев дело, требующее подчинения дисциплине, режиму, ответственности перед коллективом, и в то же время лишь элемент в системе многообразных интересов. Для первых — это обычно лишь род развлечения, дело, не требующее каких-либо самоограничений⁴.

¹ Н. К. Крупская, Педагогические сочинения, т. 4, М., 1959, стр. 108.

² См. «Криминология», стр. 350.

³ См. «Вопросы изучения и предупреждения правонарушений несовершеннолетних», ч. 1, стр. 128.

⁴ Во многих случаях подростки-правонарушители предпочитают действительным занятиям спортом разговоры о нем. Поэтому и здесь

8. Все сказанное обуславливает необходимость сочетать культурно-воспитательную работу с обеспечением внешнего контроля за поведением «трудных» подростков, особенно в вечернее время, с использованием для обходов и патрулирования мест, где они собираются, родительского и комсомольского актива¹. Необходимо далее выявлять и пресекать конкретные источники отрицательных влияний на подростков по месту жительства.

Для того чтобы привить «трудному» подростку, правонарушителю, а тем более уже совершившему преступление привычку к культурным формам досуга, необходимо не только вовлекать подростков в экскурсии и кружки, но и использовать их для корректировки интересов и привычек. Такие формы досуга должны быть не простым заполнением свободного времени подростков, а занятием их ума. Соответственно надо подходить к организации занятий, их содержанию, выработке системы требований к кружковцам. На первый план выступает изучение подлинных интересов конкретного подростка².

Практика свидетельствует, что применительно к «трудным» подросткам максимальный эффект дает использование оборонно-спортивных форм организации досуга, которые отвечают их тяге к «взрослости», демонстрации смелости, выносливости и т. п. Занятия автомобилем отвечают сложившейся у многих из таких подростков профессиональной ориентации (высокий престиж профессии шофера). В то же время использование указанных форм организации досуга позволяет осуществлять интенсивный контроль внешнего вида и поведения подростка без риска озлобить или оттолкнуть его³.

нельзя основывать выводы только на результатах опросов, тем более ограниченных правильными вопросами типа «любишь ли спорт?».

¹ Интенсивность такого контроля должна усиливаться по пятницам и субботам, так как на эти два дня приходится почти половина правонарушений подростков.

² Отказ от приема в кружки и секции неуспевающих учащихся, конечно, нецелесообразен. Вместе с тем, после того как интерес к занятиям упрочится, вполне целесообразна постановка условия, например, в определенный срок улучшить успеваемость.

³ Другая линия, возможности которой, к сожалению, недооцениваются, — вовлечение в мероприятия по охране природы. Различные выборки показывают, что почти половина «трудных» подростков

9. Анализ особенностей в эмоционально-волевой сфере идет в соответствии с общей концептуальной схемой о криминогенности не общевозрастных черт, а именно их сдвигов, деформаций¹. Не обоснованы теоретически и не подтверждаются практикой взгляды относительно «аффективной напряженности» обычной жизнедеятельности подростков (учебной, производственной).

Тем более неверным представляется некритическое и без каких-либо оговорок использование некоторыми авторами терминов и понятий современной западной криминологии относительно «стихийного бунтарства», «агрессивности на почве бессилия», «тесной связи агрессивных устремлений личности с сексуальной и сексуально-патологической сферой» и т. п.². Разумеется, эти высказывания никакого фактического обоснования не имеют. Эмоциональные особенности несовершеннолетних правонарушителей являются результатом деформации личности конкретного подростка и могут быть определены как морально-эмоциональная невоспитанность³.

Такие черты, как «озлобленность, конфликтность, агрессивность» (Е. А. Кульчицкая), характерны не для подростков в целом, а именно для правонарушителей⁴.

проявляют тягу и интерес к природе, животным. Использование этого момента может явиться, в частности, отправным пунктом для развития чувства ответственности за порученное дело, ощущения общественной полезности для искоренения проявлений бездумной жестокости.

¹ Особенности структуры этих черт личности подростков, совершивших преступления, рассматриваются в соответствии со схемой, приведенной в книге А. Г. Ковалева «Психологические основы исправления правонарушителя», М., 1968, стр. 75.

² См. М. И. Туровская, Преступления века и «массовая цивилизация», «Новый мир» 1968 г. № 7, стр. 221, 227.

³ Психологический «механизм» формирования этих черт, как и других личностных деформаций подростков, совершивших преступления, чаще всего связан с ошибками в воспитании (см. также В. П. Тугаринов, Личность и общество, М., 1965, стр. 52—53).

⁴ См. «Вопросы изучения и предупреждения правонарушений несовершеннолетних», ч. 1, стр. 112.

Аналогичны высказывания других авторов. В частности, как отмечает И. А. Невский, у подростков-правонарушителей чувства гуманности, любви к родителям, близким, уважения к взрослым, учителям, сверстникам не развиты либо извращены. Некоторые откровенно жестоки, проявляют зависть, жадность, агрессивность, драчливость (см. «Дети с отклонениями в поведении», М., 1967, стр. 66). Л. Г. Сагатовская отмечает, что у правонарушителей уважение к людям не развито, они жестоки к сверстникам и младшим

В частности, по данным М. А. Алемаскина, в среде обследованных им правонарушителей 52% отличались систематическим стремлением к избиению сверстников и младших детей (в контрольной группе постоянная драчливость отмечена лишь у 12%)¹.

У подростков, совершивших преступления, исследователи отмечают сдвиги и в области эмоциональной воспитанности. Несдержанность, вспыльчивость являются общими характерными чертами этих детей (по крайней мере в 70—80% случаев) наряду с легкомыслием, неустойчивостью, неадекватностью многих реакций на внешнюю ситуацию².

Характерная черта эмоционально-волевой сферы подростков-правонарушителей — ослабление чувства стыда, представляющего в норме один из существенных элементов регулирования поведения на рассматриваемом уровне. Исследования показали, что большинство правонарушителей испытывали стыд редко и перед небольшим числом людей (в среднем они называли только 3—4 человек). Школьники контрольной группы, напротив, приводят большое число людей, перед которыми они испытывают стыд³.

10. Что касается волевых черт подростков, совершающих преступления, то данные, собранные различными исследователями, во многом еще противоречивы⁴.

(«Вопросы предупреждения преступности», вып. 4, М., 1966, стр. 144—146). По словам С. В. Кербикова, «стандарты трудного поведения однообразны: грубость, лживость, драчливость» («Дети с отклонениями в поведении», стр. 81). Исследования, проведенные в Болгарии, дают сходную картину: у 83% подростков, совершивших преступления, была констатирована озлобленность, развитый эгоизм — у 29%, жестокость, враждебность к окружающим — у 49% и т. д. («Общественно възпитание», 1967, № 19, стр. 15).

¹ М. А. Алемаскин, Психологическая характеристика личности несовершеннолетних правонарушителей, автореферат канд. дисс., М., 1968, стр. 11.

² См. «Вопросы изучения и предупреждения правонарушений несовершеннолетних», ч. 1, стр. 93—94.

³ См. Г. Г. Бочкарева, указ. автореферат, стр. 8—9.

⁴ Возможно, что здесь сказывается отсутствие единства в определении исходных критериев оценки степени развития воли либо в самой методике. К. Е. Игошев (указ. работа, стр. 73), например, сообщает о том, что в основу его выводов положены «данные воспитателей и педагогов»; другие авторы исходят из опроса родителей; третьи — из экспериментальных методик.

Надо отметить, что уровень волевых качеств подростков доста-

М. А. Алемаскин, например, констатирует слабоволие и лень у 80% обследованного им контингента (вряд ли, кстати, следовало объединять при анализе оба эти качества); К. Е. Игошев, с одной стороны, говорит об «ослаблении волевых качеств» как о типичной черте несовершеннолетних преступников, а с другой — констатирует, что безволие как черта личности присуща 15—25% из них, а отсутствие независимости и самостоятельности поведения обнаруживается в 25—42% случаев.

Представляется, что следует выделить по меньшей мере три типа: во-первых, подростки с сильной волей, способные организаторы, они в ряде случаев осуществляют преступления единолично или выступают в качестве вожаков преступных групп; во-вторых, подростки с избирательно проявляющимися отрицательно направленными волевыми качествами, выступающие обычно как активные участники подготовки и совершения преступлений; в-третьих, слабовольные подростки, доля которых, по-видимому, достаточно точно исчислена К. Е. Игошевым (15—25%) и которых втягивают в совершение преступлений¹.

11. Уже анализ особенностей потребностей, интересов, отношений, эмоций, воли подростка, соотнесенных с отдельными сферами функционирования личности, позволяет выйти на ряд криминогенных зависимостей. Надо, однако, иметь в виду, что далеко не каждая из этих особенностей непосредственно определяет избирательность поведения. В большинстве случаев речь идет о наиболее глубокой, фундаментальной черте нравственной характеристики личности, о направленности, ее ориентации, о системе социально значимых оценок и предпочтений, фиксирующих внутреннюю позицию лица по отношению к нормам общества (а равно самооценку). Это — «некоторая ось сознания, вокруг которой враща-

точно стабилен и не поддается быстрой коррекции. Поэтому материалы, полученные при обследовании осужденных по этому вопросу, отражают и их характеристику на момент преступления.

¹ См. К. Е. Игошев, указ. работа, стр. 72—76. Выборка Н. И. Гуковской и Е. Т. Яковлева, осуществленная по материалам уголовных дел, в свою очередь показала, что из обвиняемых, о которых в делах имелись сведения по этому вопросу, ослабление волевых качеств констатировалось в 29% случаев («Вопросы изучения и предупреждения правонарушений несовершеннолетних», ч. 1, стр. 131).

ются помыслы и чувства человека и с точки зрения которой решаются многие жизненные вопросы»¹.

Установив систему ценностей данного подростка, степень ее соответствия системе ценностей общества и тех его групп, в которые входит подросток, мы выясняем, явилось ли решение о преступном варианте поведения, о его цели и средствах изолированным актом или проявлением основной линии развития личности. Надо ли корректировать общую позицию личности или деформации частного характера?

Статистически достоверно различие между нравственной позицией подростков, совершающих преступления, и подавляющим большинством их сверстников. Для последних характерно именно быстрое формирование положительного «морального мировоззрения», превращение общих нравственных понятий, требований общества в личные убеждения².

В то же время для преобладающей части подростков, совершающих преступления, констатируется противоречие, отсутствие единства между рядом нравственных и правовых взглядов общества и взглядов, отношений таких подростков.

М. А. Алемаскин отметил, что у $\frac{3}{5}$ обследованных им подростков-правонарушителей констатировалось развитое чувство безответственности перед семьей, школой, коллективом³. Этот показатель совпадает с данными о деформации чувства стыда у таких подростков и с показателем доли подростков с сосуществующими положительными и отрицательными нравственными взглядами: «двойной моралью», выраженным преобладанием чуждой морали (см. дальше).

Для подростков-правонарушителей характерны также:

а) положительная оценка неформального коллектива, в который он включается⁴;

¹ А. Г. Здравомыслов, В. А. Ядов, Отношение к труду и ценностные ориентации личности, «Социология в СССР», т. 2, М., 1965, стр. 199.

² См. А. И. Божевич, указ. работа, стр. 402—405.

³ См. М. А. Алемаскин, указ. автореферат, стр. 13.

⁴ Недостаточно поэтому определить отношение несовершеннолетнего преступника к референтной группе, исходя из общей трактовки конформности как «установки на разрешение конфликтной ситуации в пользу группы» (Л. Я. Гозман, О возможности подхода к

б) отсутствие должной требовательности к себе в самооценке. По данным различных выборок, от $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{3}$ обследованных осужденных считали, что у них «существенных недостатков нет»¹;

в) выдвижение в качестве критерия при оценке других людей и самооценке собственных эгоистических интересов.

Можно выделить следующие основные варианты направленности личности подростков, совершающих преступления:

а) конкуренция положительных нравственных взглядов и социально-негативных новообразований в нравственной сфере личности подростка, возникших под влиянием каких-то интенсивных воздействий. Это создает сложную структуру их личности, для которой характерна позитивная нравственная ориентация (включая осознание постыдности антиобщественного поведения), «не срабатывающая», однако, в некоторых ситуациях;

б) сосуществование на разных уровнях и участках социально положительных и социально отрицательных оценок и предпочтений. По сравнению с выделенным ранее здесь добавляется еще один момент: подросток сознательно сужает сферу применения положительных взглядов. Такие подростки при определении своего поведения (даже в случаях воздержания от совершения того или иного преступления) нередко руководствуются утилитарными критериями²;

конформности как к функции многих переменных, «Вопросы философии и социальной психологии», Л., 1971, стр. 16—17). Нельзя исходить и из точки зрения об определяющей роли «давления группы» (см. И. С. Кон, указ. работа, стр. 90).

Отношение подростка к референтной группе состоит чаще в том, что он «вживается» в нее, «присваивает» групповые оценки и предпочтения, а не в том, что он пассивно подчиняется чуждым для него требованиям.

Нельзя забывать, что примерно для 60—80% преступников неформальная группа является микросредой, где они добиваются признания, престижа.

¹ Причем и перечисляя свои недостатки, несовершеннолетние, совершившие преступления, в ряде случаев подходят к самооценке весьма поверхностно и с позиции самооправдания. Чаще всего говорится о «слабохарактерности».

² Г. Г. Бочкарева (указ. автореферат, стр. 8) сообщает, что в ее экспериментах подростки-правонарушители с такой структурой нрав-

в) наличие «двойной морали»: с одной стороны, имеется слой формально усвоенных оценок, применяемых, однако, лишь на словах или в силу угрозы неблагоприятных последствий («нормы-рамки»); с другой стороны, — слой социально-негативных оценок, определяющих в основном избирательность и характер его поведения («нормы-ценности»). Преступление оценивается прежде всего с точки зрения его последствий для самого подростка¹. «Эта глупость мне дорого обошлась» — этот ответ одного из интервьюированных подростков четко передает суть такого подхода;

г) система откровенно антиобщественных оценок и предпочтений, реализуемых в поведении. Здесь совершение преступлений определяется именно общей ориентацией, позицией подростка.

12. В значительной части правовые взгляды рассматриваемого контингента как часть ориентации личности и ее выражения характеризуются теми деформациями нравственных оценок и предпочтений, о которых говорилось выше, поскольку они обусловили позицию подростков о допустимости для них совершить те или иные общественно опасные действия. Характерно, в частности, отношение подростков, совершающих преступления, к уголовной ответственности и к самому совершенному преступлению.

Значительная часть из них (около $\frac{1}{3}$) были уверены, что по возрасту их нельзя привлечь к ответственности или сколько-нибудь строго наказать. Еще более значительная их часть надеялась избежать привлечения к ответственности и наказания².

В известной мере эта позиция была связана с общей «правовой малограмотностью» подростков, для устране-

ственных взглядов, мотивируя свой отказ от совершения определенного общественно опасного действия, ссылались в половине случаев на утилитарные, а не на нравственные «сдержки». В контрольной группе школьников почти 100% приводили нравственные основания отказа.

¹ См. «Борьба с преступностью несовершеннолетних», М., 1965, стр. 59. Нельзя, однако, согласиться с тем, что «двойная мораль» — универсальный вариант у несовершеннолетних преступников. Фактически речь идет об одном из вариантов структуры.

² См. К. Е. Игошев, указ. работа, стр. 41; «Предупреждение правонарушений среди несовершеннолетних», Минск, 1969, стр. 39; «Социалистическая законность» 1970 г. № 2, стр. 63.

ния которой в последние годы принят ряд мер по раз-
вертыванию правового воспитания. Но не меньшую роль
играли и собственный жизненный опыт (безнаказан-
ность правонарушений, о которых подростку известно
или в которых он участвовал), а также «разъяснитель-
ная работа», которую вели преступные элементы. Даже
в процессе работы по исправлению и перевоспитанию не-
совершеннолетних, совершивших преступление, до $\frac{2}{5}$ из
них еще считали наказание чересчур суровым, а до $\frac{1}{5}$ —
утверждали, что вообще «ничего особенного» они не сде-
лали¹.

13. Рассмотренные варианты личностной направлен-
ности несовершеннолетних преступников отчетливо вы-
ражаются и в мотивации их антиобщественного по-
ведения.

Исследования констатируют для части случаев на-
личие «взрослых» мотивов — корысти, хулиганских по-
буждений и т. п. В других же случаях к антиобществен-
ным действиям подростка побуждает «детский» мотив
реализации притязаний на взрослость или даже удовлет-
ворения путем антиобщественных действий специфичес-
ки подростковых интересов и потребностей. Нередки и
неправомерные действия в ответ на неправомерные
же действия других лиц (избиение обидчика, дейст-
вия с превышением пределов необходимой обороны
и т. д.).

Не вполне точным поэтому представляется мнение,
что жадность и стяжательство всегда характерны для
несовершеннолетних, совершивших кражи, разбойные
нападения и грабежи, а также кражи в сочетании с дру-
гими преступлениями². Данные различных выборочных
исследований устанавливают, что в некоторых случаях
краж речь идет о стремлении добыть сладости, материа-
лы для моделирования, спортивное имущество, деньги
на билеты в кино (7—10%) и т. д. Встречаются также
кражи с целью оказать помощь товарищам или знако-

¹ См. «Вопросы изучения и предупреждения правонарушений
несовершеннолетних», ч. 2, М., 1970, стр. 108; К. Е. Игошев, указ.
работа, стр. 45 и др.

² См. К. Е. Игошев, указ. работа, стр. 58. Буквально несколь-
кими строчками ниже сам автор отмечает, что жадность как мотив
преступления оказалась свойственной менее чем четверти подростков,
осужденных за конкретные преступления.

мым, которым, по мнению подростка, она необходима, и кражи предметов, вообще ненужных подростку, из озорства или желания выделиться. Примерно в 3—4% случаев речь идет о добывании продуктов питания или одежды в связи с бегством из дома и т. п., а в 10—15% случаев — о выполнении требований взрослых или старших подростков.

Что касается такого мотива имущественных преступлений, как желание завладеть понравившейся вещью (по данным некоторых выборок, 10%), то он может быть выражением как «детских», так и взрослых негативных потребностей и интересов, смотря по характеру предмета посягательства и цели преступника¹.

Таким образом, для многих преступлений несовершеннолетних может оказаться характерным определен ный разрыв между степенью общественной опасности содеянного и мотивацией преступного поведения, целями, которые они непосредственно ставили перед собой. Вместе с тем в целом нарастанию общественной опасности преступных действий подростков соответствует и нарастание «взрослости» мотивации. Это косвенно прослеживается, в частности, при сопоставлении предмета посягательства при кражах, грабежах и разбойных нападениях. Например, по выборочным данным Н. А. Дремовой, мотивация, связанная с «детским» стремлением иметь заманчивую вещь, встречается при грабежах и разбоях в три раза реже, чем при кражах².

Нельзя согласиться с Х. Кингсом, полагающим, что у подростков-рецидивистов характер мотивации существенно не отягощается³. Ухудшение социальной характеристики рецидивистов обуславливает и бо́льшую отягощенность мотивации их преступных деяний.

Другая специфическая черта мотивационной сферы несовершеннолетних преступников — значительная распространенность ситуационных мотивов. «При пе-

¹ Сказанное можно отнести, в частности, к мотивации, связанной с престижным стремлением обладать мотоциклом, магнитофоном, радиоприемником, модной курткой и т. д. То обстоятельство, что высокая стоимость этих предметов осознается преступниками, свидетельствует о наличии не столько «детской», сколько эгоистической эмоциональной окраски мотивов их преступного поведения.

² См. Н. А. Дремова, О классификации мотивов преступных действий, «Вопросы судебной психологии», М., 1971, стр. 49.

³ См. Х. Кингс, указ. автореферат, стр. 22.

педагогической запущенности, — пишет, в частности, В. А. Гурьева, — наряду с отсутствием учебно-трудовой установки и направленности отмечается легкая произвольная переключаемость и избирательность форм поведения, которые быстро изменяются в зависимости от характера микрогруппы. При этом внешние обстоятельства хорошо учитываются»¹.

Характерна, в частности, сравнительно небольшая доля преднамеренных (заранее подготавливаемых) преступлений, составляющая, по данным различных исследований, не более 10—20% в общем числе преступлений несовершеннолетних.

Для подростков характерно в целом гораздо большее разнообразие мотивации определенных видов преступного поведения, нежели для взрослых. Так, типичным мотивом совершения взрослыми имущественных преступлений является корысть; преступлений против личности — мотивы, связанные с низменными побуждениями; преступлений против общественного порядка — мотивы, связанные с неуважением к обществу. Для соответствующих преступлений несовершеннолетних наблюдается значительно больший «веер» мотивов.

Результаты проведенных исследований подтверждают принципиальную правильность известного положения А. С. Макаренко о главных областях выражения дефектных отношений личности подростка: а) мотивации преобладания; б) мотивации присвоения; в) мотивации обособления (в связи с эгоизмом, искажением круга интересов, отстаиванием независимости)². Вместе с тем эта классификация требует развития в криминологическом аспекте. Мотивы преступного поведения целесообразно характеризовать с учетом следующих обстоятельств: 1) наличия или отсутствия «наложения» возрастных особенностей психологии на мотивацию конкретного поведения; 2) характера источника мотивов — связанные в основном извне (угроза, принуждение, использование зависимости) и внутренние присущие данному лицу; 3) степени стойкости и длительности сущест-

¹ «Дети с отклонениями в поведении», стр. 49 (разрядка наша. — Авт.); «Изучение и предупреждение преступности», Вильнюс, 1971, стр. 119.

² См. А. С. Макаренко, Соч., т. 7, М., 1958, стр. 405.

вованния мотива — ситуационные (спонтанные) и инвариантные; 4) соотношения с ориентацией личности — одиночные и составляющие элементы системы; 5) соотношения со сферой потребностей — непосредственно реализующие примитивные потребности и связанные с другими элементами личностной характеристики (мотивация озлобления аморализма; мотивация, связанная с неправильным пониманием содержания взрослости, товарищества, смелости и т. д.); 6) содержания — подражательные, приспособительные; связанные с легкомыслием, с притязанием на определенную роль и оценку; эгоистические; иные низменные.

Дифференциация несовершеннолетних преступников по направленности (ориентации) личности, включая мотивацию их деяний, обосновывает и детализирует классификацию их личности (§ 4 гл. II).

14. Сталкиваясь с возрастной «окраской» общественно опасных действий, некоторые исследователи напрямую связывали некоторые общевозрастные особенности с преступлениями¹. Такой подход представляется неправильным. Об этом уже говорилось в предыдущих главах, однако принципиальная значимость проблемы требует и специального рассмотрения.

Конечно, возрастные особенности подростков обуславливают относительно меньшую устойчивость системы их личности². Они могут способствовать неадекватным следствиям сравнительно слабых воздействий на подростка, меньшей степени избирательности поведения в относительно сложных ситуациях, связанных, в частности, с необходимостью идти «против течения» — отказываться от участия в некоторых действиях товарищей, от предложений старшего по возрасту и т. д.

Но вместе с тем уже подчеркивалось, что глубокие конфликтные ситуации возникают в результате игнорирования воспитателем возрастной специфики, а не в

¹ Например, Л. А. Ключинская писала о «ярком проявлении» в мотивах всех преступлений несовершеннолетних романтики, упрямства, неуравновешенности и т. п. (см. «Предупреждение преступлений несовершеннолетних», Рига, 1963, стр. 40). При этом она отнесла к числу общевозрастных особенностей авантюризм, чрезмерное честолюбие и т. п.

² О понятии «устойчивости» системы личности см. В. Н. Кудрявцев, Категория причинности в советской криминологии («Советское государство и право» 1965 г. № 11, стр. 80—89).

результате самой этой специфики. Ведь указанные особенности свойственны всем несовершеннолетним, и тем не менее практика свидетельствует, что при обеспечении правильных условий жизни и воспитания, социально здоровой среды они не являются препятствием к формированию личности активного строителя нового общества.

Сказанное можно отнести к оценке особенностей, связанных с пубертатным периодом. Этот период сам по себе не создает предрасположенности к совершению преступлений. Переживания, свойственные внутреннему миру подростка в этот период, вполне укладываются при правильной позиции воспитателей в рамки его обычной деятельности¹.

Все это не противоречит тому обстоятельству, что определенная часть преступлений несовершеннолетних имеет, как отмечалось, так называемые «детские» мотивы. И в этих случаях безусловно прослеживается влияние дефектов личности, а не только возрастных особенностей. Роль последних состоит в том, что, налагаясь на дефектные условия жизни и воспитания, взаимодействуя с ними в системе «личность — среда», они ускоряют и интенсифицируют формирование и реализацию нежелательных мотивов поведения подростка².

При этом в любом таком случае подростки осознают коллизию между антиобщественными действиями и требованиями общества, между «сущим» в их поведении и «должным» и, следовательно, могут нести за содеянное ответственность. Трактовка несовершеннолетних преступников с элементами «детской» мотивации как не ведавших, что творили³, находится в противоречии с их личностной характеристикой.

¹ Советские исследователи этой проблемы на большом фактическом материале подчеркивают, что в условиях жизни и воспитания подростков в нашем обществе период полового созревания обычно не сопровождается серьезными отрицательными проявлениями в психологии и поведении (см. В. А. Крутецкий, Н. С. Лукин, Психология подростка, изд. 2-е, М., 1965, стр. 14). Однако это не значит, что физиологическая перестройка организма подростка вообще безразлична для формирования психологии, не может повлиять на развитие той или иной конфликтной ситуации.

² В частности, именно поэтому «влияние референтной группы бывает более рельефным и выпуклым в преступлениях несовершеннолетних» (У. С. Джекебаев, указ. работа, стр. 104).

³ См., например, Г. А. Медынский, Трудная книга, М., 1964.

15. Вопрос о степени отягощенности подростков-правонарушителей соматическими заболеваниями (множественность перенесенных детских инфекционных заболеваний, хронический бронхит, хронические гнойные воспаления среднего уха и т. д.) был изучен Г. Умановым. Выборка дала следующие результаты: 10% перенесли указанные тяжелые заболевания; у 15% был констатирован диатез и у 10% — энурез³. По данным Л. М. Зюбина, энурез был констатирован в 21% случаев, отставание в физическом развитии — в 31%, анатомические аномалии половых органов — в 12%. «У обычных учащихся такие заболевания составляли незначительный процент»².

Этих материалов, как представляется, недостаточно, чтобы сделать вывод об отягощенности соматическими заболеваниями как типичном или по крайней мере распространенном элементе деформации личности подростков-правонарушителей. Дело в отсутствии данных о том, как конкретно сказалось заболевание на развитии личности.

Имеющиеся данные о распространенности хронических заболеваний в контрольной группе³ вряд ли позволяют констатировать значительно большую частоту таких заболеваний в исследуемом контингенте.

Конечно, сказанное не должно трактоваться как полное отрицание значения для криминологии данных об отягощенности исследуемого контингента соматическими заболеваниями. Такие заболевания (кстати, в ряде случаев само их возникновение — результат неблагоприятных условий жизни и воспитания подростков), раз возникнув, могут усиливать «центробежную» линию развития личности подростков в направлении затруднения учебы, отчуждения от коллектива сверстников, от общественной работы и некоторых форм досуга и т. д. Они

¹ См. Г. Уманов, Э. Шнибекова, А. Джумабаев, Проблемы работы с педагогически запущенными учащимися, Алма-Ата, 1967, стр. 24.

² Л. М. Зюбин, Некоторые данные о состоянии нервной системы и психики трудных учащихся и несовершеннолетних правонарушителей, «Научно-методический сборник», вып. 23, Л., 1971.

³ См. Б. В. Глаголев, Роль соматогенных и инфекционно-аллергических заболеваний нервной системы в происхождении трудного поведения подростков, «Дети с отклонениями в поведении», М., 1968.

могут и непосредственно порождать психологически конфликтные ситуации (например, в результате систематического осмеяния другими подростками какого-либо физического недостатка).

16. По вопросу отягощенности рассматриваемого контингента нервно-психическими аномалиями проведено гораздо больше исследований¹. Их обобщение позволяет сделать следующие выводы:

а) по-видимому, можно констатировать известный сдвиг в сторону увеличения среди правонарушителей доли подростков с нервно-психическими аномалиями;

б) достоверной связи величины этой доли со степенью общественной опасности содеянного не наблюдается (при сравнении «трудных» школьников, подучетных подростков, воспитанников спецшкол, СПТУ, воспитательно-трудовых колоний);

в) преобладающую часть подростков с нервно-психическими аномалиями в составе исследуемого контингента составляют лица не с тяжелыми и стойкими заболеваниями, а с психопатическими чертами личности и остаточными явлениями после перенесенных травм;

г) психопатические черты в подавляющем большинстве случаев (по данным приведенных источников, во всяком случае не менее чем в 80—85% случаев) приобретены вследствие неблагоприятных условий жизни и воспитания, и их наличие не связано с необратимыми изменениями психики². Поэтому сдвиг рассмат-

¹ См., в частности, «Вопросы изучения детей с отклонениями в поведении», М., 1968, стр. 107—169; «Дети с отклонениями в поведении», стр. 37—51, 78—94; «Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова» 1965 г. № 11; «Судебно-медицинская экспертиза» 1966 г. № 2; «Третий съезд общества психологов», т. 2, М., 1968, стр. 437; Л. М. Зюбин, указ. статья; «Вопросы эффективности мер воздействия на несовершеннолетних правонарушителей», Рига, 1971, стр. 230, и др.

² Проф. Н. И. Фелинская ввела в экспертную практику по делам несовершеннолетних понятие «подросток с психопатическими чертами характера». Это подчеркивает наличие лишь психопатического состояния, незавершенность и обратимость процесса формирования психопатии у подростка. См. Н. И. Фелинская, О роли биологических и социальных факторов в формировании патологии личности несовершеннолетнего правонарушителя («Вопросы изучения детей с отклонениями в поведении», стр. 107—118) и другие материалы данного сборника.

риваемого показателя по сравнению с контрольной группой вполне объясним, он исходит не из отягощенной наследственности.

Поскольку речь идет о вменяемых субъектах, наличие нервно-психической аномалии не создает фатальной предрасположенности лица к преступлению. Оно может сыграть большую или меньшую роль в «механизме» предпреступного или преступного поведения, но решающая роль всегда принадлежит нравственной, социальной невоспитанности субъекта, отсутствию или недостаточности навыков социального торможения.

Связь нервно-психической аномалии с правонарушением подростка носит обычно косвенный или опосредствованный характер, стимулируя социальную неадаптированность подростка, неадекватность его реакций, но не определяя самое содержание конкретных его действий.

Вместе с тем развитие психоневрологической службы в школах, детских комнатах милиции и т. д. будет способствовать раннему предупреждению преступлений путем создания дополнительных возможностей для дифференциации форм и методов воспитательной и предупредительной работы.

Рассматриваемый механизм «трансформации» издержек воспитания в аномалии психического и физического здоровья констатируется и применительно к подросткам, которые оказываются не в состоянии справиться с учебной программой. Криминогенный аспект этой проблемы понятен с учетом доли второгодников в составе преступников (см. § 2 гл. IV). Крайне мало таких случаев связано с дебильностью в различной степени; в остальных случаях речь идет не о генетически обусловленном статусе, а о социальной запущенности, проявляющейся в своеобразной консервации интеллекта и способностей. При этом опыт передовых педагогов (в частности, Ленинграда) свидетельствует, что при дифференцированном подходе удается достаточно быстро — часто в течение учебного года — восстановить нормальный статус таких подростков, пресечь «выталкивание» их из школьного коллектива.

17. «Человек — это единственный вид, у которого биологическая эволюция подготовила появление такого качества, как социальная эволюция, которое, «встав» над генетической эволюцией, обеспечивает развитие челове-

ка как существа разумного»¹. Социальная программа развития задается в процессе формирования личности, причем особенности детского и юношеского периода несравненно больше помогают, нежели мешают, усвоению требований и идеалов нашего общества. Исследования показали, что у человека отсутствует биологическая предопределенность к какому-то определенному, заранее заданному виду жизнедеятельности. Социальными условиями определяется то обстоятельство, что «по необходимости способ существования индивидуальной жизни бывает либо более *особенным*, либо более *всеобщим* проявлением родовой жизни»². Представляется, что «более особенный» образ жизни может принимать и форму социально отклоняющегося поведения.

Принципиальную важность в связи с рассмотренным вопросом имеет замечание Н. П. Дубинина о том, что проявления принципов органического детерминизма могут вызвать случайные сдвиги, в результате которых развитие личности утрачивает адекватность общей программы воспитания³. Иными словами, и здесь речь идет не о неотвратимости определенных социальных (в том числе социально негативных) последствий, а о том, что они наступают, если общая программа воспитания не корректируется соответственно обнаружившимся сдвигам.

¹ Н. П. Дубинин, *Философские и социологические аспекты генетики человека*, «Вопросы философии» 1971 г. № 1, стр. 37.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, *Из ранних произведений*, М., 1958, стр. 590.

³ См. «Вопросы философии» 1971 г. № 1, стр. 38—39.

1.
ступн
преду
сти в
Во
циаль
изуче
наказ
правл
ренн
прави
изуче
зывает
ние н
ворон
вых м
С
альн
2.
в со
нувш
изуча
стоят

Глава VI

ЗНАЧЕНИЕ УКАЗАННЫХ В ЗАКОНЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ ЛИЧНОСТЬ ВИНОВНОГО, ДЛЯ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ НАКАЗАНИЯ

§ 1. Общие положения

1. Как уже подчеркивалось, изучение личности преступника — не самоцель, а база для осуществления мер предупреждения конкретных преступлений и преступности в целом.

Во введении была обоснована необходимость специального и детализированного рассмотрения вопросов изучения личности преступника в связи с назначением наказания, поскольку речь идет об одном из главных направлений изучения личности преступника, предусмотренных советским законодательством¹. В то же время правильное определение содержания, пределов такого изучения представляет значительную сложность и оказывает непосредственное и весьма существенное влияние на законность и обоснованность конкретных приговоров и на эффективность применения уголовно-правовых мер борьбы с преступностью в целом.

Сказанное и обуславливает необходимость специального рассмотрения этих вопросов.

2. Органы следствия и дознания, выясняя роль лица в совершенном преступлении, причины и мотивы, толкнувшие его на преступный путь, содержание содеянного, изучая смягчающие и отягчающие ответственность обстоятельства и личность обвиняемого, индивидуализиру-

¹ См. А. А. Герцензон, Уголовное право и социология, М., 1970, стр. 154.

ют уголовную ответственность уже в стадии предварительного расследования¹.

Однако основным этапом индивидуализации уголовной ответственности является судебное рассмотрение дела и вынесение судом приговора. Здесь уголовная ответственность индивидуализируется назначением подсудимому конкретного наказания.

К. Маркс писал: «Если понятие преступления предполагает наказание, то действительное преступление предполагает определенную меру наказания»².

3. В ст. 32 Основ уголовного законодательства установлено, что при назначении наказания суд, руководствуясь социалистическим правосознанием, учитывает характер и степень общественной опасности совершенного преступления, личность виновного и обстоятельства дела, смягчающие и отягчающие ответственность. Анализ содержания этой нормы позволяет сделать следующие выводы:

а) учет данных о личности виновного представляет собой обязательный элемент индивидуализации наказания;

б) данные о личности, существенные для назначения наказания, не сводятся к специально перечисленным в законе смягчающим и отягчающим обстоятельствам;

в) смягчающие и отягчающие обстоятельства в свою очередь не обязательно относятся к личности виновного (хотя, как правило, проявляются через нее или связаны с ней — см. § 2).

Сказанное обуславливает необходимость рассмотрения «механизма» использования данных о личности преступника, с одной стороны, в рамках перечней смягчающих и отягчающих обстоятельств при назначении наказания, а с другой — вне этих рамок.

Для установления направленности личности преступника необходимо иметь его достоверную социально-демографическую и социально-психологическую характеристику: данные о его образовании, профессии, роде и месте работы, занятиях, отношении его к учебе и к работе, об образе жизни, времяпрепровождении и т. д.

¹ См. И. И. Карпец, Индивидуализация наказания в советском уголовном праве, М., 1961, стр. 28.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 124.

Полная, всесторонняя, объективная оценка личности преступника дает возможность судить о том, случайно ли совершенное преступление или оно является закономерным результатом антиобщественной направленности личности преступника. Соответственно определяются и оптимальные средства достижения в конкретном случае целей наказания (см. также гл.гл. I, II).

Прежде чем перейти к рассмотрению уголовно-правового значения отдельных компонентов данных о личности виновного, хотелось бы подчеркнуть три существенных «сквозных» момента, связанных с необходимостью в каждом случае учитывать:

динамизм личностной характеристики;

весь комплекс, а не несколько произвольно выбранных обстоятельств, индивидуализирующих ответственность;

обязательность собирания данных о чертах и свойствах личности, имеющих значение для решения каждого уголовного дела.

В литературе было высказано мнение о том, что учет судом смягчающих и отягчающих обстоятельств (в том числе связанных с личностью) является правом, а не обязанностью суда. Так, Г. А. Кригер считает, что отдельные смягчающие ответственность обстоятельства должны учитываться в зависимости от степени общественной опасности преступления¹.

Таковую же позицию занимает М. С. Строгович, который пишет, что по делам об умышленных убийствах из корысти, ревности или иных низменных побуждений «служебная и общественная работа обвиняемого не имеет значения смягчающего обстоятельства; если бы суд учел эту работу, хотя бы самого положительного свойства, в качестве смягчающего обстоятельства, это было бы несомненным извращением задач судебной деятельности»².

С этим согласиться нельзя. Закон обязывает суды учитывать все индивидуализирующие обстоятельства по каждому конкретному делу. Однако на практике бывает так, что суды учитывают либо только отягчающие, ли-

¹ Г. А. Кригер, Наказание и его применение, М., 1962, стр. 27—28.

² М. С. Строгович, Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе, М., 1955, стр. 278.

бо только смягчающие ответственность обстоятельства, что приводит к нарушению принципа индивидуализации наказания.

Конечно, значение тех или иных обстоятельств по различным делам неодинаково, оно может усиливаться или ослабляться в зависимости от других обстоятельств каждого конкретного дела. Но заранее отказываться от их установления и оценки недопустимо, как нельзя заранее декларировать predetermined значение отдельных из них, взятых изолированно.

Все смягчающие и отягчающие обстоятельства должны быть указаны в приговоре, а те из них, в силу которых наказание было смягчено или усилено, должны быть указаны особо. Приговоры, вынесенные с нарушением этих требований, отменяются или изменяются. Характерно в этой связи дело П., осужденного по ч. 2 ст. 89 УК РСФСР. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, отменяя приговор за мягкостью назначенного наказания, указала, что при его определении суд учел смягчающие ответственность обстоятельства (семейное положение, первую судимость, положительную характеристику), однако не принял во внимание обстоятельства, отягчающие ответственность, т. е. вынес приговор с нарушением требований ст.ст. 37—38 УК РСФСР¹.

Назначая наказание лицу, совершившему преступление, суд обязан учитывать личность преступника в широком смысле этого слова. И это понятно, ибо по одному действию, каковым является преступление, нельзя получить всестороннего и глубокого представления о личности. В литературе, однако, высказываются и иные соображения. В частности, представляется ошибочной позиция В. Г. Беляева, считающего, что юридически необходимым и обязательным является установление объективных обстоятельств, характеризующих субъекта с точки зрения характера и степени его опасности, т. е. обстоятельств, материально связанных с характером преступления и фактом его совершения. По его мнению, ст. 68 УПК РСФСР говорит об установлении именно таких юридически значимых фактов, которые характеризуют лицо как субъекта данного преступления, а не

¹ См. «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1971 г. № 9, стр. 10.

как личность вообще¹. В. Г. Беляев, на наш взгляд, смешивает понятия «личность преступника» и «субъект преступления», не учитывает, что первое понятие значительно шире второго.

4. В предыдущих главах рассматривались разработанные различными авторами схемы криминологического изучения личности преступления, обосновывались принятая в данной работе схема и ее сквозное значение для решения вопросов профилактики преступлений и применения наказания к преступникам. Ее наличие не исключает — как об этом уже говорилось — и наличия схем изучения личности, специально приспособленных именно для решения уголовно-правовых задач. Одна из них разработана Ю. В. Манасевым. Определяя пределы изучения личности по уголовным делам, он считает необходимым выделить обобщенные группы данных: социальную, правовую, психологическую и психофизическую характеристики.

Под социальной характеристикой личности обвиняемого имеется в виду оценка его как члена социалистического общества, коллектива, семьи. Психологическая характеристика обвиняемого включает в этой трактовке главным образом особенности его характера, а также и другие элементы (темперамент, способности и т. п.), исследуемые в тесной связи с составом преступления. Под психофизической характеристикой личности понимаются данные о состоянии здоровья, инвалидности и т. п.².

Н. С. Лейкина сочетает выделение обобщенных групп условно-значимых данных о личности с детальными их перечнями. В частности, к психологическим особенностям личности она кроме взглядов, убеждений, интересов, потребностей, идеалов и т. д. относит: 1) особенности характера (уравновешенность, вспыльчивость, общительность или необщительность); 2) отношение к людям (грубость, невнимательность или вежливость, внимание и т. д.); 3) отношение к обществу (коллективизм, индивидуализм, дисциплинированность либо не-

¹ См. В. Г. Беляев, Личность преступника в советском уголовном праве, автореферат канд. дисс., Ростов-на-Дону, 1964, стр. 22.

² См. Ю. В. Манасев, Уголовно-правовое содержание обстоятельств, характеризующих личность виновного, «Советская юстиция» 1968 г. № 4, стр. 13.

дисциплинированность, озлобленность); 4) отношение к жизни (оптимизм, пессимизм, скептицизм, цинизм)¹.

Несмотря на отдельные различия в наименовании подлежащих изучению вопросов, указанные авторы, на наш взгляд, правильно исходят из необходимости собирания по каждому конкретному делу совокупности данных, которые, с одной стороны, достаточно полно характеризуют преступника как члена общества, гражданина, а с другой — выделяют из многочисленных фактов, его характеризующих, те, которые значимы именно для назначения и исполнения наказания.

Личность человека многогранна, как сама человеческая жизнь со всеми ее множественными проявлениями. Поэтому при установлении пределов ее изучения в суде следует исходить из задачи, стоящей перед судом, — выбор законного и обоснованного наказания, способного выполнить цели уголовного наказания.

Говоря о социально значимых свойствах и особенностях личности, которые имеют уголовно-правовое значение, наряду со свойствами, проявившимися главным образом в связи с совершенным преступлением и прямо выявляющими характер и степень общественной опасности лица (например, совершение преступления особо опасным рецидивистом), следует в пределах, доступных для суда с учетом его задач и условий деятельности, учитывать и иные обстоятельства, характеризующие виновного (состояние здоровья, наличие на иждивении малолетних детей и т. д.). Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР по делу З. обоснованно применила ст. 44 УК РСФСР, приняв во внимание в числе других обстоятельств и то, что он имеет на иждивении четырех малолетних детей и является инвалидом III группы².

На основе изучения степени и характера общественной опасности совершенного преступления и обстоятельств, характеризующих личность виновного, суд может установить, является ли совершенное преступление случайным в жизни человека или его совершение — это логическое продолжение всего прошлого поведения виновного, иными словами, насколько прочны социаль-

¹ См. указ. работа, стр. 127—128.

² См. «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1971 г. № 12, стр. 4—5.

ные и психологические связи преступника с преступлением.

В этой связи при индивидуализации ответственности и наказания необходимы изучение и учет следующих комплексов данных о личности виновного¹: 1) социальная характеристика (имеется в виду его оценка как члена социалистического общества); 2) психологическая характеристика (имеется в виду круг его интересов, моральные и правовые взгляды, направленность личности, отношение к содеянному). Кроме того, как уже отмечалось, следует учитывать и иные обстоятельства, которые никак не проявились в характере и степени общественной опасности преступления и преступника: психофизическую характеристику личности виновного, включающую данные о состоянии здоровья; наличие инвалидности и др. Учет этих обстоятельств основан на принципе гуманизма советского правосудия.

Такие особенности личности, как вспыльчивость, необщительность, грубость и т. п., являются обстоятельствами, знание которых важно прежде всего в стадии исполнения уголовного наказания. Соответствующие данные значимы для конкретной программы исправления и перевоспитания конкретного преступника. Но если эти черты характера человека проявились в совершенном им преступлении (например, жестокость, цинизм и др.), они, безусловно, должны быть учтены судом при индивидуализации наказания.

Учет данных о личности виновного в рамках конкретного уголовного дела должен вестись судом при индивидуализации наказания с тем, чтобы это способствовало достижению целей уголовного наказания. Причем объем уголовно-значимых обстоятельств, характеризующих личность виновного, может зависеть от особенностей каждого конкретного дела. Однако, говоря в общей форме, можно сделать вывод, что суд при индивидуализации наказания, на наш взгляд, наряду с характером

¹ Предлагаемая схема не противоречит схеме криминологического изучения личности преступника, использованной в гл. гл. I—V, но лишь «укрупняет» ее, исходя из условий и задач судопроизводства по конкретным делам. С учетом интересов юридического использования данная схема «укрупнена» и по сравнению с разработанными Ю. В. Манаевым и Н. С. Лейкиной.

и степенью общественной опасности преступления и обстоятельствами, смягчающими и отягчающими ответственность, должен учитывать кроме данных, входящих в состав преступления, обстоятельства, составляющие социально-демографическую, социально-психологическую, психофизическую и правовую характеристику личности виновного.

§ 2. Учет судом смягчающих и отягчающих ответственность обстоятельств, характеризующих личность преступника

1. К обстоятельствам, смягчающим или отягчающим ответственность, уголовное законодательство относит обстоятельства, которые, не будучи включенными в состав преступления в качестве его элементов, имеют значение для индивидуализации наказания. Очень важно при этом, чтобы эти обстоятельства были не только установлены во всей совокупности и использованы при формировании внутреннего убеждения суда, но чтобы их установление и оценка были бы зафиксированы в приговоре как обязательный элемент его обоснованности.

Встречаются случаи, когда суды вместо детализированного изложения в приговоре мотивов назначения наказания ограничиваются общим указанием на «общественную опасность подсудимого», «личность подсудимого» и т. п. или формулировкой о том, что «суд учитывает все смягчающие и отягчающие ответственность обстоятельства». Из подобных формулировок нельзя установить, какие конкретно смягчающие и отягчающие обстоятельства имели значение для индивидуализации наказания, какое уголовно-правовое значение им придал суд. В этих случаях существенно снижается убедительность приговора, затрудняется проверка его законности и обоснованности.

2. М. М. Бабаев предложил следующую классификацию смягчающих и отягчающих ответственность обстоятельств: 1) относящиеся к объективным и субъективным свойствам совершенного общественно опасного деяния; 2) относящиеся к личности субъекта; 3) относящиеся к причинам и условиям совершения преступле-

ния¹. Н. С.
обстоятельств
ность прест
Несомне
щих обстоя
занных с
определени
так как ор
личности.

Однако
ления рас
на наш вз
зависит от
и те же о
зовать и д
так как л
поведении

3. Осно
чень смяг
тельств, у
республик
тельства.

Сопоста
зывает, чт
указанных
ориентаци
ных о лич

Так, в
тельств, у
щественно
обстоятель
тию прест
УК БССР
ст. 37 УК
ССР, п. 10

Среди
дополните

¹ См. М.
шеннолетних
² См. ук
³ В Угол
звано: «Спос
других прест

ния¹. Н. С. Лейкина в свою очередь подразделила их на обстоятельства, характеризующие: 1) деяние и 2) личность преступника².

Несомненно, что выделение смягчающих и отягчающих обстоятельств, целиком или преимущественно связанных с личностной характеристикой виновного, имеет определенное теоретическое и практическое значение, так как ориентирует на полное и всестороннее изучение личности.

Однако нельзя не отметить условный характер выделения рассматриваемой группы обстоятельств, так как, на наш взгляд, классификация обстоятельств чаще всего зависит от тех целей, для которых она проводится. Одни и те же обстоятельства одновременно могут характеризовать и деяние, и личность преступника. Это и понятно, так как личностные особенности проявляются именно в поведении, в том числе в преступном деянии.

3. Основы уголовного законодательства, давая перечень смягчающих и отягчающих ответственность обстоятельств, указывают, что в Уголовных кодексах союзных республик могут быть предусмотрены и другие обстоятельства.

Сопоставительный анализ Уголовных кодексов показывает, что все они расширяют перечни обстоятельств, указанных в ст.ст. 33 и 34 Основ, причем с очевидной ориентацией на максимально полное использование данных о личности.

Так, в числе смягчающих ответственность обстоятельств, указанных дополнительно в кодексах, преимущественно характеризует личность подсудимого такое обстоятельство, как «активное способствование раскрытию преступления» (п. 9 ст. 38 УК РСФСР, п. 9 ст. 37 УК БССР, п. 8 ст. 36 УК Азербайджанской ССР, п. 10 ст. 37 УК Таджикской ССР, п. 8 ст. 35 УК Армянской ССР, п. 10 ст. 38 УК Туркменской ССР)³.

Среди отягчающих ответственность обстоятельств, дополнительно указанных в кодексах, личность подсуди-

¹ См. М. М. Бабаев, Индивидуализация наказания несовершеннолетних, стр. 26—30, 36—40, 50.

² См. указ. работа, стр. 107.

³ В Уголовном кодексе Литовской ССР это обстоятельство названо: «Способствование раскрытию преступления или обнаружению других преступников» (п. 8 ст. 40).

мого характеризуют такие обстоятельства, как: 1) совершение преступления особо опасным рецидивистом (п. 10 ст. 39 УК Узбекской ССР, п. 10 ст. 36 УК Армянской ССР); 2) совершение преступления лицом, которое было взято на поруки, в течение срока поручительства или в течение года после окончания этого срока (п. 12 ст. 39 УК РСФСР, п. 10 ст. 37 УК Латвийской ССР, п. 11 ст. 38 УК Белорусской ССР, п. 10 ст. 36 УК Киргизской ССР, п. 12 ст. 41 УК Украинской ССР, п. «н» ст. 38 УК Молдавской ССР, п. 13 ст. 39 УК Туркменской ССР, п. 12 ст. 38 УК Таджикской ССР); 3) совершение нового преступления лицом, ранее отданным на поруки общественной организации или коллективу трудящихся (п. 13 ст. 36 УК Армянской ССР, п. 12 ст. 41 УК Литовской ССР); 4) совершение преступления в течение года после применения мер общественного воздействия за такое же преступление (п. 11 ст. 36 УК Киргизской ССР, п. 2 ст. 39 УК Грузинской ССР); 5) совершение преступления лицом, подвергнутым мерам общественного воздействия, если не истек двухлетний срок со дня применения к нему мер общественного воздействия за ранее совершенное преступление (п. 12 ст. 41 УК Литовской ССР); 6) совершение преступления с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение (п. 11 ст. 41 УК Литовской ССР, п. 11 ст. 39 УК Туркменской ССР); 7) оговор заведомо невиновного лица (п. 11 ст. 39 УК РСФСР, п. 11 ст. 38 УК Таджикской ССР).

4. Перечень смягчающих ответственность обстоятельств, содержащихся в ст. 38 УК РСФСР, не является исчерпывающим. При назначении наказания суд вправе признать таковыми и другие обстоятельства.

Перечень отягчающих ответственность обстоятельств, содержащихся в ст. 39 УК РСФСР, является исчерпывающим.

Нами изучался вопрос, насколько такое решение соответствует потребностям практики.

Среди практических работников нет единства в понимании указанных вопросов.

В ст. 68 УПК РСФСР сказано, что при производстве дознания, предварительного следствия и при разбирательстве уголовного дела в суде подлежат доказыванию: 1) событие преступления; 2) виновность обвиняемого в совершении преступления и мотивы преступления; 3) об-

стоятельства, влияющие на степень и характер ответственности обвиняемого, указанные в ст.ст. 38 и 39 УК РСФСР, а также иные обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого. Однако нельзя не считаться с тем, что иные обстоятельства, отрицательно характеризующие личность подсудимого, кроме указанных в ст. 34 Основ, отягчают ответственность подсудимого, т. е. ухудшают его положение. Между тем перечень обстоятельств, отягчающих ответственность подсудимого, является исчерпывающим. Выйти из создавшегося положения, с нашей точки зрения, можно только путем изменения закона.

5. Смягчающие ответственность обстоятельства, характеризующие личность виновного.

Предотвращение вредных последствий совершенного преступления, или добровольное возмещение нанесенного ущерба, или устранение причиненного вреда (п. 1 ст. 38 УК РСФСР). Указанные обстоятельства объективно снижают степень общественной опасности преступления и, как правило, свидетельствуют об определенном психическом отношении виновного к совершенному преступлению и к его последствиям.

Психическое отношение виновного к предотвращению последствий совершенного преступления, или добровольному возмещению нанесенного ущерба, или устранению причиненного вреда может быть неодинаковым.

Во-первых, все эти действия могут быть вызваны чистосердечным раскаянием виновного и стремлением искупить свою вину. Такое психическое состояние виновного, осознавшего неправильность своего противоправного поведения и стремящегося устранить вредные последствия своих действий, свидетельствует о начале исправления и перевоспитания преступника, стремлении встать на путь честной трудовой жизни. Представляется, что в подобном случае общественная опасность этого лица в значительной мере снижается¹. Очевидно, суд, назначая наказание такому преступнику, должен учитывать эти обстоятельства. Например, должностное лицо, выдавшее своему знакомому или родственнику подложную справку о трудовом стаже, на основании которой последнему была назначена пенсия, заявляет о совер-

¹ Подробно о чистосердечном раскаянии см. ниже.

шенном им преступлении и тем самым предотвращает наступление вредных последствий. При условии, что вредные последствия были предотвращены благодаря стараниям виновного, преступление не представляет значительной общественной опасности, наказание может быть значительно снижено¹.

Во-вторых, предотвращение вредных последствий совершенного преступления, или добровольное возмещение нанесенного ущерба, или устранение причиненного вреда могут быть вызваны психологическими свойствами иного порядка. Поэтому суд обязан установить, в силу каких, например, причин лицо, являющееся членом преступной группы, раскрывает план этой группы, способствуя предотвращению вредных последствий преступления. Суд обязан установить, насколько искренним является его стремление искупить свою вину, установить истинные мотивы такого поведения подсудимого. Вполне возможно, например, что эти действия продиктованы только стремлением облегчить свою участь. Представляется, что в таком случае наказание виновному при прочих равных условиях должно быть смягчено в меньшей мере, чем тогда, когда рассматриваемые действия обуславливаются чистосердечным раскаянием.

Выборочное изучение судебной практики применения указанных смягчающих ответственность обстоятельств при индивидуализации наказания показало, что суды достаточно последовательно проводят линию на установление подлинных мотивов, например, возмещения ущерба, но не рассматривают сам по себе факт такого поведения виновного как бесспорное доказательство чистосердечного раскаяния. \

Совершение преступления вследствие стечения тяжелых личных или семейных обстоятельств (п. 2 ст. 38 УК РСФСР). Тяжелые личные или семейные условия (материальные затруднения, тяжелые жилищные условия, длительное заболевание кого-либо из членов семьи и т. п.) оказывают влияние на психику виновного, снижают сопротивляемость преступному влиянию, избирательность поведения, усиливают роль ситуационных моментов.

¹ См. Н. Кузнецова, И. Микитич, Значение преступных последствий для уголовной ответственности, «Советская юстиция» 1960 г. № 3, стр. 19.

В качес
ние тяже
быть учте
чиной или
лишь тогд
щим непра
поставил
ловия в ре
то данное
смягчающ

По изу
обвиняем
стоятельс
ство одно
раздо бо
связи с ч
говоров¹.

В это
судьи пр
мотивиро

Совер
принужде
иной зав
опасности
венной и
умыслом
действова
действова
розы, при
ти. По к
степень у
случаях
нии край

Но да
принужд
нудивше
розе или
ется, мен
ние вино
иное, чем
обдуман

¹ См.

В качестве смягчающего вину обстоятельства стечение тяжелых личных или семейных обстоятельств может быть учтено только в том случае, когда оно явилось причиной или условием совершения преступления, причем лишь тогда, когда оно не было связано с предшествующим неправильным поведением виновного. Если он сам поставил себя, например, в тяжелые материальные условия в результате пьянства, уклонения от труда и т. п., то данное обстоятельство не может учитываться как смягчающее ответственность. |

По изученным М. М. Бабаевым делам, в 4% случаев обвиняемые ссылались на наличие рассматриваемого обстоятельства, понимая под ним неполную семью, пьянство одного из членов семьи и т. д. Суды же давали гораздо более узкую трактовку этого обстоятельства, в связи с чем о его наличии говорится лишь в 2% приговоров¹.

В этой связи представляется целесообразным, чтобы судьи при оставлении без учета данного обстоятельства мотивировали свое решение. ^

Совершение преступления под влиянием угрозы или принуждения либо в силу материальной, служебной или иной зависимости (п. 3 ст. 38 УК РСФСР). Степень опасности лица, совершившего преступление по собственной инициативе (а тем более с заранее обдуманным умыслом), выше степени общественной опасности лица, действовавшего хотя и умышленно (в подобном случае действовать неосторожно нельзя), но под влиянием угрозы, принуждения либо в силу той или иной зависимости. По каждому конкретному делу важно выяснить степень угрозы или принуждения, так как в отдельных случаях может оказаться, что лицо находилось в состоянии крайней необходимости.

Но даже там, где лицо, действуя в силу угрозы или принуждения или в силу зависимости от лица, его принудившего, имело возможность противостоять этой угрозе или принуждению, оно подлежит, как представляется, меньшему наказанию, так как психическое отношение виновного к совершенному им преступлению совсем иное, чем у лица, совершившего преступление с заранее обдуманным умыслом. При умысле, возникшем заранее,

¹ См. М. М. Бабаев, указ. работа, стр. 53—54.

лицо обдумывает варианты совершения преступления, способы его совершения (зачастую мучительные либо опасные для окружающих), подготавливает для этого необходимые средства и т. д. Лицо же, совершающее хотя и умышленное преступление, но под влиянием угрозы или принуждения либо в силу той или иной зависимости, делает это вынужденно и, безусловно, менее социально опасно.

Совершение преступления впервые, вследствие случайного стечения обстоятельств, если это преступление не представляет большой общественной опасности (п. 4 ст. 38 УК РСФСР). Совершение преступления впервые в качестве смягчающего обстоятельства ответственность обстоятельства следует учитывать очень осторожно, и само по себе это обстоятельство в отрыве от других обстоятельств дела не может лечь в основу вывода о снижении наказания. Об относительно смягчающем характере данного обстоятельства можно говорить лишь по тем соображениям, что совершение преступления в первый раз является не исключением из правила, а скорее правилом, исключением из которого (отягчающим ответственность обстоятельством) является повторное и систематическое совершение преступления.

Изучение судебной практики показало, что суды, принимая во внимание рассматриваемое обстоятельство при индивидуализации наказания, обычно ссылаются на первую судимость в сочетании с иными смягчающими ответственность обстоятельствами. Наличие же отягчающих обстоятельств рассматривается в ряде случаев как основание для «нейтрализации» смягчающего действия факта совершения преступления впервые («первой судимости»). По данным нашей выборки, было установлено, что почти $\frac{2}{3}$ обследованных осужденных ранее не совершали преступлений и были судимы впервые. Однако данное обстоятельство было признано смягчающим ответственность обстоятельством только в 37% этих случаев, причем во всех случаях данное обстоятельство было учтено в совокупности с другими смягчающими обстоятельствами, такими, например, как молодой возраст, чистосердечное раскаяние и др.

С учетом сложившейся практики целесообразно было бы обсудить вопрос о дополнении п. 4 ст. 38 УК РСФСР указанием на то, что суд вправе признать совершение преступления впервые смягчающим ответст-

венность обстоятельством только при наличии других смягчающих обстоятельств.

Совершение преступления под влиянием сильного душевного волнения, вызванного неправомерными действиями потерпевшего (п. 5 ст. 38 УК РСФСР). В данном случае учитывается то, что вследствие неправомерных действий самого потерпевшего нарушается нормальное психическое состояние виновного, который в силу индивидуальных свойств психики и в зависимости от характера неправомерных действий потерпевшего может на определенное время ослабить самоконтроль

Сужение сознания и ослабление предвидения результатов действий, совершенных под влиянием сильного душевного волнения, и служит основанием для признания этого обстоятельства уменьшающим степень общественной опасности как самого деяния, так и виновного.

В Особенной части Уголовных кодексов союзных республик имеются статьи, которые предусматривают более мягкое наказание за преступления против личности, совершенные в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного насилием или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего, а равно вызванного иными противозаконными действиями потерпевшего, если эти действия повлекли или могли повлечь тяжкие последствия для виновного или его близких (ст. 104, 110 УК РСФСР).

Для применения положений этих статей необходимо установить ряд признаков: внезапность наступления сильного душевного волнения; насилие или тяжкое оскорбление со стороны потерпевшего, а равно иные противозаконные действия потерпевшего; наступление или возможность наступления тяжких последствий для виновного или для его близких.

Для применения п. 5 ст. 38 УК РСФСР нет такого ограничения, как установление внезапности наступления сильного душевного волнения. Не обязательно, чтобы было налицо насилие или тяжкое оскорбление со стороны потерпевшего, достаточно просто неправомерных действий потерпевшего.

Имея в виду разнообразие причин, которые могут вызвать сильное душевное волнение, нужно заметить, что отрицательные привычки и свойства личности, которые могут быть порождены антиобщественным, паразитическим образом жизни самого виновного, не могут

рассматриваться в качестве таких причин. Поэтому права Н. С. Лейкина, считающая, что в тех случаях, когда сильное душевное волнение вызвано мотивами и привычками, отрицательно характеризующими личность, оно не должно признаваться смягчающим обстоятельством. Так, физиологический аффект, возникший на почве алкоголизма, не может быть основанием для смягчения наказания¹.

На практике даже в сложных случаях суды правильно применяют п. 5 ст. 38 УК РСФСР.

Примером может служить дело Р., осужденной по ст.ст. 15 и 103 УК РСФСР. Суд отметил, что совершенное Р. преступление по своим объективным свойствам является тяжким, заслуживающим сурового наказания. Однако, разрешая вопрос о мере наказания, он учитывает исключительные обстоятельства настоящего дела: психопатический характер Р., который сформировался в результате неправильного воспитания и семейных условий; способствовавшие совершению преступления обстоятельства, в которых повинна сама потерпевшая К. Так, К. примерно за 3 часа до происшедшего оскорбила и оклеветала Р., заявив в завкоме профсоюза, что Р. сожгла своего первого ребенка и желает избавиться от второго. Именно эти несправедливые действия потерпевшей вызвали повышенную аффективность Р. и в конечном счете толкнули ее на совершение преступления.

Р. в прошлом не судима, имеет малолетнего ребенка и в момент совершения преступления была беременна. В содеянном Р. глубоко раскаивается. С учетом изложенных обстоятельств суд счел возможным применить к Р. условное осуждение.

Совершение преступления несовершеннолетним (п. 7 ст. 38 УК РСФСР). Анализ законодательных норм, определяющих уголовную ответственность несовершеннолетних, показывает, что эти нормы устанавливают для несовершеннолетних более мягкий режим ответственности по сравнению со взрослыми преступниками при прочих равных условиях. Речь, однако, идет не о смягчении наказания во что бы то ни стало по одному факту несовершеннолетия, а о том, чтобы обеспечить необходимое

¹ См. Н. С. Лейкина, указ. работа, стр. 109.

и достаточное наказание с учетом возрастных особенностей¹.

Нет сомнений в том, что с точки зрения уровня интеллектуального и волевого развития подростки, по общему правилу, уступают взрослым. Их жизненный опыт невелик, способность всесторонне ориентироваться в сложных ситуациях, противостоять давлению относительно меньше. Следует учитывать и другие особенности этого возрастного периода: повышенную эмоциональную возбудимость, легко переходящую в запальчивость, склонность к колебаниям настроения и даже аффективным вспышкам. Все это не может не учитываться судом при индивидуализации наказания.

Когда суд приходит к выводу о необходимости применить к несовершеннолетнему уголовное наказание, в его обязанность входит избрать такой вид наказания, который может оказать наибольшее индивидуальное предупредительное влияние на данного подростка, содействовать его исправлению.

К несовершеннолетнему суд должен подходить особенно чутко, доводить до сознания подростка всю пагубность его поведения, разъясняя несовместимость его поступков с моральными и правовыми нормами советского общества. Только такой подход может убедить несовершеннолетнего в справедливости применяемого судом наказания. Но чуткость должна сочетаться и с определенной суровостью, чтобы у правонарушителя не создавалось впечатления о безнаказанности его деяний.

Изучение причин, толкнувших подростка на преступный путь, учет особенностей и характера его личности, обстоятельств жизни в семье и т. п. — это ключ к назначению несовершеннолетнему наказания, которое в первую очередь явилось бы для него мерой исправительно-воспитательного характера². В нашей выборке несовершеннолетие было признано судами смягчающим обстоя-

¹ См. подробнее М. М. Бабаев, указ. работа; Г. М. Миньковский, К вопросу об изучении эффективности уголовного наказания несовершеннолетних («Вопросы эффективности уголовно-правовых мер воздействия на несовершеннолетних правонарушителей», Рига, 1971); В. С. Орлов, Ответственность несовершеннолетних по советскому уголовному праву, автореферат докт. дисс., М., 1969.

² См. Н. П. Грабовская, Уголовно-правовая борьба с преступлениями несовершеннолетних в СССР, Л., 1961, стр. 49—72.

тельством примерно по 1/3 дел, по которым осужденными являлись лица, не достигшие 18 лет. В остальных случаях суды, учитывая особые правила назначения несовершеннолетним наказания (по виду, срокам, порядку исполнения и т. д.), не ссылались на несовершеннолетие в качестве основания для дальнейшего смягчения наказания в этих рамках¹.

Совершение преступления женщиной в состоянии беременности (п. 8 ст. 38 УК РСФСР). Женщина в состоянии беременности, как правило, имеет повышенную раздражительность и возбудимость и в меньшей мере имеет возможность контролировать свои поступки. Эти особенности наряду с особо бережным отношением к будущей матери и обусловили то, что законодатель отнес совершение преступления беременной женщиной к обстоятельствам, смягчающим ответственность.

Данные судебной практики свидетельствуют о том, что указанное обстоятельство достаточно последовательно учитывается судами как смягчающее ответственность.

Чистосердечное раскаяние или явка с повинной, а также активное содействие раскрытию преступления (п. 9 ст. 38 УК РСФСР). Названные обстоятельства тесно связаны между собой, но не вполне адекватны. Так, явка с повинной может быть выражением раскаяния или содействия раскрытию преступления; последнее — выражением раскаяния и т. д. В то же время, как уже отмечалось, мотивация явки с повинной или содействия раскрытию преступления может быть и утилитарной.

Чистосердечное раскаяние может иметь место и независимо от явки с повинной и активного содействия раскрытию преступления. Но два других обстоятельства, очевидно, не могут признаваться судом смягчающими ответственность без установления одновременно факта чистосердечного раскаяния.

На наш взгляд, активное содействие раскрытию преступления лицом, которое делает это, преследуя личные цели (возможность избежать сурового наказания, будучи полностью изобличенным), должно учитываться судом при индивидуализации наказания как смягчаю-

¹ Эта практика согласуется со сказанным в предыдущих главах относительно типологии несовершеннолетних преступников, мотивации их действий и ориентации личности.

щее ответственность обстоятельство, но, как и аналогично мотивированные действия по предотвращению вредных последствий содеянного, в меньшей мере, чем активное способствование раскрытию преступления лицом, искренне и чистосердечно раскаявшимся.

В некоторых случаях в результате явки с повинной наступает такое положение (разумеется, с учетом характера содеянного и всей совокупности данных о личности), при котором лицо вообще перестает быть общественно опасным. Об этом, в частности, свидетельствует наличие такой нормы, как п. «б» ст. 64 УК РСФСР.

Явка с повинной в качестве смягчающего обстоятельства, влияющего на избираемое наказание, имеет место тогда, когда виновный добровольно явился в соответствующие органы власти и сообщил о содеянном. Чистосердечное раскаяние возможно и после возбуждения уголовного дела в ходе предварительного или судебного следствия, если совершивший преступление полностью осознал совершенное им, добровольно признался, чистосердечно раскаялся и дал исчерпывающие показания, соответствующие действительности. Однако момент раскаяния не безразличен для суда. Представляется, что суд не может одинаково, при прочих равных условиях, смягчить наказание за раскаяние, проявленное до возбуждения дела или в начальной стадии расследования, и за раскаяние в последнем слове подсудимого, происшедшее, в связи с бесспорной доказанностью преступления. В первом случае раскаяние более ценно. Очевидно, это должно быть учтено судом при индивидуализации наказания¹. Однако при всех условиях любое из названных обстоятельств свидетельствует об уменьшении степени общественной опасности личности.

В своей повседневной практике суды первой и второй инстанций, как правило, учитывают чистосердечное раскаяние, явку с повинной и активное способствование раскрытию преступления в качестве смягчающих ответственность обстоятельств и назначают виновному наказание ниже того, которое ему следовало бы назначить без учета этих обстоятельств.

Чистосердечное раскаяние или явка с повинной, а

¹ В некоторых случаях (п. «б» ст. 64 УК РСФСР) возможно и обсуждение вопроса об освобождении от наказания.

также активное способствование раскрытию преступления занимают в судебной практике одно из первых мест среди обстоятельств, характеризующих личность виновного, перечисленных в ст. 38 УК РСФСР. По данным обобщения судебной практики по делам о хулиганстве, их наличие фиксировалось судом в среднем по каждому пятому делу. Причем, если для дел впервые судимых лиц, эта доля составила 30%, то она достаточно значительна и при рецидиве — 8%. Как представляется, эти данные свидетельствуют о достаточной эффективности воспитательно-предупредительного воздействия уголовного процесса на многих лиц, совершающих преступления. С другой стороны, подтверждается сделанный в предыдущих главах вывод о том, что для значительной части преступников характерна неустойчивая, «шатающаяся» ориентация, а не устойчивая преступная установка.

Т а б л и ц а 1

Перечень обстоятельств	Доля дел, по которым имеются ссылки (вся выборка—100%)
1. Предотвращение виновным вредных последствий совершенного преступления, или добровольное возмещение нанесенного ущерба, или устранение причиненного вреда (п. 1 ст. 38 УК РСФСР).	2,5%
2. Совершение преступления вследствие стечения тяжелых личных или семейных обстоятельств (п. 2 ст. 38 УК РСФСР).	0,5%
3. Совершение преступления под влиянием угрозы или принуждения либо в силу материальной, служебной или иной зависимости (п. 3 ст. 38 УК РСФСР).	0
4. Совершение преступления впервые, вследствие случайного стечения обстоятельств, если это преступление не представляет большой общественной опасности (п. 4 ст. 38 УК РСФСР).	23,5%
5. Совершение преступления под влиянием сильного душевного волнения, вызванного неправомерными действиями потерпевшего (п. 5 ст. 38 УК РСФСР).	0,1%
6. Совершение преступления несовершеннолетним (п. 7 ст. 38 УК).	3%
7. Совершение преступления женщиной в состоянии беременности (п. 8 ст. 38 УК РСФСР).	0
8. Чистосердечное раскаяние или явка с повинной, а также активное способствование раскрытию преступления (п. 9 ст. 38 УК РСФСР).	11,3%

Наша выборка показывает следующее соотношение распространенности смягчающих обстоятельств, которые указаны в законе и на которые суды ссылались в приговорах (см. стр. 225).

6. Отягчающие ответственность обстоятельства, характеризующие личность виновного.

Совершение преступления лицом, ранее совершившим какое-либо преступление, а также совершение нового преступления лицом, которое было взято на поруки, в течение срока поручительства или в течение одного года после окончания этого срока (пп. 1 и 12 ст. 39 УК РСФСР). Отнесение этих обстоятельств к числу отягчающих ответственность объясняется тем, что они в большинстве случаев свидетельствуют о наличии устойчивой антисоциальной направленности личности подсудимого, об упорном его нежелании встать на путь честной трудовой жизни.

Снятая или погашенная судимость не может рассматриваться как отягчающее ответственность обстоятельство, ибо в противном случае институт снятия и погашения судимости теряет свое практическое значение. В связи с изложенным наиболее точной представляется редакция соответствующей нормы в Уголовном кодексе Эстонской ССР (п. 1 ст. 38), предусматривающей, что отягчающим ответственность обстоятельством признается совершение преступления лицом, ранее совершившим преступление, по которому не истекли сроки давности привлечения к уголовной ответственности или не погашена либо не снята судимость.

Закон предоставляет суду право в зависимости от характера первого преступления не признавать за ним значения отягчающего ответственность обстоятельства. Представляется, что имеет значение характер как первого, так и второго преступления (степень тяжести, однородны ли они и т. д.), личность виновного, время, предшествующее совершению второго преступления¹.

Представляется, что п. 1 ст. 39 УК РСФСР должен применяться и при неоднократном совершении преступ-

¹ Это соображение относится и к самостоятельно выделенному законодателем такому отягчающему обстоятельству, как совершение нового преступления лицом, которое было взято на поруки (см. ниже).

лений, а также тогда, когда образ жизни лица связан с систематическим совершением преступлений.

Как уже отмечалось, в законе выделено такое отягчающее обстоятельство, как совершение нового преступления лицом, которое было взято на поруки (в течение срока поручительства или в течение одного года после окончания этого срока). В тех случаях, когда в статье Особенной части Уголовного кодекса не предусмотрено усиление наказания за совершение подобного повторного преступления, оно должно быть увеличено согласно п. 12 ст. 39 УК РСФСР, причем только в случае, если повторное преступление совершено в течение срока поручительства или в течение одного года после его окончания.

Изучение практики показало, что такое обстоятельство, как совершение преступления лицом, ранее совершившим какое-либо преступление, признается судами отягчающим ответственность далеко не всегда. Так, из числа осужденных, подвергнутых нами обследованию, ранее были судимы 39%. Многие из них до этого имели несколько судимостей. Однако суды признали это обстоятельство отягчающим ответственность лишь в отношении $\frac{3}{5}$ осужденных.

Применительно к наиболее распространенным категориям преступлений этот показатель существенно не варьируется. Например, по делам о хулиганстве данное обстоятельство учитывается в качестве отягчающего примерно в половине случаев, когда оно констатируется¹. Недостаточно, на наш взгляд, это обстоятельство учитывается в качестве отягчающего ответственность по делам о преступлениях против личности (36%).

Верховные Суды СССР и РСФСР, как правило, отменяют приговоры, которыми без учета требований ст. 37 и 39 УК РСФСР назначено мягкое наказание лицам, ранее неоднократно судимым и вновь совершившим опасные преступления.

Совершение преступления из корыстных или иных низменных побуждений (п. 3 ст. 39 УК РСФСР). Наличие таких побуждений при совершении преступления всегда указывает на повышенную общественную опасность преступника, на укоренившиеся черты безнравст-

¹ См. «Личность преступника», Казань, 1972, стр. 185.

венности, а зачастую — на далеко зашедший процесс деградации его личности.

Что же такое корыстные побуждения? При решении этого вопроса необходимо исходить из того, что закон не связывает понятие корысти только с преступлениями, направленными против собственности. Например, в ст. ст. 124, 125, 170 УК РСФСР указано на корыстную цель, корыстную заинтересованность, хотя указанные составы предусматривают уголовную ответственность за злоупотребление опекунами обязанностями, за похищение или подмен ребенка, за злоупотребление служебным положением.

В литературе было высказано, на наш взгляд, справедливое мнение о корысти, под которой понимается нажива, выгода, материальная польза либо стремление к обогащению за счет других граждан¹. Следует согласиться с мыслью о том, что корысть имеется не только там, где человек стремится обогатиться лично, но и там, где он даст возможность нажиться и другому². Кроме того, корыстные побуждения характерны не только для случаев, когда лицо извлекает материальную выгоду, но и для случаев, когда оно стремится сохранить материальные блага, которые у него имеются.

В Особенной части Уголовного кодекса РСФСР к низменным побуждениям, кроме корысти, отнесены хулиганские побуждения, стремление скрыть другое преступление, оговор заведомо невинного, кровная месть. Кроме того, к низменным побуждениям относятся, по нашему мнению, зависть, карьеризм, эгоизм, месть и т. п. Вместе с тем в конкретном случае каждое из этих обстоятельств может по-разному выражать степень общественной опасности действий и личности виновного. Так, совершение хищения в силу необходимости удовлетворить необходимые материальные потребности семьи должно быть, очевидно, судом оценено иначе, чем совершение растрат и хищений для того, чтобы

¹ См., например, Б. С. Никифоров, Борьба с мошенническими посягательствами на социалистическую и личную собственность по советскому уголовному праву, М., 1952, стр. 81.

² См. Б. С. Никифоров, указ. работа, стр. 81; Т. Л. Сергеева, Уголовно-правовая охрана социалистической собственности в СССР, М., 1954, стр. 13.

иметь средства на выпивку. В обоих случаях налицо корыстный мотив совершения преступления, а оценка его при прочих равных условиях должна быть разной.

Сказанное можно отнести к уголовно-правовой оценке и других низменных побуждений, тесно связанных с субъективной стороной состава преступления.

Анализ судебной практики показывает, что при достаточной распространенности корыстной и тому подобной мотивации в преступлениях (см. предыдущие главы) суды редко ссылаются на нее в качестве самостоятельногоотягчающего обстоятельства (по данным нашей выборки — в 0,1% случаев, по данным других выборок — 0,6%). Представляется, что дело здесь в том, что в подавляющей части случаев, когда констатируется такая мотивация, она предусмотрена составом преступления.

Оговор заведомо невиновного лица (п. 11 ст. 39 УК РСФСР). Это действие, совершаемое из низменных побуждений, имеет место после совершения виновным преступления. Оно свидетельствует об отсутствии раскаяния и стремления к исправлению. Это обстоятельство на практике встречается редко. По изученным нами делам оно не встречалось ни разу.

Совершение преступления с особой жестокостью или издевательством над потерпевшим (п. 7 ст. 39 УК РСФСР) также свидетельствует об особо отрицательных качествах виновного.

Понятие особой жестокости не определено законом.

В Правилах определения степени тяжести телесных повреждений, утвержденных министром здравоохранения РСФСР 4 апреля 1961 г., прямо указывается, что так как понятие «жестокость» не является медицинским, то «особая жестокость» при убийстве не может устанавливаться судебно-медицинским экспертом¹.

Определяя понятие жестокости, Н. С. Лейкина по существу характеризует понятие особой жестокости, о чем свидетельствуют приведенные ею примеры. Она пишет: «Будучи чертой характера, она (жестокость.— Авт.) может проявиться и в способе совершения преступления (нанесение телесных повреждений способом, особо мучительным для потерпевшего), в создании осо-

¹ На таких же позициях стоит судебная практика.

бой обстановки для осуществления преступления (многократное нанесение матери ножевых ранений в присутствии детей), в поведении после выполнения преступного деяния (расчленение трупа, глумление над близкими потерпевшего)»¹.

Вызывает возражение лишь ее утверждение о том, что расчленение трупа является признаком особой жестокости совершения преступления. Поскольку в законе речь идет об убийстве с особой жестокостью, а не о циничных действиях, совершенных после убийства, то эти действия находятся за пределами состава преступления².

Особая жестокость или издевательство над потерпевшим возможны лишь по делам об умышленных преступлениях. Умысел виновного направлен именно на причинение потерпевшему либо его родным и близким особых мучений или страданий.

Незначительное число случаев специального учета этого обстоятельства по делам о преступлениях против личности объясняется, на наш взгляд, тем, что оно является и квалифицирующим признаком, указанным в ст. 102 УК РСФСР, а поэтому учитывается в этом качестве.

Совершение преступления лицом, находящимся в состоянии опьянения (п. 10 ст. 39 УК РСФСР). Устанавливая повышенную ответственность лица, совершившего преступление в состоянии опьянения, закон предоставляет суду возможность индивидуализировать наказание, исходя из конкретных обстоятельств дела. В частности, он оставляет за судом право в зависимости от характера преступления не признать опьянение обстоятельством, отягчающим ответственность. Такое решение представляется правильным.

При рассмотрении вопроса о влиянии пьянства на отдельные виды преступлений установлено, что оно занимает одно из главных мест среди причин, вызвавших совершение ряда преступлений (особенно убийств, телесных повреждений, изнасилования, побоев и других преступлений против личности, а также хулиганства).

¹ Н. С. Лейкина, указ. работа, стр. 111.

² См. С. В. Бородин, Квалификация убийства по действующему законодательству, М., 1966, стр. 90—92.

Данные проведенного выборочного исследования свидетельствуют о том, что у судов при назначении наказания были достаточные основания для учета состояния опьянения в качестве отягчающего ответственность обстоятельства в отношении значительного числа лиц, совершивших преступления. Однако суды сослались на данное отягчающее обстоятельство только в 4,6% случаев, в том числе по делам о хулиганстве состояние опьянения было признано отягчающим ответственность обстоятельством в отношении 8,6% лиц, совершивших это преступление в состоянии опьянения; по делам о хищениях социалистической собственности — в отношении 8% лиц; по делам о преступлениях против личности — 2,7% лиц; по делам о преступлениях против личной собственности граждан — в отношении 2,4% лиц.

По данным некоторых исследований, состояние опьянения признавалось отягчающим примерно по 55% изученных дел о хулиганстве, по которым оно было установлено¹.

В процессе исследования нами выяснялось мнение практических работников о том, в каких случаях суд вправе не признать совершение преступления в нетрезвом состоянии обстоятельством, отягчающим ответственность. Было опрошено 254 судьи, прокурора и адвоката.

Большинство опрошенных, на наш взгляд, правильно считают, что состояние опьянения не может усиливать ответственность лишь в случаях: 1) когда оно было случайным, 2) когда преступление было совершено несовершеннолетним, которого «споили» и втянули в совершение преступления².

Злоупотребление алкоголем не только отрицательно характеризует личность, ссылаясь на ее производственной деятельности, поведении в быту, но и, как показывают криминологические исследования, создает условия или служит непосредственной причиной совершения преступлений. Поэтому вопрос о том, злоупот-

¹ См. «Личность преступника», стр. 184.

² Речь идет, таким образом, не о всех и даже не о большинстве подростков, которые совершили преступление в нетрезвом виде, а лишь о случаях, когда они были вовлечены в употребление спиртных напитков взрослыми или другими лицами, имевшими на них влияние.

реблял ли подсудимый алкоголем, всегда должен быть в сфере внимания суда.

Представляется, что с учетом особой криминогенности пьянства и значения этого факта для характеристики личности виновного отказ от признания состояния опьянения отягчающим обстоятельством всегда должен быть мотивирован в приговоре суда как исключительный случай.

Обязательность мотивировки позиции суда во всех случаях, когда состояние опьянения не признается отягчающим обстоятельством, поможет изжить необоснованные отказы от учета этого обстоятельства.

Глава VII

УЧЕТ ИНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА, ПРИ НАЗНАЧЕНИИ НАКАЗАНИЯ

§ 1. Значение данных, характеризующих личность, но не включенных в перечень смягчающих и отягчающих обстоятельств

1. Как уже отмечалось, формулировка ст. 32 Основ (ст. 37 УК РСФСР) предполагает, что суд при назначении наказания, учитывая личность виновного, не ограничивается учетом смягчающих и отягчающих обстоятельств, перечисленных в законе. Именно поэтому в ст. 68 УПК РСФСР устанавливается, что доказыванию подлежат «обстоятельства, влияющие на степень и характер ответственности обвиняемого, указанные в статьях 38 и 39 Уголовного кодекса РСФСР, а также иные обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого» (разрядка наша. — Авт.).

Однако ни в уголовном, ни в уголовно-процессуальном законе не содержится конкретных указаний, что следует понимать под иными обстоятельствами, характеризующими личность виновного. В руководящих постановлениях пленумов Верховных Судов СССР и союзных республик, посвященных вопросам назначения наказания, рекомендация «учитывать личность» подсудимого также, как правило, дается в общей форме, без раскрытия содержания этого понятия. Лишь в некоторых постановлениях в качестве примера названы отдельные обстоятельства. Так, предлагается учитывать безупречное поведение обвиняемого на производстве и в быту до совершения преступления, данные о его семейном положении, занятиях, о его прошлом, а также

иные сведения, положительно или отрицательно характеризующие подсудимого¹.

Обращаясь к судебной практике, мы видим, что ссылки в приговорах на «иные обстоятельства», характеризующие личность, встречаются чаще, чем ссылки на смягчающие и отягчающие обстоятельства, названные в законе. Причем среди «иных обстоятельств» в свою очередь можно выделить две группы: 1) обстоятельства, представляющие по существу разновидность, детализацию тех, которые названы в ст. ст. 33—34 Основ (ст. ст. 38—39 УК РСФСР); 2) обстоятельства, характеризующие личность подсудимого, отличающиеся по своему содержанию от смягчающих и отягчающих обстоятельств, перечисленных в законе.

Обстоятельства первой группы могут быть соотнесены со смягчающими и отягчающими обстоятельствами, названными в законе.

Ссылки на обстоятельства, аналогичные по содержанию названным в законе, составляют 41,3% от всех ссылок в приговорах на обстоятельства, характеризующие личность (от 35,7% до 46,3% по отдельным категориям изученных дел), в том числе а смягчающие — 48,6% и а отягчающие — 30,4%.

В судебной практике несколько трансформируется содержание обстоятельств, которые перечислены в ст. ст. 33—34 Основ и соответствующих статьях Уголовных кодексов. При этом в отношении смягчающих обстоятельств наблюдается тенденция к расширению их содержания (наряду с несовершеннолетием — молодой возраст, наряду с чистосердечным раскаянием — просто признание своей вины и т. д.). Для отягчающих же обстоятельств более характерна другая тенденция: суды стремятся применить такую формулировку конкретного обстоятельства, которая подчеркивает его особо отягчающее значение (наряду со ссылками на повторную судимость ссылки на то, что виновный ранее был неоднократно судим за аналогичные преступления или совершил новое преступление в период отбывания наказания и т. д.).

В отношении обстоятельств этой группы можно сказать, что это по существу те же смягчающие и отягча-

¹ См., например, «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924—1973», стр. 252, 473—474.

ющие обстоятельства, но в несколько измененной формулировке.

2. Вторую группу данных о личности обвиняемого составляют те обстоятельства, для которых нет соответствующих прототипов среди смягчающих и отягчающих обстоятельств, названных в законе (см. табл. 2).

В целом ссылки на обстоятельства этой группы составляют по изученным делам в среднем 42,3% от общего числа ссылок на конкретные обстоятельства (от 31,7% до 48% по различным категориям дел).

Обстоятельства, входящие в данную группу, как правило, тоже влияют на меру наказания в сторону либо его смягчения, либо усиления. В принципе, сведения о личности могут и должны учитываться не только при смягчении и усилении наказания, но и при выборе вида наказания среди двух или нескольких равных (или почти равных) по тяжести. Например, суд может отказаться от назначения исправительных работ студенту вуза и заменить их другим видом наказания, не связанным с лишением свободы, ввиду нецелесообразности применения исправительных работ к учащимся¹.

Задача индивидуализации наказания состоит не только в том, чтобы мера наказания соответствовала тяжести содеянного, но и в том, чтобы избрать наиболее рациональный путь исправления и перевоспитания виновного в пределах одной и той же степени тяжести наказания. Надо полагать, что дальнейшее развитие системы наказаний, не связанных с лишением свободы, приведет к тому, что этой стороне индивидуализации наказания будет уделяться еще больше внимания.

В настоящее же время суду редко приходится выбирать между равными по тяжести видами наказания, поэтому такая индивидуализация «по горизонтали» играет менее значительную роль, чем индивидуализация «по вертикали».

Обычно одни обстоятельства, характеризующие личность, влияют на меру наказания в сторону смягчения, другие — в сторону усиления, следовательно, по своей роли в процессе индивидуализации наказания они не

¹ См. «Эффективность уголовно-правовых мер борьбы с преступностью», стр. 112—113.

Таблица 2

Иные, характеризующие личность обстоятельства, на которые ссылаются суды при обосновании наказания	Количество ссылок (в %) к общему числу изученных приговоров
1. Положительная социальная характеристика личности:	
а) общая положительная характеристика	3%
б) положительная производственная характеристика	11%
в) занимается общественно полезным трудом (работает, учится)	1%
г) положительно характеризуется в быту	2%
д) отсутствие отклонений от нормального поведения («ни в чем предосудительном замечен не был», «безупречное прошлое»)	1,5%
е) не привлекался к административной ответственности	1%
ж) особые заслуги в прошлом (участие в Отечественной войне, правительственные награды и т. д.)	0,4%
2. Инвалидность, тяжелая болезнь	4%
3. Престарелый возраст	1%
4. Семейное положение (наличие малолетних детей или инвалидов)	11%
5. Прочие смягчающие обстоятельства	0,2%
6. Отрицательная социальная характеристика личности:	
а) общая отрицательная характеристика	2%
б) отрицательная производственная характеристика	10%
в) не занимался общественно полезным трудом, вел паразитический образ жизни	4%
г) систематическое пьянство, злоупотребление спиртными напитками	5%
д) отрицательная характеристика по месту жительства, недостойное поведение в быту, плохое отношение к семье	5%
е) привлекался к административной ответственности	5%
ж) применялись меры общественного воздействия	1,5%
7. Отрицательное поведение после преступления:	
а) не раскаялся в содеянном, не осознал своей вины	2,5%
б) не способствовал раскрытию преступления	0,5%
8. Прочие обстоятельства, отрицательно характеризующие личность	1%

отличаются от обстоятельств, перечисленных в ст. ст. 33—34 Основ и соответствующих статьях Уголовных кодексов.

Как показало изучение судебных приговоров, среди ссылок на смягчающие обстоятельства признаки этой группы составляли 34,4%, а среди ссылок на отягчающие обстоятельства — 54,0%.

3. Учет судами данных о личности, как аналогичных названным в законе смягчающим и отягчающим обстоятельствам, так и отличающихся от них по содержанию, означает по существу, что судебная практика выходит за пределы перечней смягчающих и отягчающих обстоятельств.

Правомерность расширения в судебной практике круга смягчающих обстоятельств не нуждается в особой аргументации, поскольку в ст. 33 Основ (и соответствующих статьях Уголовных кодексов) содержится положение о том, что «при назначении наказания суд может учитывать также смягчающие обстоятельства, не указанные в законе».

Подобного указания нет в ст. 34 Основ (равно как и в соответствующих статьях Уголовных кодексов союзных республик), устанавливающей перечень отягчающих обстоятельств. Это породило распространенное в уголовно-правовой литературе мнение, согласно которому перечень отягчающих обстоятельств является исчерпывающим и выходить за его пределы суд не вправе. Как же сочетать с этим тот факт, что суды ссылаются на не указанные в законе данные о личности как, на основание для усиления наказания или как на обстоятельства, препятствующие его смягчению?

Некоторые авторы не признают за подобными данными, характеризующими личность, значения смягчающих или отягчающих обстоятельств, а рассматривают их как элементы социально-психологической характеристики, которые должны учитываться особо¹. Другие авторы терминологически выделяют рассматриваемые обстоятельства, называя их особенностями личности, «которые суд может положить в основу для смягчения наказания»².

¹ См. Н. С. Лейкина, Личность преступника и уголовная ответственность, автореферат докт. дисс., Л., 1969, стр. 34.

² И. И. Карпец, Индивидуализация наказания в советском уголовном праве, стр. 127.

Представляется, что если данные о личности служат основанием для смягчения наказания, то вряд ли будет правильно противопоставлять их смягчающим обстоятельствам в узком смысле слова (т. е. прямо перечисленным в законе). То же можно сказать и о данных, отрицательно характеризующих личность, которые играют роль отягчающих обстоятельств.

Такое противопоставление опасно тем, что иные обстоятельства, характеризующие личность, невольно будут восприниматься как какие-то второстепенные или неполноценные, не имеющие существенного значения для индивидуализации наказания.

Между тем требование ст. 32 Основ об учете личности относится равно как к данным о личности, входящим в перечни смягчающих и отягчающих обстоятельств, так и к любым другим данным, характеризующим личность.

В связи с одинаковой ролью в процессе индивидуализации разграничить те и другие обстоятельства практически невозможно. Нельзя, в частности, безоговорочно принять предложенный Н. С. Лейкиной критерий разграничения, основанный на том, что перечисленные в законе смягчающие и отягчающие обстоятельства непосредственно связаны с совершенным преступлением, а иные обстоятельства, характеризующие личность, не связаны с ним¹. Во-первых, не все предусмотренные законом смягчающие и отягчающие обстоятельства обязательно связаны с совершенным преступлением (например, несовершеннолетие, беременность, прежняя судимость за неоднородное преступление). Во-вторых, среди учитываемых судом иных обстоятельств встречаются такие, с которыми совершенное преступление может быть тесно связано (паразитический образ жизни, совершение в прошлом административных проступков, злоупотребление спиртными напитками и др.).

Можно ли считать нарушением закона тот факт, что суды при определении наказания ссылаются на такие усиливающие ответственность обстоятельства, характеризующие личность, которые в законе прямо не названы? Как справедливо замечает М. М. Бабаев, «в данном случае имеет место не нарушение, а, напротив, точное

¹ См. Н. С. Лейкина, Личность преступника и уголовная ответственность, стр. 106—107, 113.

исполнение закона»¹. В самом деле, именно в силу закона (ст. 32 Основ, ст. 37 УК РСФСР) суд при назначении наказания обязан учитывать наряду с обстоятельствами дела, смягчающими и отягчающими ответственность, также степень общественной опасности совершенного преступления и личность виновного.

Расширение судебной практикой круга обстоятельств, индивидуализирующих ответственность, наводит на мысль о законодательном дополнении перечней этих обстоятельств. Большой группе судебных и прокурорских работников было предложено высказать свое мнение по этому вопросу. 46% опрошенных считают необходимым расширить в законе перечень смягчающих обстоятельств, а 35% — перечень отягчающих обстоятельств.

Эти предложения заслуживают внимания, и некоторые из обстоятельств, характеризующих личность, которые учитываются судами при назначении наказания, можно было бы включить в перечни смягчающих и отягчающих обстоятельств, например «совершение преступления лицом, психически неполноценным» (смягчающее обстоятельство) или «совершение преступления лицом, уклоняющимся от общественно полезного труда» (отягчающее обстоятельство). Однако анализ конкретных предложений о дополнении перечней указывает на нерациональность использования только такого пути: слишком велико разнообразие обстоятельств, которые практические работники считают необходимым учитывать при индивидуализации наказания.

Перечни смягчающих и отягчающих обстоятельств в законе необходимы, так как они служат определенным ориентиром для судебной практики, способствуя единообразию в оценке тех или иных признаков. Вместе с тем представляется целесообразным, чтобы законодательное закрепление общих начал назначения наказания в ст. 32 Основ сопровождалось бы нормативным разъяснением содержащихся в этой статье указаний о том, что именно должен учитывать суд при характеристике личности, раскрытием основных направлений изучения личности судом.

¹ М. М. Бабаев, Индивидуализация наказания несовершеннолетних, стр. 41.

4.
ность
ния?
что у
щие л
права
ры уг
винов
атель
ракте
Не
свойс
для с
неопр
но ве
лишь
ленные
ции на
лично
которы
устано
лифиц
причин
пектов
стояте
ют зна
этих о
ми и
Дл
больш
выраж
особая
тельств
мер, бе
Чре
ности
опреде
раст,
т. д.².

¹ «С
² Б.
и основ
№ 3, стр
16 Заказ

4. Какие же обстоятельства, характеризующие личность, имеют значение для индивидуализации наказания? В литературе можно встретить с утверждением, что учету подлежат все обстоятельства, характеризующие личность. Так, в учебнике Общей части уголовного права, подготовленном авторским коллективом кафедры уголовного права ЛГУ, говорится: «Учесть личность виновного — это значит принять во внимание все обстоятельства, которые позволяют судить о свойствах характера человека»¹.

Не говоря уже о том, что изучение *всех* сведений о свойствах характера человека — задача, непосильная для суда, такая постановка задачи делает ее слишком неопределенной. Изучение личности подсудимого должно вестись строго целенаправленно. Суду необходимы лишь те сведения о личности, которые служат определенным целям, и прежде всего задаче индивидуализации наказания. Существуют и другие аспекты изучения личности подсудимого: выявление данных о личности, которые могут иметь доказательственное значение для установления факта совершения преступления, его квалифицирующих признаков либо служат для выяснения причин и условий совершения преступления. Этих аспектов мы не касаемся. Мы рассматриваем лишь те обстоятельства, характеризующие личность, которые имеют значение для индивидуализации наказания. Круг этих обстоятельств определяется следственными органами и судом индивидуально по каждому делу.

Для оценки общественной опасности личности наибольшее значение имеют обстоятельства, нашедшие выражение в совершенном преступлении (например, особая жестокость), но могут иметь значение и обстоятельства, прямо не связанные с преступлением (например, безупречное прошлое).

Чрезмерно расширяя понятие общественной опасности преступника, Б. В. Волженкин считает, что она определяется и на основе таких обстоятельств, как возраст, состояние здоровья, характер, темперамент и т. д.².

¹ «Советское уголовное право. Общая часть», М., 1969, стр. 306.

² Б. В. Волженкин, Общественная опасность преступника и основание уголовной ответственности, «Правоведение» 1963 г. № 3, стр. 93.

Названные обстоятельства, конечно, имеют значение для индивидуализации наказания, но безотносительно к общественной опасности преступника.

Проведенное нами выборочное изучение дел показывает, что наибольшее число обстоятельств, учитываемых судом, относится к социальной характеристике подсудимого. Это в первую очередь общественно-производственная и социально-бытовая характеристики, наличие в прошлом особых заслуг, семейное положение, сведения о совершенных в прошлом преступлениях и проступках. Социальная характеристика личности может учитываться и как смягчающее, и как отягчающее обстоятельство.

Психофизическая характеристика учитывается только при наличии определенных аномалий (инвалидность, тяжелая болезнь, психическая неполноценность). Она не может служить отягчающим обстоятельством.

Не удалось установить сколько-нибудь заметного влияния на индивидуализацию наказания собственно психологической характеристики подсудимого, к которой обычно относятся особенности характера, темперамент, привычки и интересы лица. Практически суды учитывают лишь те особенности психологии подсудимого, которые проявились в социально-значимом поведении и нашли отражение в социальной характеристике.

§ 2. Учет обстоятельств, относящихся к социальной характеристике личности

1. Преступление как человеческий поступок само по себе в значительной мере характеризует личность подсудимого. Основанием для вывода об определенных свойствах личности преступника служат данные о характере совершенного преступления, о примененном способе, мотивах и т. п. Однако эти данные играют самостоятельную роль в процессе индивидуализации наказания. Было бы неправильно представлять процесс индивидуализации наказания таким образом: от оценки степени общественной опасности деяния к оценке степени общественной опасности личности и от нее — к выбору меры наказания.

Оценка личности и оценка деяния в целях индивидуализации наказания взаимосвязаны. Поэтому характер содеянного влияет на оценку личности. Суд крити-

чески воспримет, например, указание в официальной письменной характеристике подсудимого, что он «добросовестно относился к своим обязанностям», «ни в чем предосудительном замечен не был», если по делу установлено, что он систематически совершал хищения, злоупотреблял своим служебным положением.

Особое значение для оценки личности подсудимого имеют мотив и цель совершенного преступления (см. предыдущие главы, § 4 настоящей главы). Конкретный способ совершения преступления также может свидетельствовать об определенных свойствах личности: жестокости, расчетливости, импульсивности и т. п. Таким образом, данные о характере деяния позволяют корректировать сведения о поведении подсудимого до совершения преступления и тем самым способствуют более полной оценке его личности.

Однако, говоря о социальной характеристике подсудимого, мы имеем в виду сведения об особенностях его личности, выразившихся в его поступках, поведении и образе жизни помимо преступления, являющегося предметом самостоятельной судебной оценки. При этом речь идет преимущественно о поведении до совершения преступления.

Определяя подсудимому меру наказания, суд обязан решить вопрос, является ли данное общественно опасное деяние закономерным результатом предшествующего развития личности подсудимого или оно носит случайный характер.

Для ответа на этот вопрос требуется изучить и сопоставить между собой наиболее существенные черты личности, как выразившиеся, так и не выразившиеся в совершенном преступлении:

Факт совершения преступления свидетельствует об отклонении от нормы в поведении человека, но мало говорит о том, насколько тенденция к отклонению от нормального социального поведения присуща данной личности. «Отклонения в поведении могут быть, во-первых, временными и случайными или устойчивыми и характерными для данного лица, во-вторых, парциальными и глобальными, в-третьих, резкими и отчетливо выраженными или, наоборот, стоящими на границе нормы»¹.

¹ А. Г. Ковалев, Психологические основы исправления правонарушителя, М., 1968, стр. 38. Идеальную форму поведения чело-

Установить характер и степень отклонения от нормы поведения невозможно без сопоставления поведения подсудимого, выразившегося в совершенном преступлении, с его поведением до преступления¹, «с оценкой его прошлой жизни и деятельности»².

Сведения о поведении подсудимого до преступления позволяют суду выявить и такие положительные черты его личности, опираясь на которые можно определить наиболее целесообразный путь его исправления и перевоспитания.

Таким образом, поведение лица до преступления учитывается при назначении наказания всегда в сопоставлении с поведением, выразившимся в преступлении. Суд вправе смягчить наказание, если преступление является случайным эпизодом в жизни данного лица и если в его личности имеются положительные черты, облегчающие и ускоряющие процесс исправления и перевоспитания. С другой стороны, суд вправе назначить более строгое наказание, если оно необходимо для реализации целей, указанных в ст. 20 Основ, с учетом того, что преступление явилось закономерным результатом развития личности и если в этой личности преобладают отрицательные черты, выразившиеся как в совершенном преступлении, так и в предшествующем поведении. Такого рода учет прежнего поведения подсудимого не означает, разумеется, назначения наказания за это поведение, а представляет собой именно индивидуализацию наказания за преступление с учетом личности.

2. Из числа сведений о прежнем поведении подсудимого наибольшее значение для индивидуализации наказания имеют данные о совершении им в прошлом преступлений или административных проступков, об

века в обществе, пишет А. Г. Ковалев, составляют «система оформленных юридически законов и общепризнанные в определенной социальной среде правила морали». Исходя из этого под отклонением от нормы понимается «несоответствие поведения или развития личности общественным требованиям, выраженным в социальных установлениях — законах и моральных правилах» (там же, стр. 36, 38).

¹ См. И. И. Карпец, О некоторых вопросах методологии в уголовном праве и криминологических исследованиях, «Советское государство и право» 1964 г. № 4, стр. 101.

² И. И. Карпец, Проблема преступности, М., 1969, стр. 100 (разрядка наша. — Авт.).

участии его в общественно полезном труде, его общественно-производственная и бытовая характеристики.

Судить о том, насколько устойчивым является отклонение поведения подсудимого от норм поведения, принятых в обществе, можно на основании того, допускались ли им подобные отклонения в прошлом. Поэтому так важно суду иметь подробные сведения о прежних преступлениях и иных правонарушениях виновного.

Для социальной характеристики личности подсудимого не менее важен сам факт совершения им в прошлом преступления, чем наличие или отсутствие судимости. Судимость может быть снята с лица актом амнистии или помилования сразу же после отбытия наказания или одновременно с освобождением от дальнейшего отбывания наказания. Такая судимость не должна учитываться при квалификации деяния. Однако снятие судимости не аннулирует преступление как поступок человека, по которому можно судить о свойствах его личности, о том, насколько его поведение отклоняется от нормы.

Оценка ранее совершенного преступления с этой точки зрения предполагает обязательное сопоставление его с последующим поведением подсудимого до совершения им нового преступления. Антиобщественный образ жизни и другие отклонения от нормального поведения в сочетании с совершенным ранее преступлением усугубляют отрицательную оценку личности. Совершение же нового преступления вскоре после освобождения от наказания свидетельствует об устойчивости отклонений от нормы и отсутствии стремления встать на путь честной трудовой жизни.

С другой стороны, положительное поведение подсудимого в течение длительного времени после отбытия наказания за совершенное в прошлом преступление ослабляет влияние этого обстоятельства на оценку личности.

Таким образом, совершение в прошлом преступления входит в социальную характеристику личности подсудимого и должно оцениваться судом, определяющим наказание, с учетом времени, прошедшего после совершения преступления, и поведения лица в этот период.

Совершение преступления, судимость за которое снята или погашена в установленном порядке, может быть учтено судом при оценке личности в том случае;

если сопоставление этого обстоятельства с другими данными о личности обнаруживает постоянство и устойчивость антиобщественного поведения лица.

В ходе опроса работников суда и прокуратуры 73% высказались за целесообразность учета при назначении наказания всех судимостей, в том числе снятых и погашенных. Такая позиция практических работников заслуживает поддержки при тех условиях, которые рассмотрены выше. Кроме того, следует иметь в виду, что погашение судимости свидетельствует о том, что после совершения преступления прошло значительное время, а это, как сказано, снижает значение ранее совершенного преступления для оценки личности. Поэтому практически речь идет о преступлениях, судимость за которые снята вскоре после отбытия наказания.

Для оценки поведения подсудимого, предшествовавшего совершению преступления, имеют значение также данные о привлечении его к административной ответственности за такие правонарушения, как мелкое хулиганство, мелкая спекуляция и т. п. К сожалению, сведения о том, привлекался ли подсудимый в прошлом к административной ответственности, содержатся далеко не в каждом уголовном деле, хотя их значение для индивидуализации наказания бесспорно. По данным нашей выборки, факт применения к подсудимому в прошлом административно-правовых мер воздействия использовался судом при обосновании меры наказания по 59% дел, где такие сведения имелись.

3. Личность проявляет себя в разных отношениях. Из них наибольшее значение для социальной характеристики личности имеет, как было показано в предыдущих главах, ее отношение к участию в общественном производстве.

Уклонение от трудовой деятельности нередко создает условия для совершения преступлений, может играть роль и непосредственной причины преступления. «Уклонение от участия в общественном труде, помимо того, что оно само по себе есть аморальная и антиобщественная позиция личности, затрудняет перевоспитание подобного лица, усиливает у него индивидуалистические взгляды»¹.

¹ А. Б. Сахаров, О личности преступника и причинах преступности в СССР, стр. 124.

Опасность тунеядства состоит еще и в том, что хотя такие лица составляют сравнительно небольшую часть населения, однако своим антиобщественным поведением они оказывают вредное влияние на других неустойчивых членов общества, нередко вовлекают в преступную деятельность молодых людей и подростков.

Паразитический образ жизни подсудимого, уклонение его от общественно полезного труда, как правило, свидетельствуют о повышенной общественной опасности лица, поэтому правильно поступают те суды, которые учитывают это обстоятельство при индивидуализации наказания.

Иногда следственные органы и суды ограничиваются лишь констатацией того факта, что подсудимый — лицо без определенных занятий. При этом не выясняется, сколько времени и по какой причине подсудимый не работал, на какие средства существовал.

Неучастие в общественно полезном труде служит сигналом о наличии у данного лица паразитических наклонностей. Обычно между этими явлениями существует прямая связь. В то же время встречаются случаи, когда лицо перед совершением преступления временно не работало в силу уважительных причин. Поэтому без проверки причин, по которым подсудимый не работал и не учился, нельзя в приговоре ссылаться как на отягчающее обстоятельство на тот факт, что подсудимый — лицо без определенных занятий.

Помимо выяснения причин, по которым подсудимый не занимался общественно полезной деятельностью перед совершением преступления, необходимо устанавливать также, где и как он работал или учился до того, как прекратил общественно полезную деятельность. Таким путем можно определить, является ли неучастие в труде на благо общества устойчивым жизненным стереотипом для подсудимого или оно носит случайный характер.

Весьма показательными в этом отношении явились бы данные о трудовом стаже подсудимого. К сожалению, по многим делам такие данные не выделяются.

4. Уклонение от общественно полезного труда — явление исключительное в социалистическом обществе. Поэтому среди подсудимых подавляющее большинство составляют лица, которые до совершения преступления работали либо учились.

Для характеристики личности подсудимого важно установить, как он относится к трудовой деятельности, ибо отношение к труду во многом характеризует и отношение к обществу в целом.

Совокупность сведений о производственной и общественной деятельности человека, о его поведении в трудовом коллективе обычно называют производственной характеристикой в отличие от бытовой характеристики, отражающей поведение лица вне производства, в семье, по месту жительства. Поскольку в этих характеристиках должны отражаться не все свойства личности, а те из них, которые представляются социально значимыми, то правильнее было бы говорить об общественно-производственной и общественно-бытовой (или социально-бытовой) характеристиках¹.

Проведенное нами изучение показало, что в материалах уголовных дел такие характеристики имелись в отношении 51,4% осужденных, что свидетельствует о повысившемся внимании следователей и судов к изучению личности обвиняемых.

Вместе с тем отсутствие во многих из изученных дел сведений, касающихся общественно-производственной и социально-бытовой характеристик обвиняемых, несомненно, затрудняло индивидуализацию наказания, что говорит о необходимости усилить внимание к получению и использованию в судебной практике данных, характеризующих подсудимого как члена производственного и бытового коллективов.

Нелишне подчеркнуть, что под характеристикой здесь понимается не обязательно официальный письменный документ, а вся совокупность сведений о поведении подсудимого на производстве и в быту независимо от источника.

Основным источником сведений, касающихся общественно-производственного лица подсудимого, является официальная письменная характеристика, выданная по месту его работы, как правило, после совершения преступления. Реже такие данные содержатся в других письменных документах (протоколы собраний, хода-

¹ Термины «общественно-производственная характеристика» и «общественно-бытовая характеристика» употребляются в упомянутой работе Н. С. Лейкиной и в работе Н. Т. Ведерникова «Изучение личности преступника в процессе расследования», Томск, 1968.

тайств
редко
казани
Св

судим
показ
и сос
На

докум
ристи
хулиг
справ
письм
токол

ракте
о пов
ниже
нару
ми, с
ракте
торы
ты вр
колл
довой

На
дел,
вая х
опред
водил
чалис
ло в
телей

Ре
стик

Сведе

1. О
конкр
показа

тайства коллективов, различные справки) и совсем редко в качестве источника сведений используются показания свидетелей.

Сведения о социально-бытовой характеристике подсудимого суд, напротив, черпает преимущественно из показаний свидетелей, главным образом родственников и соседей.

На втором месте стоят различные письменные документы, не являющиеся официальной характеристикой (копии постановлений об аресте за мелкое хулиганство, акты судебно-медицинской экспертизы, справки медицинских вытрезвителей, неофициальные письменные характеристики за подписью соседей, протоколы собраний и др.). Официальные письменные характеристики также содержат определенные сведения о поведении подсудимого в быту, но их удельный вес ниже. Обычно это краткие справки о соблюдении или нарушении общественного порядка, выдаваемые жэками, сельсоветами. Более подробные официальные характеристики имелись в отношении тех подсудимых, которые проводили и рабочее время, и свободное от работы время в одних и тех же относительно замкнутых коллективах (колхоз, совхоз, интернат, общежитие, судовой экипаж).

Нами было изучено некоторое количество уголовных дел, в которых содержались производственная и бытовая характеристики виновных. Имевшиеся данные были определенным образом сгруппированы, после чего проводился подсчет, сколько раз в изученных делах встречались сведения той или иной группы, что позволило выяснить удельный вес соответствующих показателей.

Результаты анализа производственных характеристик были сведены в следующую таблицу.

Таблица 3

Сведения, включаемые в общественно-производственную характеристику подсудимого	Удельный вес этих сведений
1. Оценка поведения в целом без последующей конкретизации (характеризуется положительно, показал себя с отрицательной стороны)	4% .

Сведения, включаемые в общественно-производственную характеристику подсудимого	Удельный вес этих сведений
2. Общая оценка отношения к труду (показывал пример в работе, относился добросовестно, удовлетворительно, недобросовестно, халатно и т. д.)	68 %
3. Выполнение производственных заданий (выполняет, не выполняет, на сколько процентов, как выполняет — аккуратно, некачественно и т. д.)	33 %
4. Профессиональная оценка как специалиста (способный, квалифицированный, в совершенстве знает токарное дело, брака в работе не имеет, проявляет большой интерес к технике, машину содержит в отличном состоянии, повышает свое мастерство, ведущий рационализатор, квалификация невысокая, выполняет только несложную работу, профессию осваивает медленно)	15 %
5. Общая оценка дисциплинированности (нарушал или не нарушал дисциплину, имел или не имел замечаний, на замечания не реагирует и т. д.)	48 %
6. Сведения о прогулах и опозданиях (были, не было, число прогулов)	24 %
7. Сведения о поощрениях и взысканиях, в том числе о применении мер общественного воздействия (имел, не имел, общее число, за что)	35 %
8. Сведения о злоупотреблении спиртными напитками (появляется на работе в пьяном виде, пьянствовал в рабочее время, в нетрезвом виде не замечался т. д.)	27 %
9. Участие в общественной жизни коллектива (не участвовал, участвовал, насколько активно, выполняемая общественная работа)	37 %
10. Взаимоотношения с товарищами по труду (вежлив, внимателен, груб, вел себя вызывающе, затевал сооры, хороший товарищ в коллективе, пользуется уважением, оказывает помощь в работе, делится опытом и т. д.)	27 %
11. Указания на отдельные черты характера (любопытность, скромность, общительность, инициативность, замкнутость, вспыльчивость, несдержанность и т. д.)	3 %
12. Прочие сведения (совмещение работы с учебой, поведение в нерабочее время, привлечение к административной ответственности, указание на прошлые заслуги и др.)	15 %
13. Ссылка на невозможность охарактеризовать поведение (работает недавно, ничем себя не проявил)	2 %

Некоторые группы сведений имеют большее значение для индивидуализации наказания, другие (например, профессиональная оценка) — меньшее. В целом же совокупность всех этих показателей позволяет суду составить достаточно полное представление об общественно-производственной характеристике личности подсудимого, необходимое для индивидуализации наказания.

Правда, каждый из показателей в отдельности был представлен далеко не в каждой индивидуальной характеристике. В двух случаях из трех отсутствовали сведения о взысканиях и поощрениях, о выполнении производственных заданий, об участии в общественной жизни, в трех случаях из четырех не было данных о взаимоотношениях подсудимого с товарищами по труду и т. д.

Обращает на себя внимание почти полное отсутствие данных о том, как подсудимый относился к социалистической собственности. Сведения о дисциплинарных проступках и наложенных взысканиях обычно не сопровождаются указанием на то, как виновный воспринимает взыскания, как оценивает собственные проступки, реагирует на замечания.

Таким образом, основной недостаток исследованных характеристик — их неполнота, отсутствие сведений по некоторым важнейшим показателям. Второй недостаток — преобладание общих оценок вместо указаний на конкретные данные о поведении подсудимого, на конкретные свойства его личности. Официальная письменная характеристика — документ, который по своей природе предполагает общую оценку, но не должен сводиться к ней. Из таблицы же видно, что в характеристиках чаще встречаются общие оценки отношения к труду и дисциплинированности, чем указания на конкретные факты и свойства личности.

В случае неполноты, неконкретности, противоречивости характеристик, а также при наличии сомнений в их объективности суд имеет определенные возможности к их восполнению и проверке. К числу таких возможностей относятся:

- 1) истребование подробной развернутой характеристики по запросу, в котором конкретно указано, какие сведения интересуют суд;

- 2) использование других документов, имеющих в деле или истребуемых судом;

- 3) допрос свидетелей;
- 4) непосредственное наблюдение поведения подсудимого в судебном заседании.

Следует обратить внимание на явную недооценку многими судами и следователями свидетельских показаний в качестве источника сведений, касающихся общественно-производственной характеристики подсудимого (по нашим данным, свидетельские показания использовались в этих целях в 6% случаев). Между тем именно свидетельские показания в ряде случаев могут позволить суду получить более конкретное представление о личности подсудимого, его общественно-производственной характеристике. Такие показания можно получить от членов коллектива, в котором трудился виновный, в том числе и от авторов письменной характеристики, а также от всех других лиц, знавших его.

5. Необходимым дополнением общественно-производственной характеристики служит социально-бытовая характеристика подсудимого. Нередко изучение поведения человека вне производства позволяет полнее раскрыть его внутренний мир, причем иногда совершенно неожиданным образом¹.

Между тем возможность изучения социально-бытовой характеристики используется судами и следователями недостаточно. Свыше половины изученных нами дел вообще не содержали никаких сведений о поведении подсудимого в быту.

Анализ социально-бытовых характеристик, имеющих в изученных нами делах, показал, что включаемые в них сведения распределяются следующим образом:

Т а б л и ц а 4

Сведения, включаемые в социально-бытовую характеристику подсудимого	Удельный вес этих сведений
1. Общая оценка поведения в целом без последующей конкретизации (в быту ведет себя хорошо, характеризуется отрицательно, ведет нормальный образ жизни, поведение хорошее и т. п.)	24 %

¹ См. И. И. Карпец, Проблема преступности, стр. 52.

Сведения, включаемые в социально-бытовую характеристику подсудимого	Удельный вес этих сведений
2. Указание на отсутствие отклонений от нормального поведения (хулиганских поступков не допускал, жалоб не поступало, замечаний не имел, ничего плохого сказать нельзя и т. п.)	21 %
3. Отношение к семье (хороший или плохой семьянин, как относится к родителям, жене, детям, устраивал ли скандалы в семье и т. д.)	34 %
4. Отношение к окружающим (вежлив, внимателен, дерзок, груб, склонность к скандалам, сквернословие)	28 %
5. Сведения о нарушениях общественного порядка и принятых мерах (привлечение к административной ответственности за мелкое хулиганство, рассмотрение дел о проступках в товарищеских судах, в комиссии по делам несовершеннолетних и т. д.)	12 %
6. Сведения о злоупотреблении спиртными напитками (злоупотреблял или не злоупотреблял, систематически пьянствовал, в пьяном виде не замечался, лечился от алкоголизма, неоднократно доставлялся в вытрезвитель и т. д.)	47 %
7. Интересы, склонности, использование свободного времени	10 %
8. Сведения об условиях воспитания (главным образом в отношении несовершеннолетних)	10 %
9. Указания на отдельные черты характера (скромность, неуравновешенность, отзывчивость и т. д.)	8 %
10. Прочие сведения	7 %

Как видно из приведенных данных, во многих бытовых характеристиках общие оценки преобладают над конкретными сведениями о поведении подсудимого. Достаточно распространены также характеристики, содержащие указания на отсутствие видимых отклонений. Две трети характеристик не содержат сведений об отношении подсудимого к семье. Каждые три характеристики из четырех не содержат данных о том, как вел себя подсудимый по отношению к окружающим.

Недопустимо малое значение придается изучению вопроса о том, как использует подсудимый свое свободное время, каковы его обычные занятия, чем он интересуется. Разумеется, наказание не индивидуализируется в прямой зависимости от того, ходил ли подсудимый

в кино, читал ли книги или занимался спортом. Однако установление характера потребностей и интересов подсудимого и способа их удовлетворения позволяет суду получить более полное представление о личности преступника, ее социальной или антисоциальной направленности, что необходимо для выбора наиболее рационального пути его исправления и перевоспитания.

Все, что говорилось о возможных путях восполнения в суде производственной характеристики, вполне применимо и к характеристике социально-бытовой. Особое внимание при этом должно быть уделено показаниям свидетелей из числа лиц, составляющих ближайшее окружение подсудимого.

6. В социально-бытовой характеристике, так же как и в общественно-производственной, значительное место должно отводиться сведениям о злоупотреблении спиртными напитками с учетом высокой криминогенности этого обстоятельства. Однако судя по изученным нами делам, суды и следователи не всегда уделяют этому должное внимание. Более чем в трети всех изученных дел подобные сведения полностью отсутствуют.

Число лиц, в отношении которых выяснялся вопрос, не склонны ли они к злоупотреблению алкоголем, даже меньше числа лиц, совершивших преступления в состоянии опьянения. Так, в делах о хулиганстве, которое совершается почти исключительно в нетрезвом состоянии (по данным нашего исследования — 97,9%), сведения об употреблении алкоголя отсутствовали в 58% случаев. Нет, как правило, таких сведений в делах о хищениях социалистического и личного имущества (44,3 и 33,6% изученных дел соответствующих категорий).

Суды не всегда используют также предоставленное им ст. 62 УК РСФСР право наряду с наказанием применять к осужденным алкоголикам и наркоманам принудительное лечение.

7. Говоря об оценке социального поведения подсудимого, мы касались прежде всего обстоятельств, характеризующих поведение лица до совершения преступления. Однако в тех случаях, когда преступление представляет собой не единовременный акт, а имеет некоторую протяженность во времени (длящееся, продолжаемое преступление или цепь последовательно совершаемых единичных преступлений), необходимо оценить

также поведение подсудимого, выходящее за рамки преступления, и в этот период. Судебной оценке подлежит также поведение виновного после совершения преступления (особенно в тех случаях, когда он не сразу был привлечен к ответственности) и даже после осуждения (когда оценка дается при пересмотре дела спустя определенное время после приговора). Верховный Суд СССР и Верховный Суд РСФСР в своей практике последовательно учитывают при индивидуализации наказания поведение подсудимого после совершения преступления¹.

Иногда суды ссылаются как на отягчающее ответственность обстоятельство на то, что подсудимый «не признал себя виновным», «не был искренним перед судом», «своим поведением не способствовал раскрытию преступления» и т. п. Такого рода ссылки встречались в 5,6% приговоров, вынесенных с учетом конкретных данных о личности.

В подобной практике находит отражение неправильная оценка непризнания подсудимым своей вины. Отрицание подсудимым своей вины, выражение им несогласия с предъявленным обвинением — один из способов защиты, и было бы несправедливо считать, что ответственность виновного должна быть повышена только потому, что он избрал именно этот способ защиты.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР в определении по делу Б. указала, что непризнание подсудимым вины не является отягчающим обстоятельством и ссылка на это обстоятельство в приговоре является нарушением закона².

Иначе следует оценивать такое поведение подсудимого в суде, которое характеризует повышенную степень общественной опасности его личности (дерзкое поведение, свидетельствующее об упорном нежелании встать на путь исправления и пренебрежении к общественному мнению, бравирование совершенным преступлением и т. п.). Представляется, что это обстоятельство

¹ См., например, «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1960 г. № 2, стр. 8; 1968 г. № 3, стр. 33; «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1969 г. № 4, стр. 10, 14; 1969 г. № 8, стр. 10.

² См. «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1970 г. № 4, стр. 9—10. См. также «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1969 г. № 2, стр. 13, определение по делу Ж.

наряду с другими данными о личности может быть при прочих условиях учтено судом при определении преступнику меры наказания. В ходе проведенного опроса практических работников юстиции (судей, прокуроров, адвокатов) выяснилось, что 55% из них считают необходимым учитывать при назначении наказания, в частности, вызывающее поведение подсудимого в судебном заседании. Разумеется, такая оценка требует внимательного и осторожного подхода. Как заискивание преступника перед судом не всегда свидетельствует о его подлинном раскаянии, так и ложная напускная бравада не может расцениваться как свидетельство его неисправимости и служить отягчающим обстоятельством.

С другой стороны, судебное разбирательство способно так повлиять на психологию подсудимого, что может стать началом его нравственной перестройки. Определить это может суд в ходе самого процесса.

Возможности суда непосредственно наблюдать поведение подсудимого вообще ограничены рамками судебного заседания. Основным источником сведений о его личности, как отмечалось, являются письменные документы, показания свидетелей и другие доказательства, в которых отражаются не только факты, но и особенности восприятия этих фактов другими лицами, а нередко и предвзятые оценки. Поэтому поведение подсудимого в процессе, несмотря на то что судьи наблюдают его непродолжительное время и в довольно специфической обстановке, имеет определенное значение для оценки судом личности подсудимого.

§ 3. Учет психических и физических аномалий личности

1. В соответствии с общим требованием ст. 32 Основ об учете личности виновного при назначении наказания суд должен установить, нет ли у виновного какой-либо физической или психической аномалии даже в случаях, когда вменяемость лица не вызывает сомнения. Уяснение этих свойств необходимо, в частности, для решения таких вопросов, как: не способствовало ли наличие у лица той или иной аномалии его преступному поведению; должен ли суд, назначая виновному нака-

знание, учитывать и, если должен, то в качестве обстоятельства, всегда смягчающего или отягчающего ответственность, наличие у виновного соответствующей аномалии; какие условия отбытия таким лицом наказания могут максимально способствовать достижению его целей.

Советской криминологической наукой установлено, что никакой неизбежности антиобщественного поведения в связи с физическими дефектами не существует¹. Но соответствующим образом опосредствованные физические особенности лица (и, в частности, физические аномалии) могут, однако, быть условиями «для всякого человеческого поведения, в том числе и антиобщественного»².

Точно так же поведение человека хотя и не определяется патологическими чертами его психики, но такие черты могут быть условиями, способствующими его антиобщественному поведению³.

Таким образом, физические или психические аномалии лица сказываются или во всяком случае могут сказаться на его поведении, в том числе и на антиобщественном.

Например, можно предположить, что возбудимый психопат или хронический алкоголик, для которых характерны недостаточность внутреннего торможения, несдержанность, бурные эффективные разряды, скорее совершит хулиганство или преступление против личности, чем какое-либо иное преступление. Иначе говоря, не создавая неизбежности преступного поведения, физическая или психическая аномалия может проявиться в той или иной мере в этом поведении, может в нем «присутствовать»⁴.

Опрос практических работников по поводу того, нужно ли смягчать или, наоборот, усиливать наказание лицам, имеющим не исключаяющие вменяемости психо-

¹ См., например, В. Н. Кудрявцев, Причинность в криминологии, М., 1968, стр. 60—61.

² В. Н. Кудрявцев, Социальная обусловленность преступного поведения и роль биологических факторов, «Социалистическая законность» 1967 г. № 6, стр. 50.

³ См. Д. Р. Лунц, Оценка судом психических аномалий обвиняемого, не исключаяющих вменяемости, «Правоведение» 1968 г. № 2, стр. 86.

⁴ И. И. Карпец, Проблема преступности, стр. 279.

физические аномалии, показал, что 26% из них считали, что наказание в этих случаях должно быть смягчено. С другой стороны, 7,5% полагали, что наказание должно быть более тяжким, так как причиной таких аномалий, по их мнению, часто является злоупотребление алкоголем.

Представляется, что, если аномалия явилась результатом какой-либо антиобщественной привычки лица, например результатом пристрастия к алкоголю, наказание при прочих возможно равных обстоятельствах не должно смягчаться. Наоборот, более мягким может быть наказание, назначаемое лицу, имеющему психофизическую аномалию, явившуюся результатом таких общежитийских, независящих от виновного обстоятельств, как болезнь, травма и т. п., и затрудняющую избирательность поведения в определенных ситуациях или (и) отбывание определенного наказания.

Имея в виду значение учета судом при назначении наказания психофизических аномалий, их фиксация в уголовных делах должна, как представляется, быть признана обязательной. Не менее четко следует фиксировать и этиологию таких аномалий.

2. Как показали материалы практики, виды встречающихся аномалий и их этиологию условно можно разделить на три основные группы.

К первой группе можно отнести хронических алкоголиков и наркоманов, причиной аномалии психики которых является злоупотребление алкоголем или другими токсическими (наркотическими) веществами. Среди этих лиц подавляющее число составляют хронические алкоголики или лица, пристрастные к употреблению алкоголя, злоупотребляющие им. Такие лица в основном совершают хулиганство, хищения социалистического имущества или кражи личного имущества граждан.

Близко примыкающей к ним является группа осужденных, аномалии психики которых хотя и не являлись результатом злоупотреблений алкоголем, но были, как отмечалось в актах судебно-медицинской и судебно-психиатрической экспертиз, «осложнены», «усугублены» злоупотреблением спиртными напитками. Это главным образом психопаты, как правило склонные к употреблению алкоголя или других возбуждающих веществ.

указ
ках.
ност
борь
дова
нос
как
явл
рен
сове
был
ник
нов
ным
ной
псих
точн
моз
ств
дени
сом
ния
рав
быт
аном
тате
указ
вие
в ре
мож
3
знач
ли
нию
нива
аном
был
опья
или
17*

Несмотря на различную этиологию аномалий лиц указанных групп, по существу речь идет об алкоголиках. Это еще раз подтверждает важность и своевременность принятых в последние годы мер по усилению борьбы с пьянством и алкоголизмом, значимость последовательного проведения их в жизнь и путем деятельности судов по борьбе с преступностью.

Качественно отличающимися от первых двух групп как по видам аномалий психики, так и по их этиологии являются лица, которых можно отнести в третью группу.

Аномалии психики этих лиц явились следствием перенесенного ранее (в детстве или во всяком случае до совершения преступления) тяжелого заболевания, либо были врожденными особенностями психики, либо возникли вследствие каких-либо иных, независящих от виновных обстоятельств. Сюда относятся лица с остаточными явлениями органического заболевания центральной нервной системы, травматические энцефалопатии, психопаты с умственной недостаточностью, лица с остаточными явлениями органического поражения головного мозга и некоторые другие.

Представляется, что наличие такой, хотя и опосредствованной связи между характером преступного поведения, видом аномалии и характером ее этиологии, несомненно, должно учитываться при назначении наказания.

Причем можно полагать, что при прочих возможно равных обстоятельствах более мягкое наказание может быть назначено виновному, физическая или психическая аномалия которого возникла или развивалась в результате независящих от него обстоятельств. Наоборот, если указанная аномалия возникла или развивалась вследствие отрицательного образа жизни виновного (например, в результате злоупотребления алкоголем), наказание не может смягчаться.

3. Та или иная этиология аномалии имеет большое значение при назначении наказания и в том случае, если виновные имеют одинаковые по своему наименованию аномалии. В самом деле, можно ли одинаково оценивать личность двух виновных, если у одного из них аномалия психики, например травма головного мозга, была получена в затеянной им самим драке, в состоянии опьянения, а у другого — при выполнении гражданского или служебного долга? Представляется, что при прочих

равных условиях этим лицам не может быть назначено одинаковое наказание.

4. Помимо назначения наказания виновным, имеющим психические аномалии, но вменяемым, закон предоставляет суду право применять к некоторым из них медицинские меры, которые помогли бы устранить или ограничить развитие заболевания. Так, в ст. 62 УК РСФСР и соответствующих статьях Уголовных кодексов ряда союзных республик указано, что к совершившему преступление алкоголику или наркоману наряду с наказанием суд может применять принудительное лечение или в соответствующих случаях установить над ним попечительство.

Однако, как показало исследование материалов уголовных дел, эта предоставленная законом возможность реализуется судом крайне скупо, не превышая 18%. Очевидно, что ст. 62 УК РСФСР должна использоваться судами значительно чаще. При всех условиях виновные, имеющие те или иные не исключающие вменяемость аномалии психики, «нуждаются в создании наиболее благоприятной обстановки для компенсации их психической недостаточности, предупреждения ухудшения их состояния и адаптации к режиму ИТУ в целях их наиболее эффективного включения в систему трудовых и воспитательных мероприятий»¹.

Рассматриваемые свойства личности виновных в целом ряде случаев могут ограничить, в частности, возможность участия этих лиц в организуемых для большинства заключенных производственно-трудовых процессах, возможность восприятия ими обычных исправительно-воспитательных мер. Поэтому сама мысль о необходимости для этой категории осужденных более благоприятных соответствующих условий не вызывает сомнения. Однако вопрос о том, какие организационные формы могут быть использованы для создания наиболее благоприятных условий для исправления и перевоспитания указанных лиц, пока еще не решен.

Так, некоторые судебные психиатры и криминалисты полагают, что «психопаты должны содержаться в местах лишения свободы на общих основаниях наравне

¹ Д. Р. Лунц, указ. работа, «Правоведение» 1968 г. № 2, стр. 93.

с остальными заключенными» и что «при этом нужно стремиться не к концентрации их в одном месте, а к распылению по отдельным подразделениям»¹.

Другие, наоборот, считают, что рассматриваемая категория осужденных нуждается в создании специальных исправительно-трудовых учреждений с такими условиями труда и быта и особенностями режима и наблюдения, которые были бы наиболее эффективными именно для данного контингента заключенных².

Представляется, что вторая точка зрения заслуживает тщательной экспериментальной проверки, ибо характер труда и воспитательной работы, а равно медицинское обслуживание этой категории заключенных в силу наличия у них соматических или психических отклонений не могут быть такими же, как у других, так сказать «обычных», заключенных. Однако для решения этого важного и сложного вопроса необходима разработка типологии самих отклонений с тем, чтобы конкретное решение определилось и степенью их выраженности.

Так же следует решать вопрос и об индивидуализации исполнения наказания в отношении лиц, имеющих какие-либо физические аномалии, ибо они тоже нуждаются в таких условиях исправления и перевоспитания, которые могли бы дать максимальный эффект для достижения стоящих перед наказанием целей с учетом особенностей личности конкретных осужденных.

§ 4. Учет мотива и цели преступления

1. Для того чтобы при назначении виновному наказания полнее учесть его личность, в процессе предварительного расследования и рассмотрения дела в суде следует установить мотив и цель совершения им преступного деяния. И это понятно, ибо мотив является одним «из внутренних (психических) элементов механизма лю-

¹ Я. М. К а л а ш н и к, Судебная психиатрия, М., 1961, стр. 315—316. См. также В. С. К р а с у х и н, О содержании психопатов в местах заключения, «Проблемы судебной психиатрии», вып. XVII, М., 1961.

² См. «Правоведение» 1968 г. № 2, стр. 94; М. А. Е ф и м о в, Проблема лишения свободы как вида наказания в законодательстве, судебной и исправительно-трудовой практике, автореферат докт. дисс., М., 1966, стр. 15.

бой человеческой деятельности, как преступной, так и общественно полезной»¹, а цель — «это образ будущего результата действий лица, его мысленное предвосхищение»².

Формируясь под влиянием различных социальных факторов и индивидуальных свойств личности, мотив и цель в определенной мере характеризуют психический облик человека, выражают сущность его личности. Поэтому как различные потребности, жизненные цели, эмоции различных людей (или одного и того же человека в различные периоды его жизни или в различных ситуациях), так различные мотивы и цели их поведения вообще и преступного поведения в частности.

Совершая одни и те же по внешним признакам преступления, люди могут руководствоваться различными мотивами, преследовать различные цели (например, совершая хищение, человек может преследовать цель паразитического существования либо удовлетворения своих минимальных материальных потребностей).

Естественно, что совпадающие или несовпадающие по своему содержанию мотивы и цели действий по-разному характеризуют внутренний, психический облик лица, по-разному раскрывают сущность его личности, что не может не быть учтено судом при назначении ему наказания.

В связи с этим мотив и цель содеянного «являются обстоятельствами, повышающими или уменьшающими общественную опасность преступления, а следовательно, смягчающими или отягчающими ответственность и помогающими правильно определить наказание»³.

Поэтому необходимо, чтобы суды (и органы расследования) не только раскрывали характер мотивов и целей совершения преступлений, но и причины их возникновения, ибо это способствует раскрытию личности виновного, его внутреннего облика.

Многообразие человеческих личностей с их индивидуальными чертами характера, наличие разнообразных жизненных ситуаций нередко приводят к тому, что, совершая преступление, человек может руководствоваться не одним, а сразу несколькими мотивами, причем

¹ В. Н. Кудрявцев, Причинность в криминологии, стр. 134.

² Там же, стр. 136.

³ В. И. Курляндский, Вопросы основания уголовной ответственности, «Вопросы уголовного права», М., 1966, стр. 17.

различ
нию. В
ния, пос
жанию
виновн
мо уяс
основн
ность
брать
ление
При
характ
ступни
предше
Есл
нии ка
вел се
ными
общеж
ны хар
возмож
сурово
ступлен
вовавш
быть на
2. Д
кроме
преступ
мился.
В во
преступ
имеет в
вую оч
основну
текущей
ствуют
лениям
человек
Выст
вой сфе
ления
крытию
1 См.

различными по своему содержанию, характеру и значению. В этих случаях по характеру мотивов преступления, поскольку их несколько и они различны по содержанию и значению, труднее уяснить сущность личности виновного. Очевидно, что в данной ситуации необходимо уяснить характер каждого мотива, выделить из них основной, главный, решающий и, оценив всю совокупность обстоятельств дела и все свойства личности, избрать наказание, максимально обеспечивающее исправление и перевоспитание виновного.

При совершении неосторожных преступлений для характеристики мотивационной сферы личности преступника изучаются характер и мотивы его поведения, предшествовавшего совершению преступления.

Если, например, виновный в неосторожном причинении какого-либо тяжкого телесного повреждения ранее вел себя крайне отрицательно — злоупотреблял спиртными напитками, нарушал правила социалистического общежития и т. п. — и если в содеянном были проявлены характерные черты такого поведения, он при прочих возможно равных обстоятельствах заслуживает более сурового наказания. Наоборот, если неосторожное преступление не было логическим завершением предшествовавшего отрицательного поведения лица, ему может быть назначено более мягкое наказание.

2. Для уяснения личности преступника требуется, кроме того, установить, какую цель при совершении преступления он преследовал, к какому результату стремился.

В возникновении и формировании цели совершения преступления (как и его мотива) большое значение имеет вся совокупность свойств личности, причем в первую очередь ее жизненная ориентация, определяющая основную направленность поведения и «избирающая» в текущей действительности такие цели, которые соответствуют мировоззрению, идеалам, интересам, представлениям о жизненных ценностях, свойственных данному человеку¹.

Выступая как один из элементов психической, волевой сферы деятельности лица, цель совершения преступления является своего рода ключом к уяснению, раскрытию сущности личности преступника.

¹ См. В. Н. Кудрявцев, указ. работа, стр. 138.

Однако встречаются случаи, когда мотив и цель совершения преступления определяются не всем внутренним статусом личности, а прежде всего внешними обстоятельствами. Это обычно бывает тогда, когда преступление совершается в результате неожиданно для виновного возникшей ситуации, непосредственная реакция на которую может выразиться в совершении им действия, не типичного для его личности, хотя в определенной мере и отражающего ее черты (свойства).

Для оценки личности виновного при назначении наказания в такого рода случаях необходимо установить все свойства его личности, принимая во внимание и те, которые выявились в цели совершенного им преступного деяния.

Характер мотива и цели преступления могут совпадать. В этих случаях вследствие одинаковой направленности психическо-волевой сферы деятельности относительно просто уяснить особенности личности виновного. Сложнее это сделать в случае, когда мотив и цель преступления находятся в разных плоскостях. Однако во всех случаях, как на это специально обращал внимание Пленум Верховного Суда СССР, выяснение мотива и цели совершения преступления необходимо по каждому уголовному делу¹.

Учитывая, что суды в целом ряде случаев, даже указывая мотивы совершения преступления, не раскрывают их содержания, Пленум Верховного Суда СССР указал, что суды не должны ограничиваться формулировками в виде неопределенной ссылки на низменные побуждения, а должны в каждом отдельном случае конкретно указывать, в чем именно заключались эти побуждения, толкнувшие виновного на совершение преступления².

§ 5. Учет совокупности данных о личности виновного

1. Все данные о личности виновного, имеющие значение для индивидуализации наказания, о которых гово-

¹ См., например, «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1973», стр. 467, 474.

² См. там же, стр. 474.

рилось выше, должны быть выявлены и зафиксированы в материалах уголовного дела еще в ходе предварительного следствия.

Уголовные дела, по которым недостаточно выяснены обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, должны рассматриваться как неудовлетворительно расследованные.

Результаты проведенного изучения уголовных дел показывают, что работники органов предварительного следствия не всегда соблюдают указанные требования. Лишь о некоторых сведениях установочно-биографического характера (фамилия, имя, отчество обвиняемого, место и год рождения, пол, образование, где и в качестве кого работал) можно сказать, что они отражаются в каждом уголовном деле. Почти каждое уголовное дело содержало также сведения о прежних судимостях и семейном положении виновного, хотя эти сведения часто отличались неполнотой.

Восполнение недостающих сведений о личности подсудимого при рассмотрении дела в суде — задача более сложная, чем выявление соответствующих данных в ходе предварительного расследования.

2. Обеспечению полноты данных о личности виновного способствовало бы введение в практику следственных и судебных органов специальной справки-анкеты о личности виновного. Предложения о необходимости фиксирования данных о личности в специальном документе неоднократно делались в советской юридической литературе.

Справка о личности виновного, на наш взгляд, должна отвечать следующим условиям.

Во-первых, в ней должен быть отражен минимальный объем сведений о личности виновного, которые имеют значение для индивидуализации наказания и которые должны быть выявлены и зафиксированы в каждом случае.

Во-вторых, она должна концентрировать в себе информацию о личности преступника, имеющуюся в уголовном деле, но не служить самостоятельным источником доказательств. В справке-анкете лишь в сжатом виде излагаются те сведения о личности преступника, имеющие значение для индивидуализации наказания, которые содержатся в протоколах допросов, письменных характеристиках, актах экспертиз и других матери-

алах дела. На эти материалы в анкете должны быть сделаны ссылки с указанием листов дела.

Введение в практику подобного документа, несомненно, будет способствовать более целенаправленному и полному установлению сведений о личности виновного и в конечном итоге более последовательному соблюдению принципа индивидуализации наказания судом. Кроме того, направление справок о личности виновного вместе с копией приговора в органы, ведающие исполнением наказания, будет способствовать укреплению принципа индивидуализации наказания и на этой стадии, поскольку плохая информация о личности осужденного значительно снижает качество работы по его исправлению и перевоспитанию.

Примерный образец соответствующего документа был разработан во Всесоюзном институте по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности.

Справка-анкета

о личности обвиняемого (по материалам уголовного дела)¹

Уголовное дело № _____

Прокуратура (орган внутренних дел) _____

Фамилия, имя, отчество обвиняемого _____

№ п/п	Сведения о личности обвиняемого	Источник сведений (л. д.)
1	Возраст в момент совершения преступления	
2	Социальное положение (подчеркнуть): рабочий, служащий, колхозник, учащийся, пенсионер, домашняя хозяйка, лицо без определенных занятий	
3	Общий трудовой стаж	
4	Где и в качестве кого работал к моменту совершения преступления (если не работал, указать, сколько времени и по какой причине не работал, на какие средства жил)	

¹ Справка-анкета составляется на каждого обвиняемого следователем или лицом, производящим дознание, и прилагается к обвинительному заключению. Сведения, включаемые в справку, должны быть основаны на материалах дела со ссылкой на листы дела, содержащие эти сведения (протоколы допросов, письменные характеристики, справки и т. д.). При необходимости п. 26 справки заполняется судом.

№ п п	Сведения о личности обвиняемого	Источник сведений (л. д.)
5	Образование	
6	Партийность (к моменту совершения преступления)	
7	Был ли ранее судим: да, нет (подчеркнуть). В отношении ранее судимых указать, когда и по каким статьям УК ранее был судим, когда и по каким основаниям освобожден, снята ли прежняя судимость, признан ли особо опасным рецидивистом	
8	Привлекался ли к административной ответственности (когда, за что)	
9	Преступление совершено: а) одним лицом, б) в соучастии (подчеркнуть). При соучастии указать общее число соучастников и роль обвиняемого в преступлении	
10	Мотивы и цель преступления	
11	Преступление совершено: а) в трезвом состоянии, б) в состоянии опьянения (подчеркнуть)	
12	Отношение к предъявленному обвинению	
13	Размер причиненного преступлением материального ущерба	
14	Возмещен ли ущерб виновным и в какой сумме	
15	Семейное положение: а) женат (замужем) или холост (незамужем) (подчеркнуть) б) число членов семьи, совместно проживающих с обвиняемым в) число лиц, находящихся на иждивении обвиняемого	
16	Материальное положение (жилищные условия, заработок обвиняемого, размер заработка на каждого члена семьи)	
17	Состояние здоровья (наличие тяжелой болезни, физической или психической аномалии, инвалидности)	
18	Проводилась ли судебно-психиатрическая экспертиза обвиняемого: да, нет (подчеркнуть). Если проводилась, то отмечались ли какие-либо особенности психического состояния обвиняемого	
19	Сведения о поведении на работе (отношение к труду, взаимоотношения с окружающими, участие в общественной работе, допускал ли какие-либо нарушения и привлекался ли за них к дисциплинарной ответственности и т. д.)	
20	Сведения о поведении в быту (отношение к семье, товарищам, соседям и т. д.)	
21	Злоупотреблял ли обвиняемый спиртными напитками или наркотиками, применялось ли к нему принудительное лечение	

№ п п	Сведения о личности обвиняемого	Источник сведений (л. д.)
22	Чем занимался в свободное время (круг интересов, развлечения и т. д.)	
23	Сведения об условиях нравственного формирования личности (где и как учился, в каком окружении воспитывался, имелись ли в семье оба родителя либо только отец или мать и т. д.)	
24	Имелись ли в прошлом особые заслуги перед государством и обществом (участие в Великой Отечественной войне, наличие правительственных наград и т. п.)	
25	Иные сведения о личности подсудимого, имеющиеся в материалах дела	
26	Дополнительные сведения о личности подсудимого, выявленные при рассмотрении дела в суде	

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава I. Понятие личности преступника	
§ 1. Понятие личности преступника	9
§ 2. Личность преступника и смежные понятия. Значение изучения	19
Глава II. Структура и основы классификации личности преступника	
§ 1. Структура личности преступника	30
§ 2. Соотношение социального и биологического в личности преступника	37
§ 3. Проблема классификации преступников	46
§ 4. Особенности классификации несовершеннолетних преступников	57
Глава III. Социальная среда и формирование личности преступников	
§ 1. Общие положения. Значение изучения среды для применения наказания и профилактической работы	68
§ 2. Недостатки воспитания в семье и школе. Учет этих обстоятельств в профилактической работе	77
§ 3. Недостатки воспитательной и хозяйственной деятельности в производственном коллективе. Учет этих обстоятельств в профилактической работе	94
§ 4. Отрицательные влияния в ближайшем бытовом окружении. Учет этих обстоятельств в профилактической работе	110
Глава IV. Социально-демографическая и уголовно-правовая характеристики преступников	
§ 1. Общие положения. Значение для применения наказания и профилактической работы	115
§ 2. Особенности социально-демографической и правовой характеристик несовершеннолетних преступников	132

§ 3. Особенности социально-демографической и правовой характеристик рецидивистов	145
--	-----

Глава V. Нравственно-психологическая характеристика преступников

§ 1. Общие положения. Значение для применения наказания и профилактической работы	154
§ 2. Направленность личности расхитителей	160
§ 3. Направленность личности насильственных и корыстно-насильственных преступников	169
§ 4. Направленность личности несовершеннолетних, совершивших преступления	177

Глава VI. Значение указанных в законе обстоятельств, характеризующих личность виновного, для индивидуализации наказания

§ 1. Общие положения	207
§ 2. Учет судом смягчающих и отягчающих ответственность обстоятельств, характеризующих личность преступника	214

Глава VII. Учет иных обстоятельств, характеризующих личность преступника, при назначении наказания

§ 1. Значение данных, характеризующих личность, но не включенных в перечень смягчающих и отягчающих обстоятельств	234
§ 2. Учет обстоятельств, относящихся к социальной характеристике личности	242
§ 3. Учет психических и физических аномалий личности	256
§ 4. Учет мотива и цели преступления	261
§ 5. Учет совокупности данных о личности виновного	264

145
Pe-
154
160
169
177
207
214
234
242
256
261
264

Л66

Личность преступника. М., «Юрид. лит.», 1975.

272 с.

В книге, написанной на базе криминологических исследований, содержатся теоретические положения и практические рекомендации по вопросам организации профилактической работы с различными категориями правонарушителей, назначения и исполнения наказаний, которые могут быть использованы в деятельности следственных и судебных органов.

Издание рассчитано на следователей, судей, работников органов МВД и КГБ, а также может быть полезно преподавателям и студентам юридических вузов, научным работникам, юристам и социологам, народным заседателям, членам товарищеских судов и народных дружин.

34С5

Коллектив авторов

«ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА»

Заведующий редакцией Я. Я. Свит
Редактор Г. К. Большакова
Младший редактор Т. В. Харламова
Переплет художника А. И. Хисиминдинова
Художественный редактор Э. П. Стулина
Технический редактор Н. Л. Федорова
Корректоры Л. И. Ушанова, Н. А. Гежа

Сдано в набор 4/VI 1975 г. Подписано в печать 31/X 1975 г. Бумага типографская № 3. Формат 84×108¹/₃₂. Объем: усл. печ. л. 14,28; учет.-изд. л: 14,83. Тираж 8000 экз. А-13337; Заказ № 4238. Цена 1 р. 04 к.

Издательство «Юридическая литература», 103064, Москва, К-64,
ул. Чкалова, 38—40.

Областная типография управления издательств, полиграфии и книжной торговли Ивановского облисполкома, г. Иваново-8, ул. Типографская, 6.

т

ва
ниова
ина
ова
ежа

1975 г. Бумага типо-
28; учет.-изд. л: 14,83.
ена 1 р. 01 к.

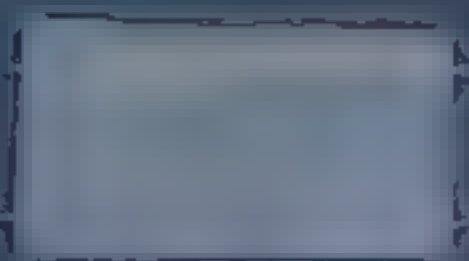
Москва, К-64,

играфии и книжной
ул. Типографская, 6.

1p. 04 r.

ЖИЖИООТЪ ПРРОТНЪА

ВЫХОДЯ ИЗ ДОМА
НЕ ЗАБУДЬТЕ



берегите себя

piccolomage



**Ещё раз повторяю - у приматов с
ОДИНАКОВЫМИ ХАРЯМИ почти
всегда (в 9 случаях из 10) будет
ОДИНАКОВЫЙ ХАРАКТЕР.**

**ОДИНАКОВЫХ приматов с
ОДИНАКОВОЙ внешностью
ОЧЕНЬ МНОГО!**

**Будь внимательней и замечай при общении
с приматами, А ЛУЧШЕ ЗАПИСЫВАЙ в
блокнот - У КОГО КАКОЙ ХАРАКТЕР.**

**Записи дополняй ФОТОГРАФИЕЙ того о
ком идёт описание характера.**

**Ты ОЧЕНЬ БЫСТРО обнаружишь что у
приматов С ОДИНАКОВОЙ ВНЕШНОСТЬ
будут ОДИНАКОВЫЕ характеры!**

**Даже у НЕ РОДСТВЕННИКОВ! Даже у
АБСОЛЮТНО ЧУЖИХ ДРУГ ДРУГУ
граждан!**



Неандертальцы

Неандертальцы, ископаемые древние люди, создавшие археологические культуры раннего палеолита. Скелетные остатки неандертальцев открыты в Европе, Азии и Африке. Время существования 200 — 35 тыс. лет назад. Как установили исследования генетического материала неандертальцев, они, видимо, не являются прямыми предками современного человека.



Портреты Пещерных говорящих приматов из книги «люди Каменного века», автор М.М. Герасимов. 1964 г.

они действительно вымерли?

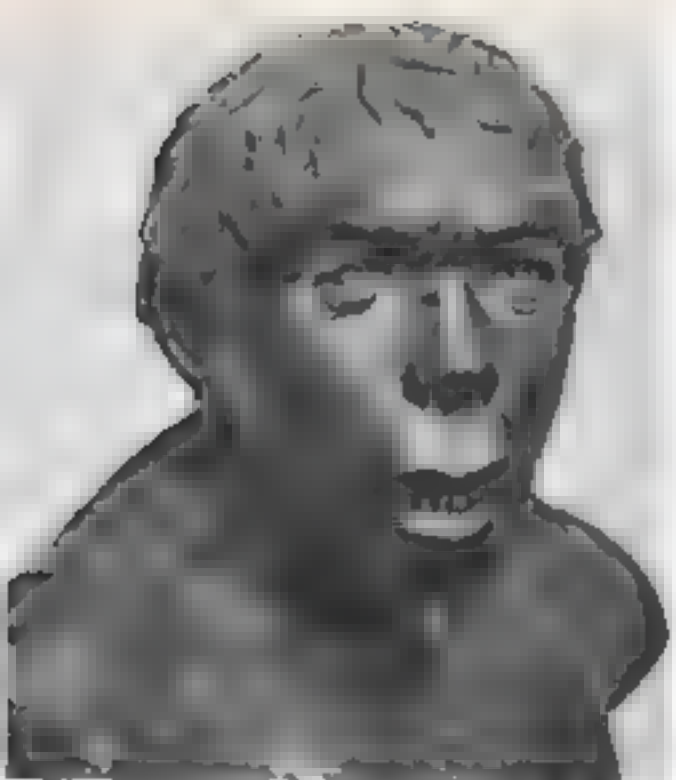


Рис. 1

М.М. Герасимов. Люди Каменного века. М.: Советский Союз, 1964 г.

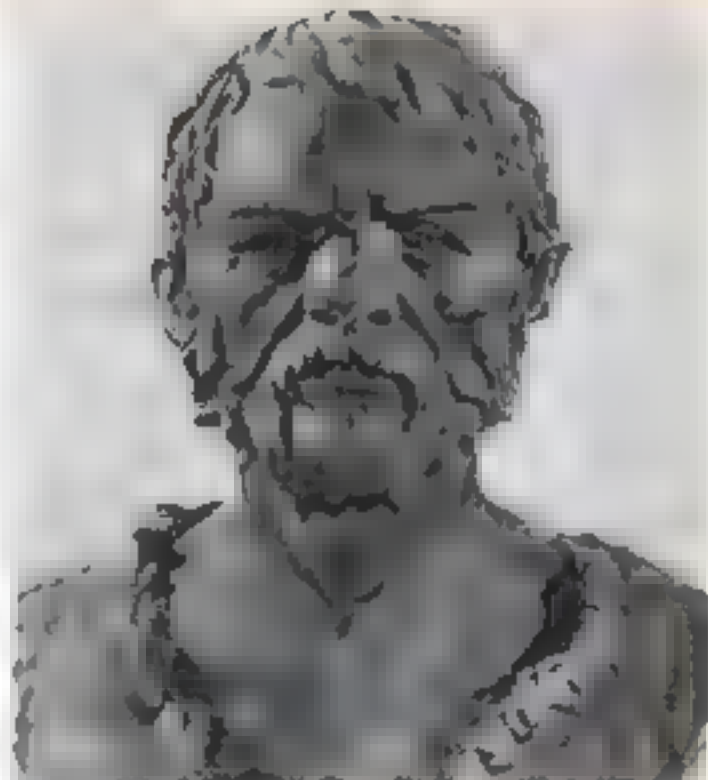


Рис. 2

М.М. Герасимов. Люди Каменного века. М.: Советский Союз, 1964 г.

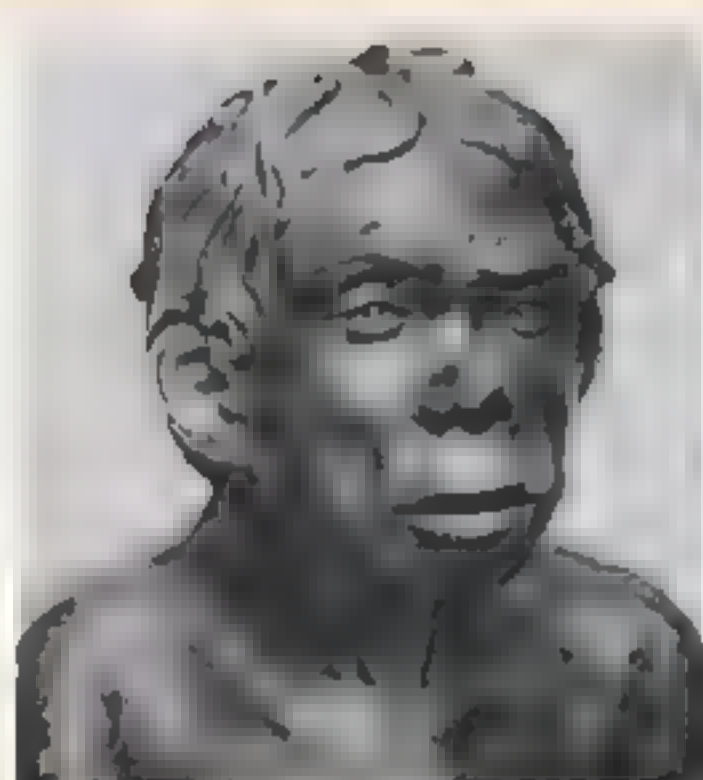


Рис. 3

М.М. Герасимов. Люди Каменного века. М.: Советский Союз, 1964 г.

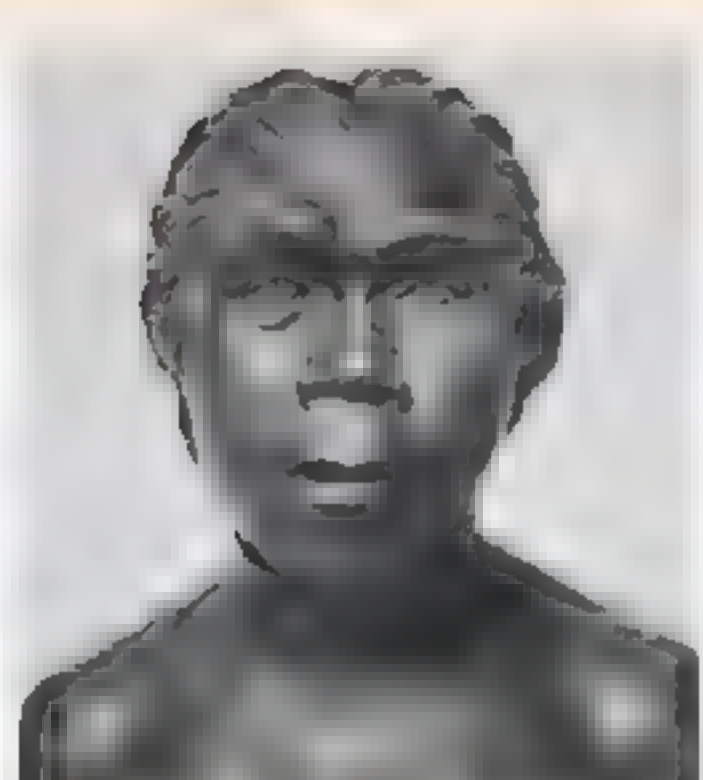


Рис. 4

М.М. Герасимов. Люди Каменного века. М.: Советский Союз, 1964 г.

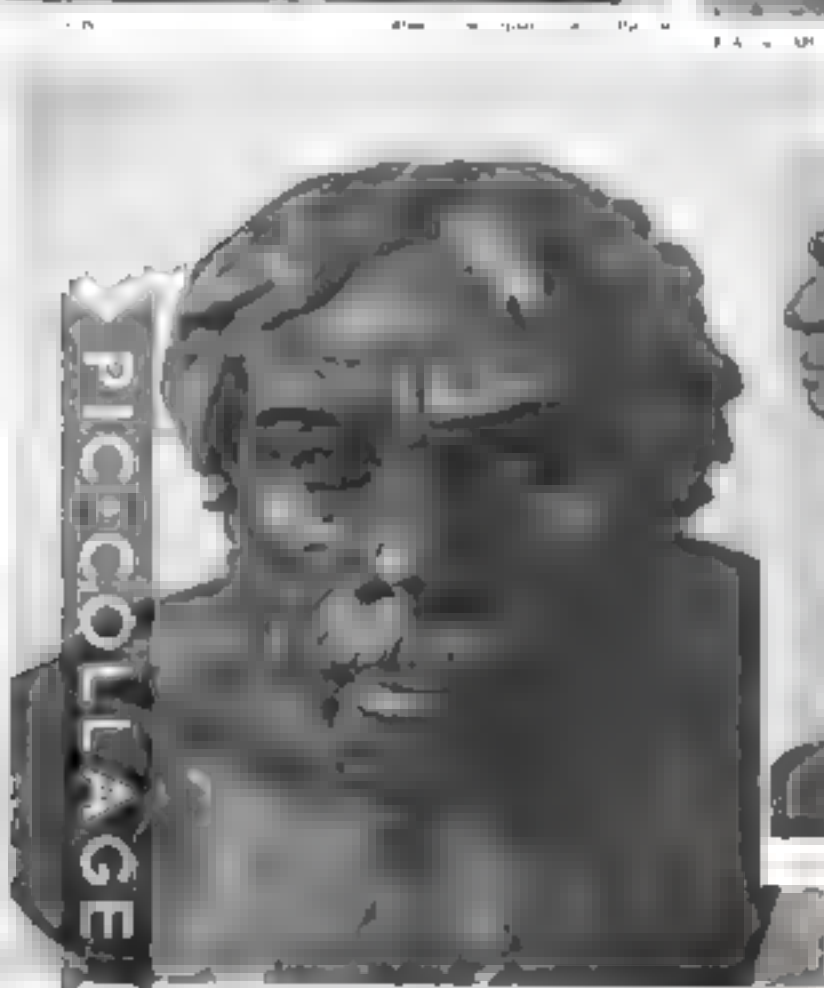
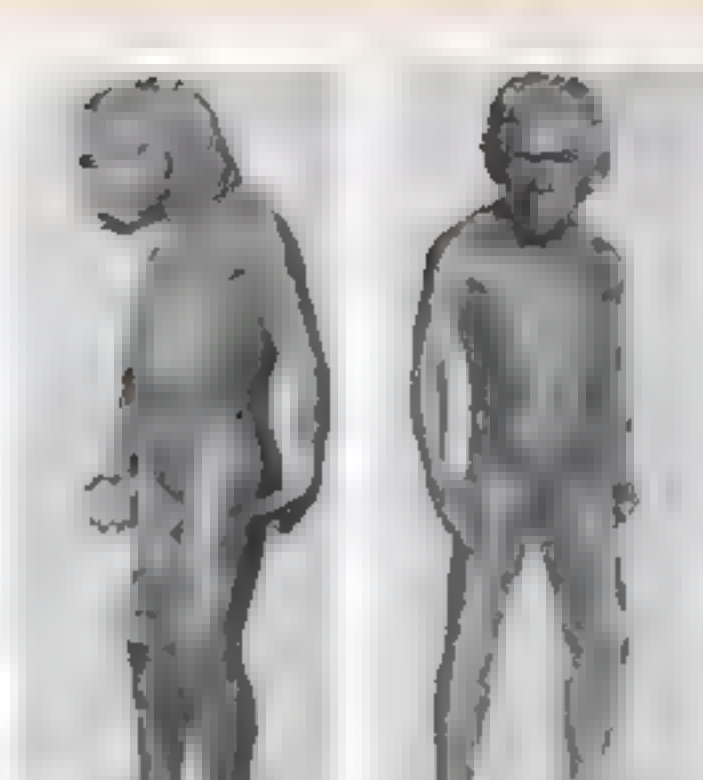


PHOTO-COLLAGE

Рис. 5

М.М. Герасимов. Люди Каменного века. М.: Советский Союз, 1964 г.

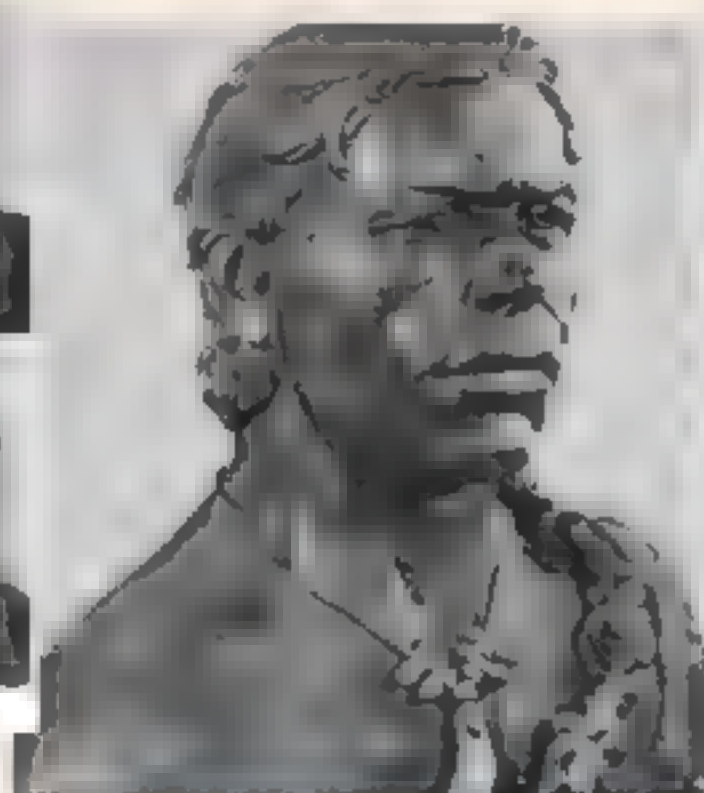


Рис. 6

М.М. Герасимов. Люди Каменного века. М.: Советский Союз, 1964 г.

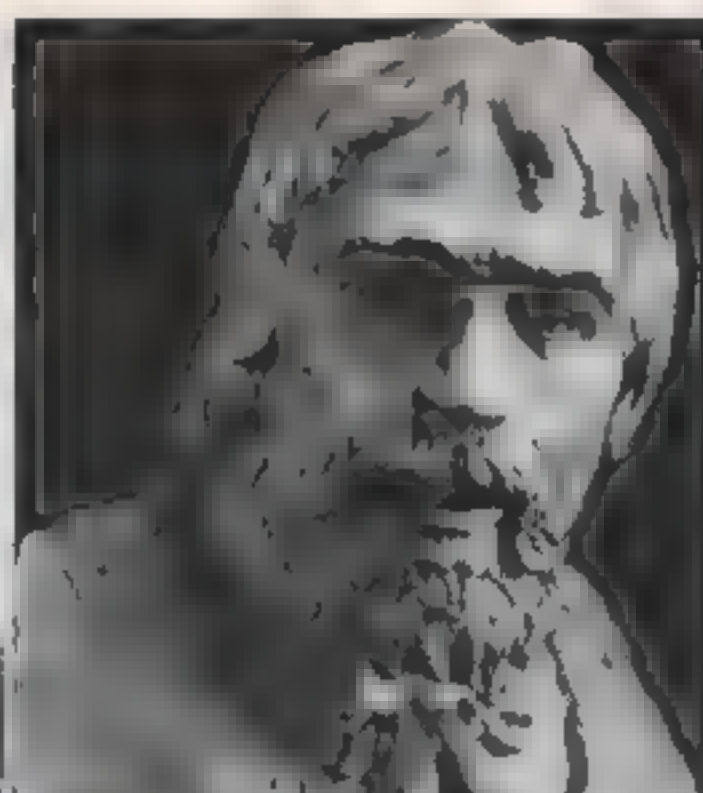


Рис. 7

М.М. Герасимов. Люди Каменного века. М.: Советский Союз, 1964 г.

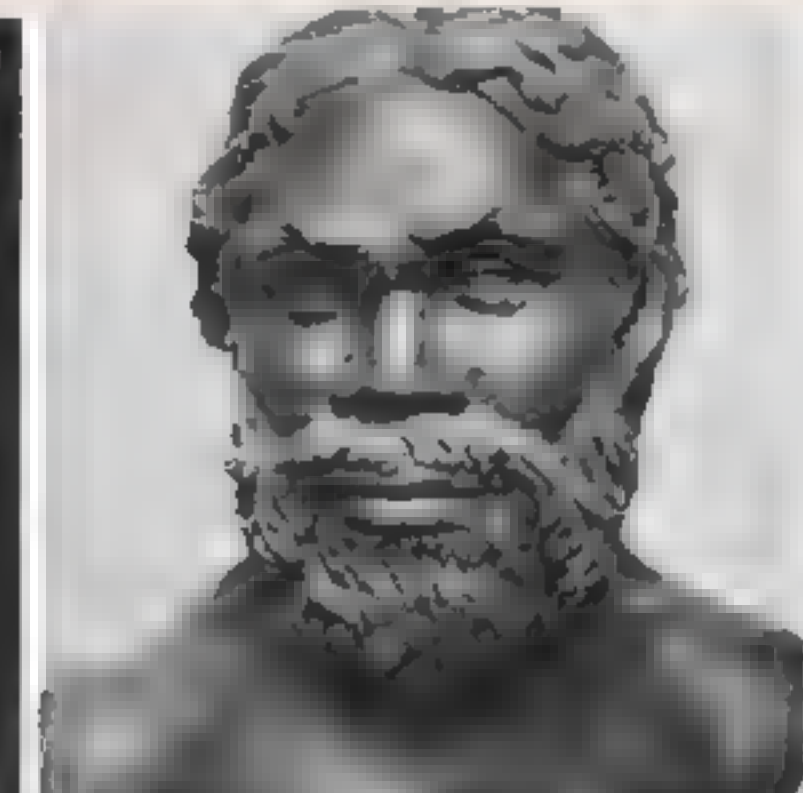


Рис. 8

М.М. Герасимов. Люди Каменного века. М.: Советский Союз, 1964 г.

Современная гуманитарная академия

Н.С. Лобас

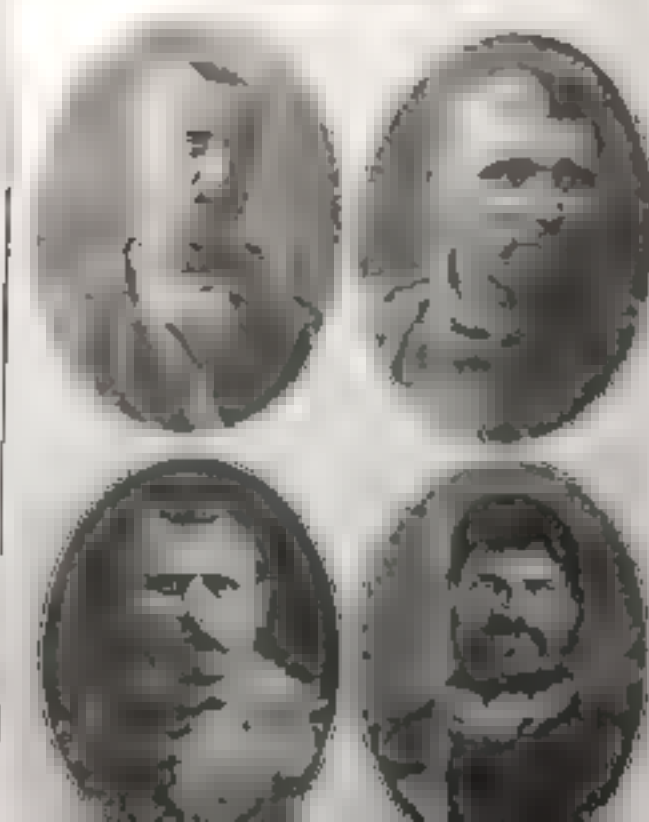
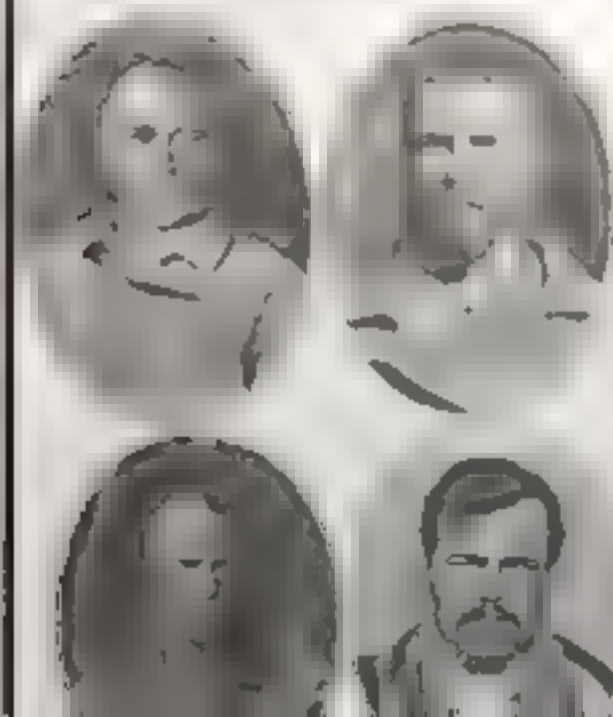
бывший врач сахалинских каторжных тюрем

УБИЙЦЫ

(Некоторые черты психофизики преступников
Со снимками преступников)

Москва 2008

PICTOCOLLAGE



Добавляйте на эту панель сайты, которые вы часто посещаете и они будут здесь.



#допросы #раскрытия #детектив

САМЫЙ УЖАСНЫЙ УБИЙЦА АМЕРИКИ Самый Плодовитый Убийца и Маньяк
Америки Роберт Браун

Все видео Похожие контент Автор >

Добавляйте в эту панель сайты, которые вы часто посещаете

YouTube

Настроить панель

🔍 🎤 ➕ 📺 🏠



ПОДПИСЬ

Реклама

САМЫЙ УЖАСНЫЙ УБИЙЦА АМЕРИКИ | Самый Плодовитый Убийца и Маньяк
Америки Роберт Браун

Все видео

Похожий контент

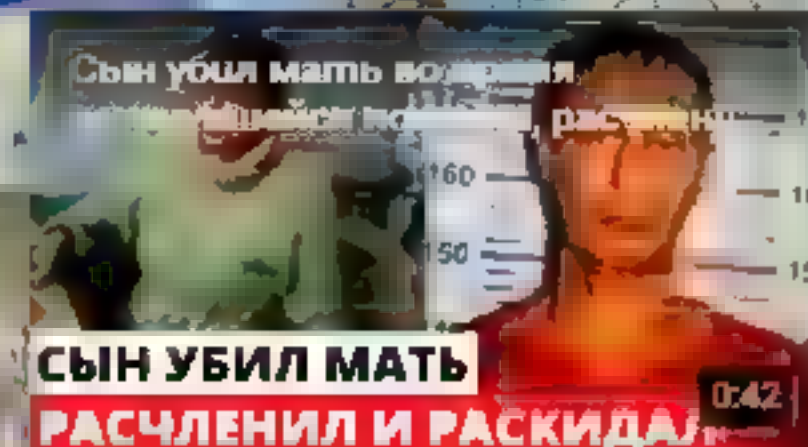
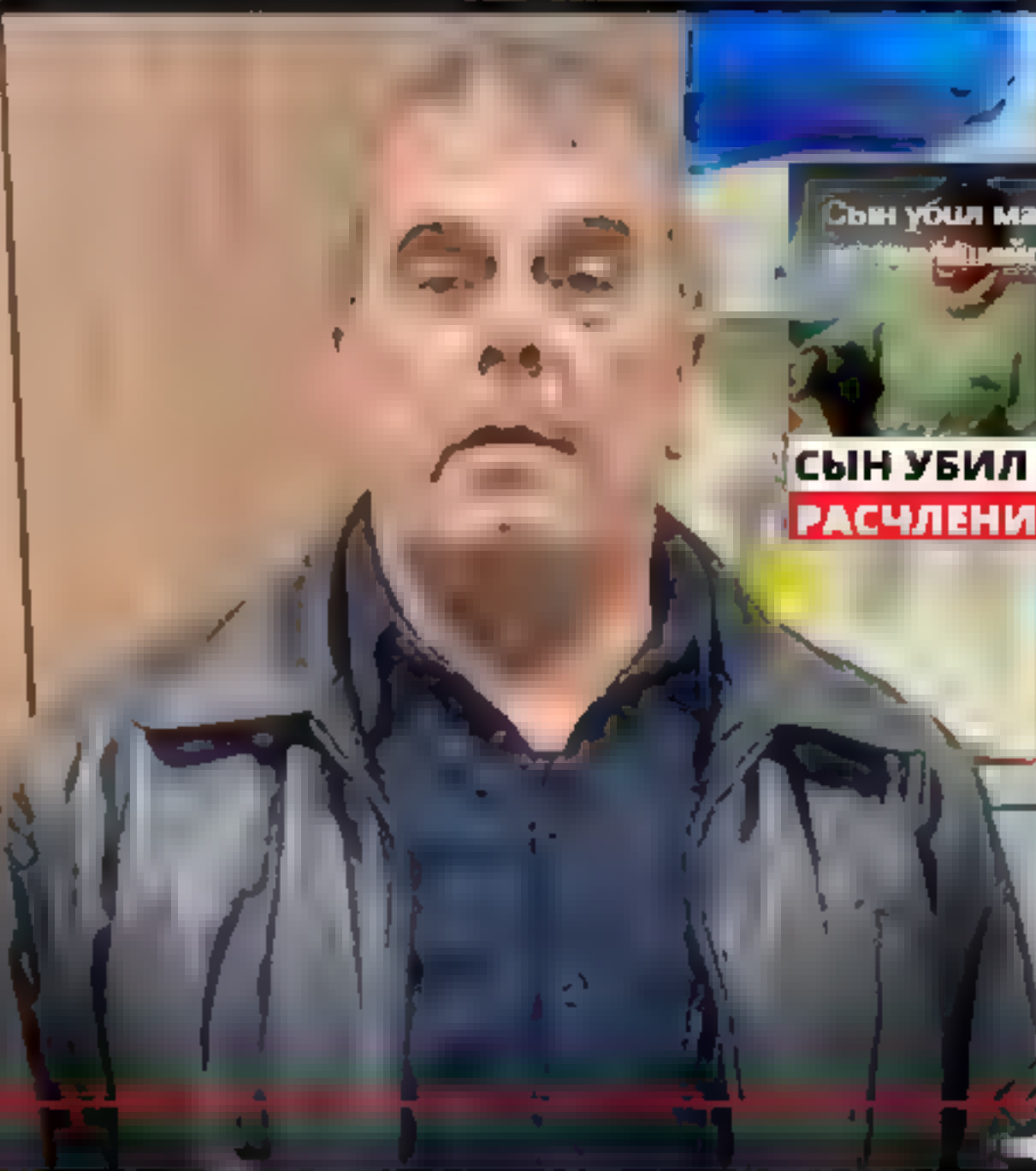
Автор

3

YouTube

Задайте вопрос

ПЛОХИЕ
НОВОСТИ



ПЛОХИЕ
НОВОСТИ

ПЛОХИЕ
НОВОСТИ

В Анапе полицией задержан тип увязавшийся за школьницей #анapa #новостiana

797 просмотров.

34

НЕ
НРАВИТСЯ

ПОДЕЛИТЬСЯ

+ СОХРАНИТЬ

...



Плохие Новости

ВЫ ПОДПИСАНЫ



Токаев назвал происходящее в Казахстане атакой.

Рейтинг: 4

34 тыс. просмотров

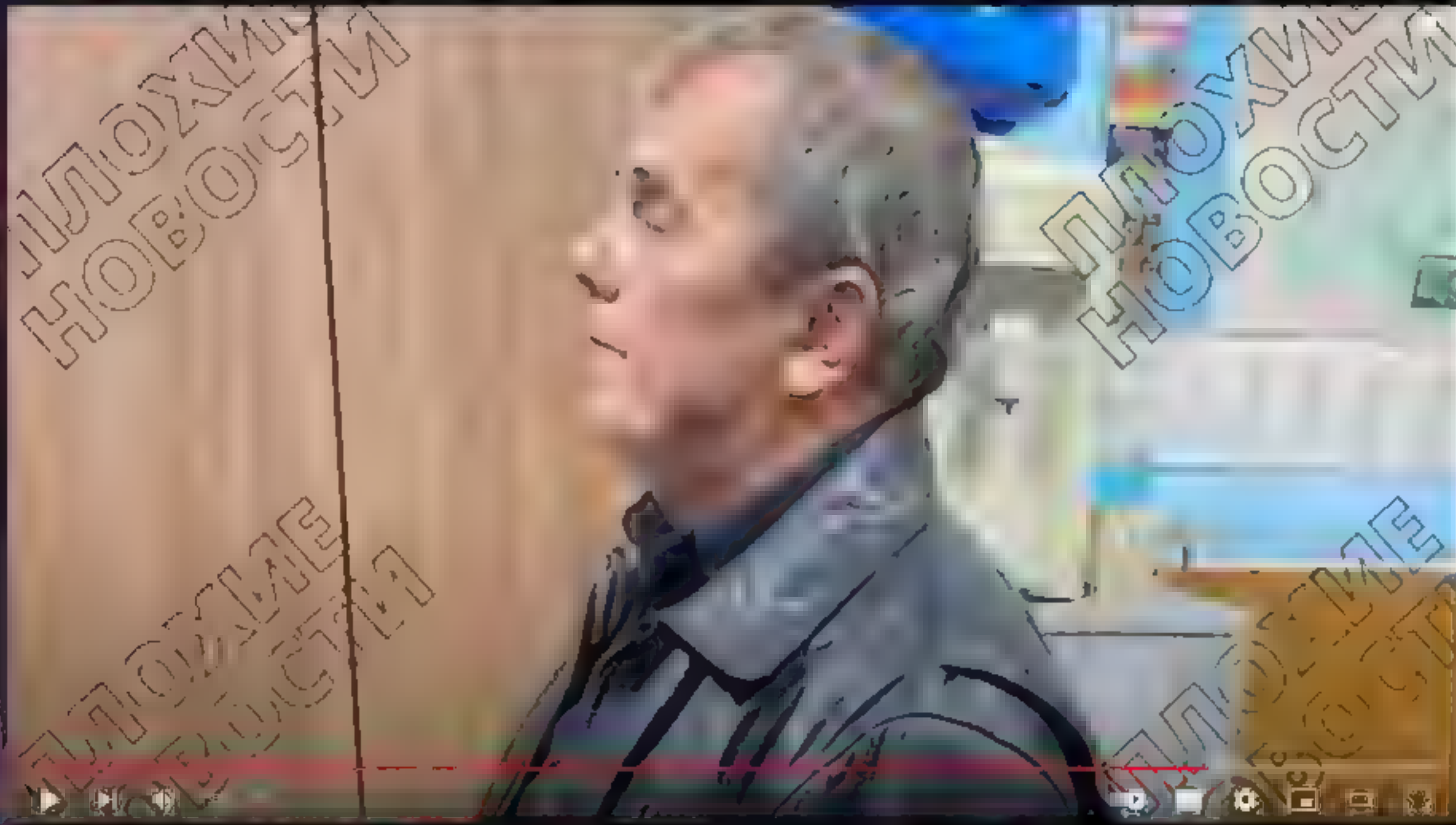
Девчонки

Нюсика

Самые страшные случаи

YouTube

Защитите загрузку



В Анапе полицией задержан тип увязавшийся за школьницей #анapa #новостианапa

590 просмотров



32



НЕ

НРАВИТСЯ



ПОДЕЛИТЬСЯ

+ СОХРАНИТЬ



Плохие Новости

ВЫ ПОДПИСАНЫ



Русские сенсации
"Последний бой полковника"

17:11:16 17:11:16 17:11:16



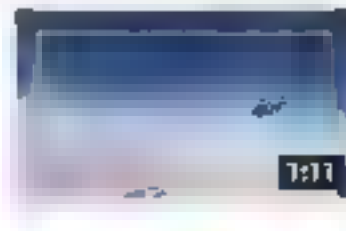
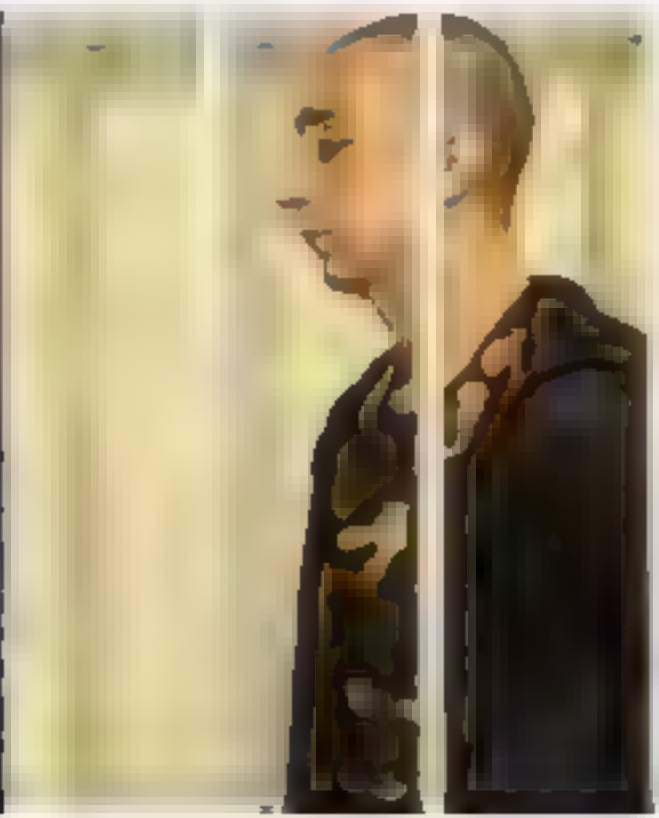
Следствие ведут ЗнаТоки.
Дело № 1-22. Все серии

Добавляйте на эту панель сайты, которые вы часто посещаете

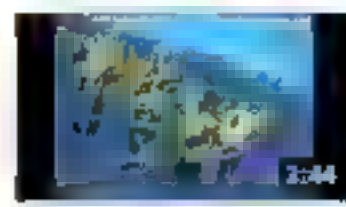
Адаптивный дизайн



ВКонтакте



Су-35 ВВФ перехватили "нарушителя" на учениях
РГБ НОВОСТИ
1:11
Рейтинг: 0
Видео: 0
Нюансы



Captain Hollywood Project Only With You (Official video)
Captain Hollywood Project
4:34
Рейтинг: 0
Видео: 0
Нюансы



Captain Hollywood Project More and More (Official video)
Captain Hollywood Project
4:09
Рейтинг: 0
Видео: 0
Нюансы



Узник замка Иф (1988. приключения)
Messa Film Studio
9:42:02
Рейтинг: 0
Видео: 0
Нюансы



БАНДЫ - Криминальный детектив / Все серии подряд
Kino Media
3:31:12
Рейтинг: 0
Видео: 0
Нюансы



24/7 Original Playstation TV (PS1 Classic Games)
James
3:31:12
Рейтинг: 0
Видео: 0
Нюансы

УБИЛИ И РАСЧЛЕНИЛИ ПРОФЕССОРА НОВОСТИ ЧП СЕГОДНЯ

УБИЛИ И РАСЧЛЕНИЛИ ПРОФЕССОРА НОВОСТИ ЧП СЕГОДНЯ

44 просмотра



4



НЕ

НРАВИТСЯ



ПОДЕЛИТЬСЯ



СОХРАНИТЬ



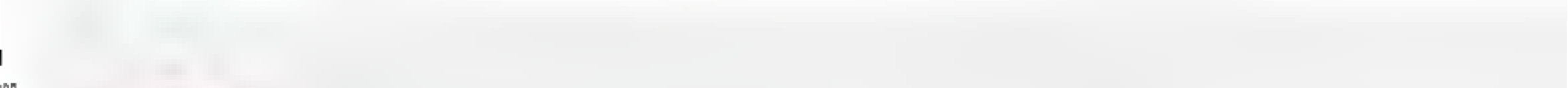
ЧЕСТНОЕ СЛОВО

ВЫ ПОДПИСАНЫ



Воронежский областной суд отправил в колонию строгого режима мужчин, растворивших в кислоте воронежского профессора Вячеслава Кузнецова
Аспиранта Дмитрия Быковского лишили свободы на 21 год, а айтишника Александра

покажите на эту панель сайты, которые вы часто посещаете



Erica Docs · 2 дня назад

*** В 2019 году был задержан маньяк, который на протяжении 12 лет насиловал женщин в родном городе Тулуне. Изворотливость и изощренный ум позволили ему очень долго находиться вне подозрений правоохранительных органов.

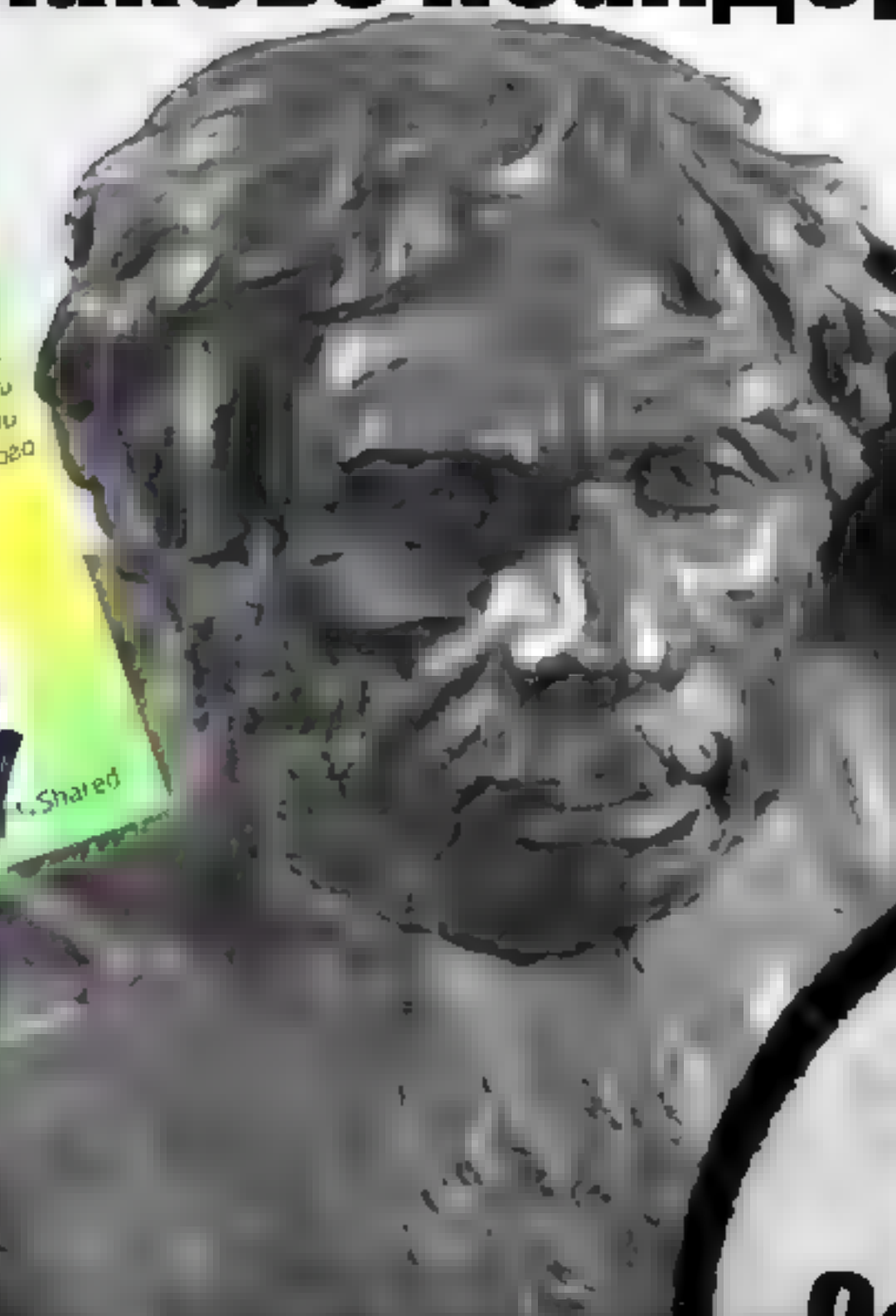
Видео [https://www.youtube.com/watch?v=...](#) М. РуС2ц6г0
Свернуть



Homo Neanderthal

Одинаково Неандертальцы

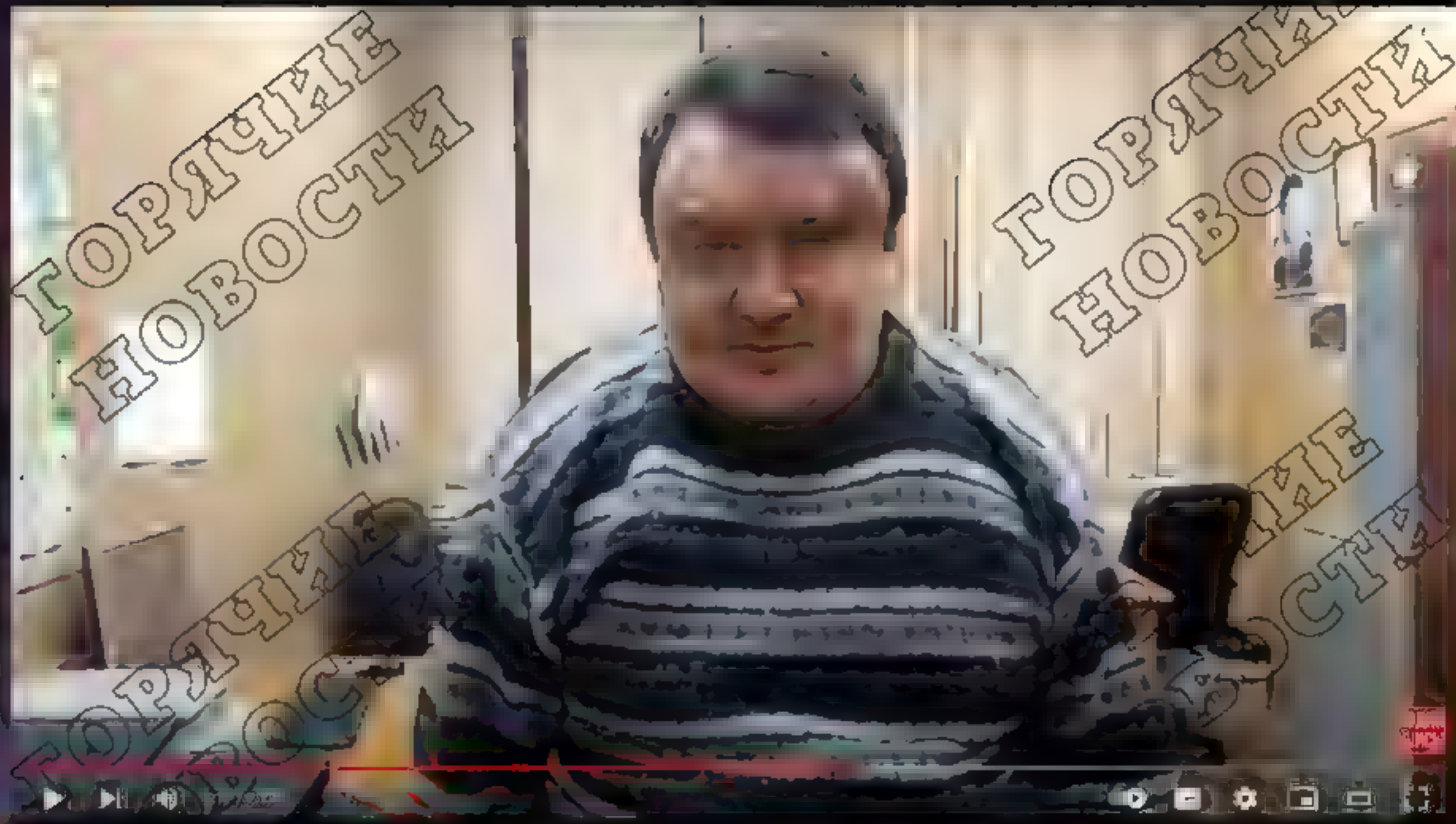
Неандертальцы
ископаемые древние люди, создавшие культуру раннего палеолита. Скелетные останки неандертальцев открыты в Европе, Азии и Африке. Живели они 35 тыс. лет назад. Как устроены их геномические материалы неандертальцев они являются прямыми предками современного человека.



Нет нет
неандертальцы
давно вымерли.
Я человек.
Совпадения
случайны.

Homo одинаково

piccollage



Новости и Происшествия - 10:00 - 10:00

В Питере задержан тип пристававший к 13-летней девочке в метро с коллекцией детского видео

96 просмотров



5



НЕ



НРАВИТСЯ



ПОДЕЛИТЬСЯ



СОХРАНИТЬ



В Казахстане разрешен огонь на поражение на руку ли.

См. также видео

100% просмотров

6 на 15 секунд

Полная

См. также видео 3mTok

RU

13:43

08.04.2022

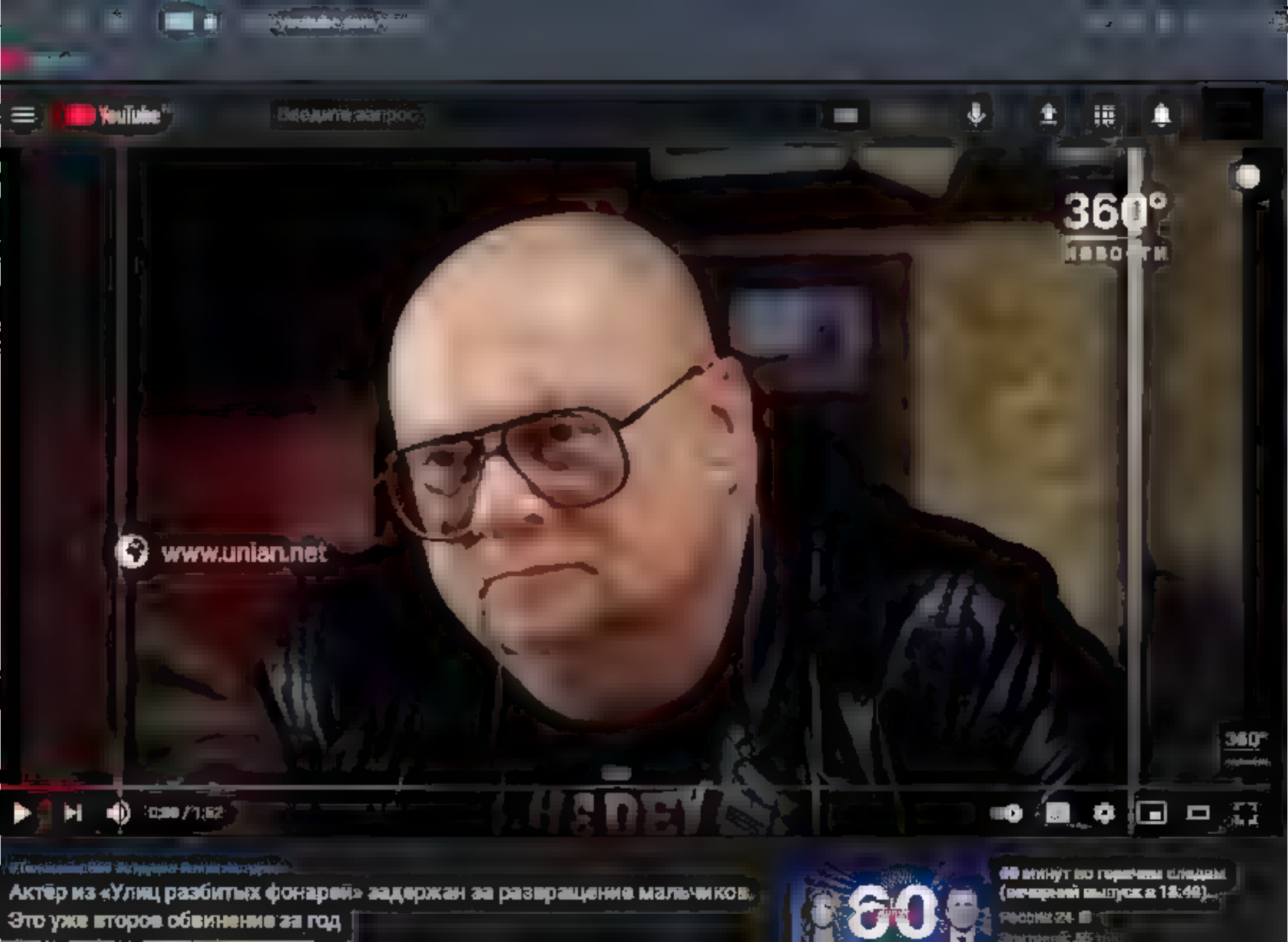
Удалено 361 · 4 часа назад

ВИДЕО <https://youtu.be/KPw1x6UKCZA>

Женщина пытается лишить убийцу дочери доли собственности в их общей недвижимости. А суд встаёт на сторону психически нездорового гражданина.



**ЗАРЕЗАЛ ПРИЁМНУЮ
ДОЧЬ И ТЕПЕРЬ
ПРОСИТСЯ ОБРАТНО
В СЕМЬЮ**



Актёр из «Улиц разбитых фонарей» задержан за развращение мальчиков. Это уже второе обвинение за год

60 минут из горячих событий (вечерний выпуск в 18:40)

Редонг 24-й

Загрузка...

облажайте на эту панель, айты, которые бы часто посещаете, и с помощью...

YouTube

Добавить видео

Настройка

Микрофон

Камера

Настройка

Настройка



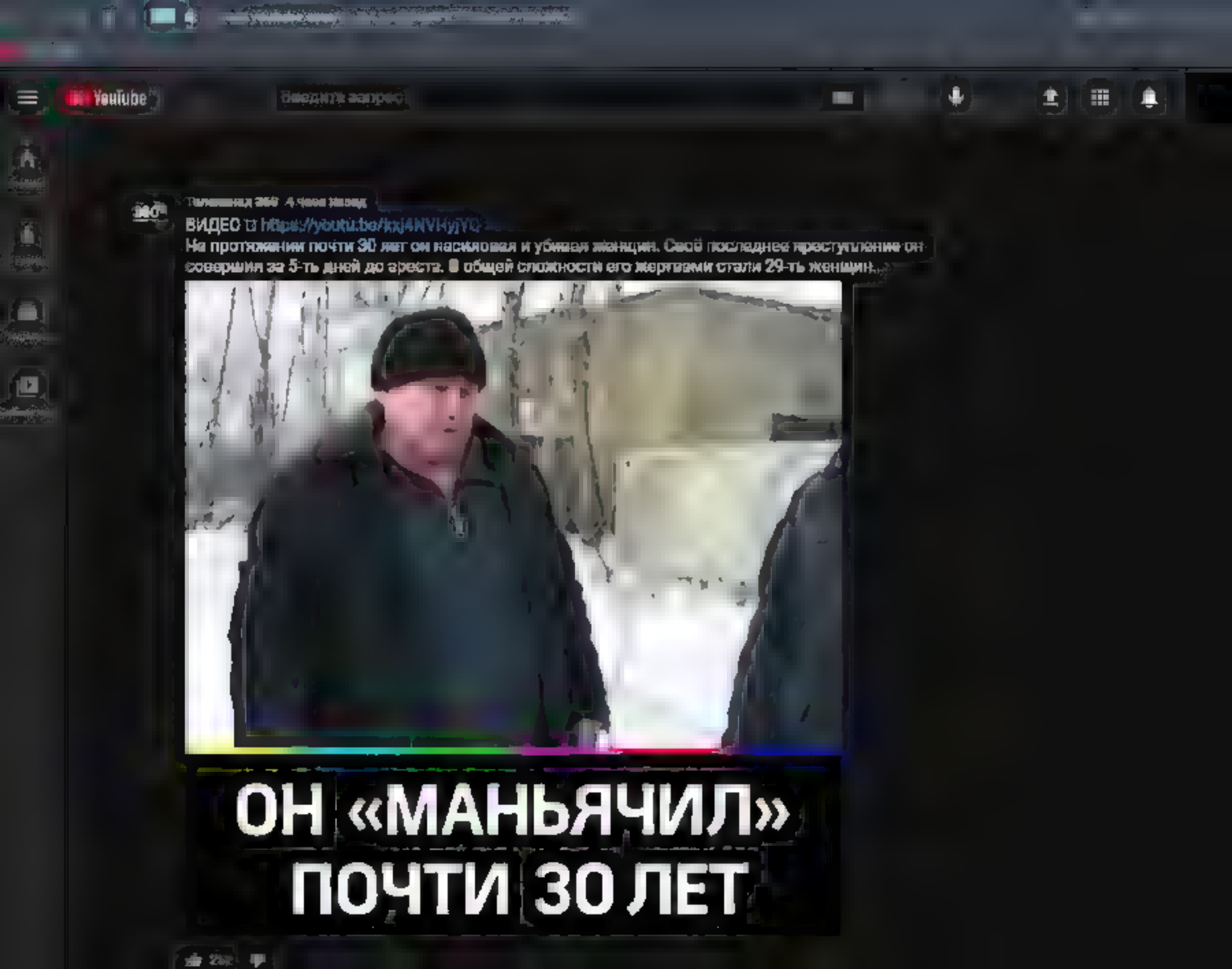
он съедал своих жертв

ОН СЪЕДАЛ СВОИХ ЖЕРТВ | Серийный Убийца и Каннибал Оттис Тул

Все видео

Автор: [Long Ching] не разгад

ПОДПИСАТЬСЯ



YouTube

Введите запрос



Телеканал 360 4 часа назад

ВИДЕО <https://youtu.be/kxj4NVNujYQ>

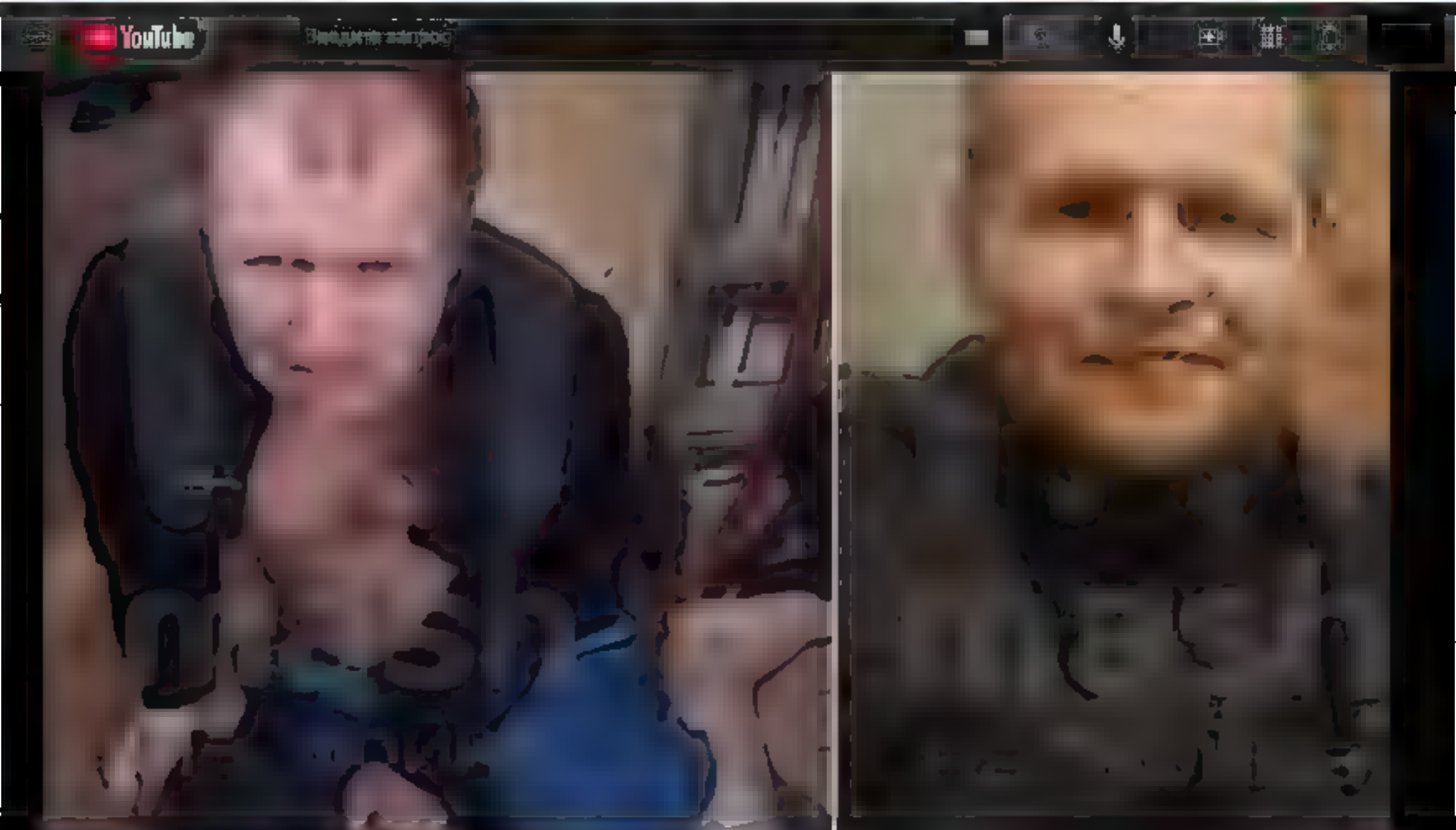
На протяжении почти 30 лет он насиловал и убивал женщин. Своё последнее преступление он совершил за 5-ть дней до ареста. В общей сложности его жертвами стали 29-ть женщин.



ОН «МАНЬЯЧИЛ»
ПОЧТИ 30 ЛЕТ

232

Добавляйте на эту панель сайты, которые вы часто посещаете и подписывайтесь на каналы



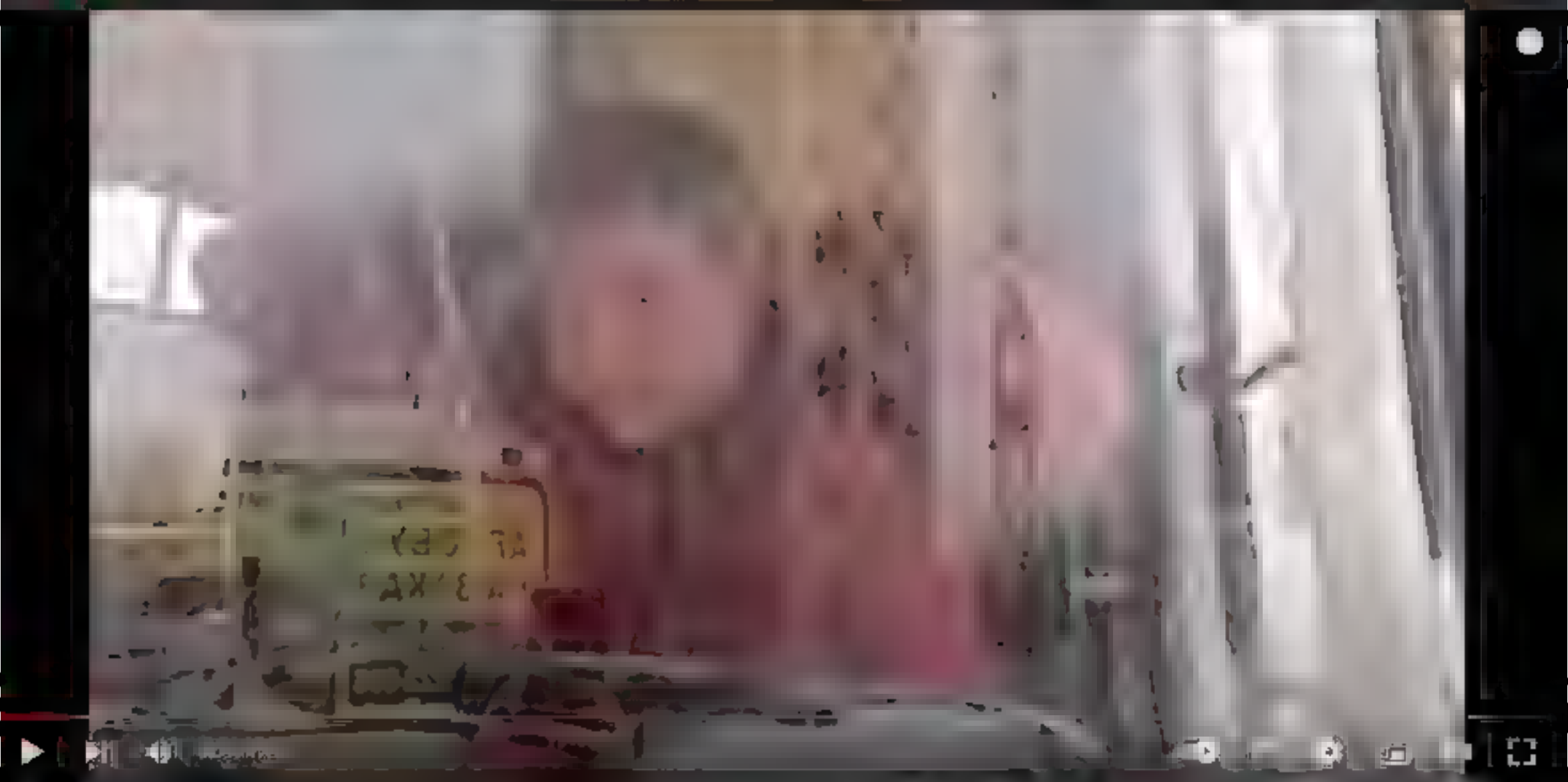
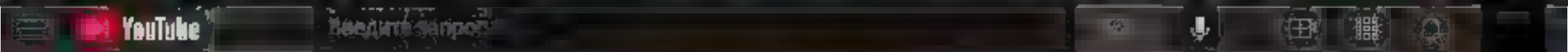
4ч 40 мин · 100% · 100% · 100%

В Петербурге задержали мужчину зарезавшего продавца

Вас видео

Покажи контент

Последний >



† 41 6 10 20 30 40 50 60 70 80 90 100 110 120 130 140 150 160 170 180 190 200 210 220 230 240 250 260 270 280 290 300 310 320 330 340 350 360 370 380 390 400 410 420 430 440 450 460 470 480 490 500 510 520 530 540 550 560 570 580 590 600 610 620 630 640 650 660 670 680 690 700 710 720 730 740 750 760 770 780 790 800 810 820 830 840 850 860 870 880 890 900 910 920 930 940 950 960 970 980 990 1000 1010 1020 1030 1040 1050 1060 1070 1080 1090 1100 1110 1120 1130 1140 1150 1160 1170 1180 1190 1200 1210 1220 1230 1240 1250 1260 1270 1280 1290 1300 1310 1320 1330 1340 1350 1360 1370 1380 1390 1400 1410 1420 1430 1440 1450 1460 1470 1480 1490 1500 1510 1520 1530 1540 1550 1560 1570 1580 1590 1600 1610 1620 1630 1640 1650 1660 1670 1680 1690 1700 1710 1720 1730 1740 1750 1760 1770 1780 1790 1800 1810 1820 1830 1840 1850 1860 1870 1880 1890 1900 1910 1920 1930 1940 1950 1960 1970 1980 1990 2000 2010 2020 2030 2040 2050 2060 2070 2080 2090 2100 2110 2120 2130 2140 2150 2160 2170 2180 2190 2200 2210 2220 2230 2240 2250 2260 2270 2280 2290 2300 2310 2320 2330 2340 2350 2360 2370 2380 2390 2400 2410 2420 2430 2440 2450 2460 2470 2480 2490 2500 2510 2520 2530 2540 2550 2560 2570 2580 2590 2600 2610 2620 2630 2640 2650 2660 2670 2680 2690 2700 2710 2720 2730 2740 2750 2760 2770 2780 2790 2800 2810 2820 2830 2840 2850 2860 2870 2880 2890 2900 2910 2920 2930 2940 2950 2960 2970 2980 2990 3000 3010 3020 3030 3040 3050 3060 3070 3080 3090 3100 3110 3120 3130 3140 3150 3160 3170 3180 3190 3200 3210 3220 3230 3240 3250 3260 3270 3280 3290 3300 3310 3320 3330 3340 3350 3360 3370 3380 3390 3400 3410 3420 3430 3440 3450 3460 3470 3480 3490 3500 3510 3520 3530 3540 3550 3560 3570 3580 3590 3600 3610 3620 3630 3640 3650 3660 3670 3680 3690 3700 3710 3720 3730 3740 3750 3760 3770 3780 3790 3800 3810 3820 3830 3840 3850 3860 3870 3880 3890 3900 3910 3920 3930 3940 3950 3960 3970 3980 3990 4000 4010 4020 4030 4040 4050 4060 4070 4080 4090 4100 4110 4120 4130 4140 4150 4160 4170 4180 4190 4200 4210 4220 4230 4240 4250 4260 4270 4280 4290 4300 4310 4320 4330 4340 4350 4360 4370 4380 4390 4400 4410 4420 4430 4440 4450 4460 4470 4480 4490 4500 4510 4520 4530 4540 4550 4560 4570 4580 4590 4600 4610 4620 4630 4640 4650 4660 4670 4680 4690 4700 4710 4720 4730 4740 4750 4760 4770 4780 4790 4800 4810 4820 4830 4840 4850 4860 4870 4880 4890 4900 4910 4920 4930 4940 4950 4960 4970 4980 4990 5000 5010 5020 5030 5040 5050 5060 5070 5080 5090 5100 5110 5120 5130 5140 5150 5160 5170 5180 5190 5200 5210 5220 5230 5240 5250 5260 5270 5280 5290 5300 5310 5320 5330 5340 5350 5360 5370 5380 5390 5400 5410 5420 5430 5440 5450 5460 5470 5480 5490 5500 5510 5520 5530 5540 5550 5560 5570 5580 5590 5600 5610 5620 5630 5640 5650 5660 5670 5680 5690 5700 5710 5720 5730 5740 5750 5760 5770 5780 5790 5800 5810 5820 5830 5840 5850 5860 5870 5880 5890 5900 5910 5920 5930 5940 5950 5960 5970 5980 5990 6000 6010 6020 6030 6040 6050 6060 6070 6080 6090 6100 6110 6120 6130 6140 6150 6160 6170 6180 6190 6200 6210 6220 6230 6240 6250 6260 6270 6280 6290 6300 6310 6320 6330 6340 6350 6360 6370 6380 6390 6400 6410 6420 6430 6440 6450 6460 6470 6480 6490 6500 6510 6520 6530 6540 6550 6560 6570 6580 6590 6600 6610 6620 6630 6640 6650 6660 6670 6680 6690 6700 6710 6720 6730 6740 6750 6760 6770 6780 6790 6800 6810 6820 6830 6840 6850 6860 6870 6880 6890 6900 6910 6920 6930 6940 6950 6960 6970 6980 6990 7000 7010 7020 7030 7040 7050 7060 7070 7080 7090 7100 7110 7120 7130 7140 7150 7160 7170 7180 7190 7200 7210 7220 7230 7240 7250 7260 7270 7280 7290 7300 7310 7320 7330 7340 7350 7360 7370 7380 7390 7400 7410 7420 7430 7440 7450 7460 7470 7480 7490 7500 7510 7520 7530 7540 7550 7560 7570 7580 7590 7600 7610 7620 7630 7640 7650 7660 7670 7680 7690 7700 7710 7720 7730 7740 7750 7760 7770 7780 7790 7800 7810 7820 7830 7840 7850 7860 7870 7880 7890 7900 7910 7920 7930 7940 7950 7960 7970 7980 7990 8000 8010 8020 8030 8040 8050 8060 8070 8080 8090 8100 8110 8120 8130 8140 8150 8160 8170 8180 8190 8200 8210 8220 8230 8240 8250 8260 8270 8280 8290 8300 8310 8320 8330 8340 8350 8360 8370 8380 8390

Водитель автобуса в Балакове зажал дверями ГОЛОВУ девочке из за неоплаченного проезда

Вопрос-ответ

Привет всем

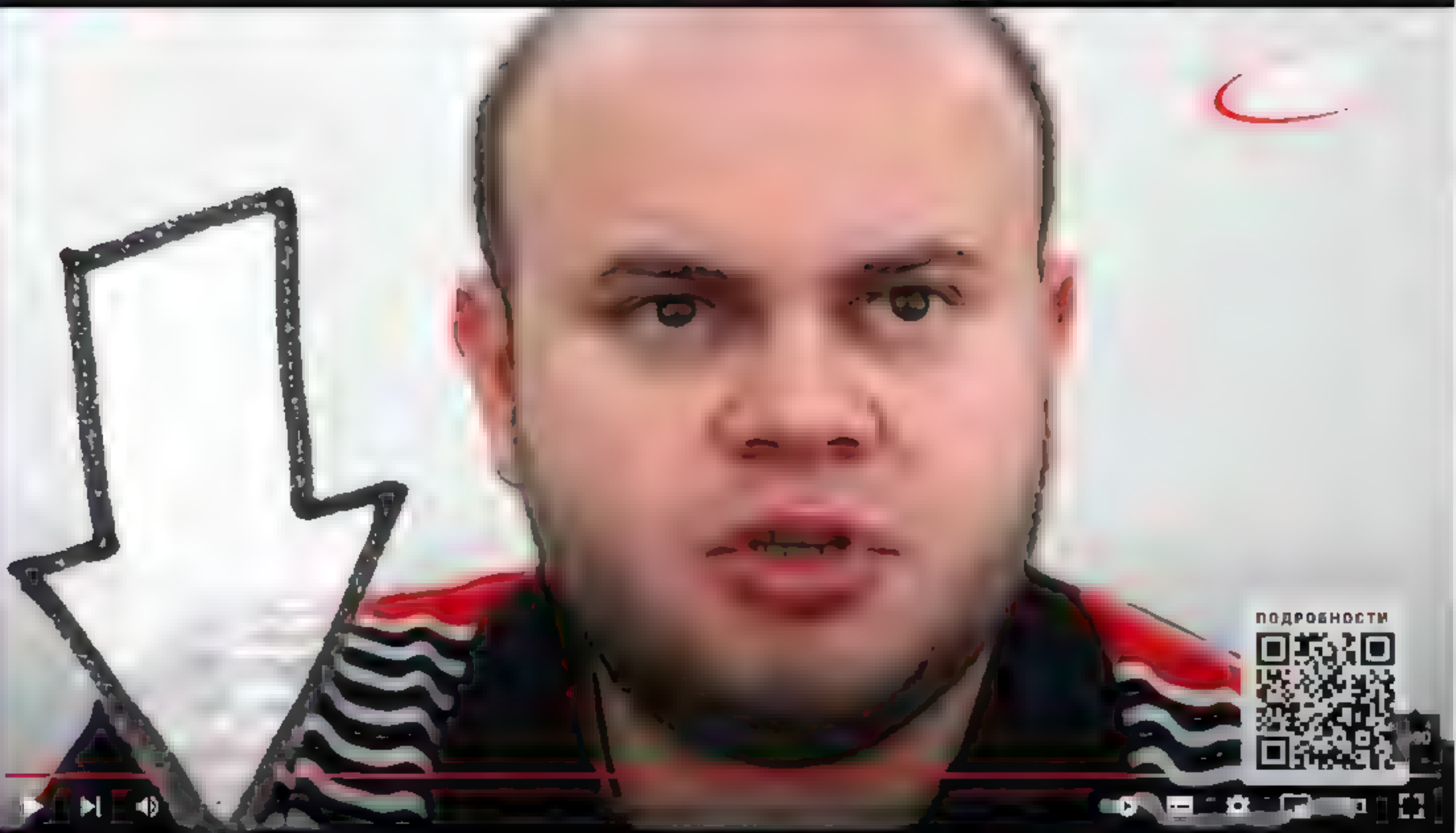
Ясно, что это?



**неандерталец,
разумный и много
болтающий подлый
ГОМИНИД.**



Введите запрос



Репортаж 360 Ямал: от мусора до мусора

Вынес в пакетах из-под мусора чиновник расчленил «мисс Кузбасс» и въ кинул в реку

15 601 просмотра

496

НЕ
НРАВИТСЯ

ПОДЕЛИТЬСЯ

СОХРАНИТЬ

...



Телеканал 360

ВЫ ПОДПИСАНЫ

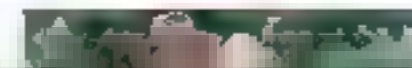


Итоги встречи Зеленского с
Джонсоном Прямая.

Телеканал 360

Зителки 999

СЕЙЧАС В ПРЯМОМ ЭФИРЕ

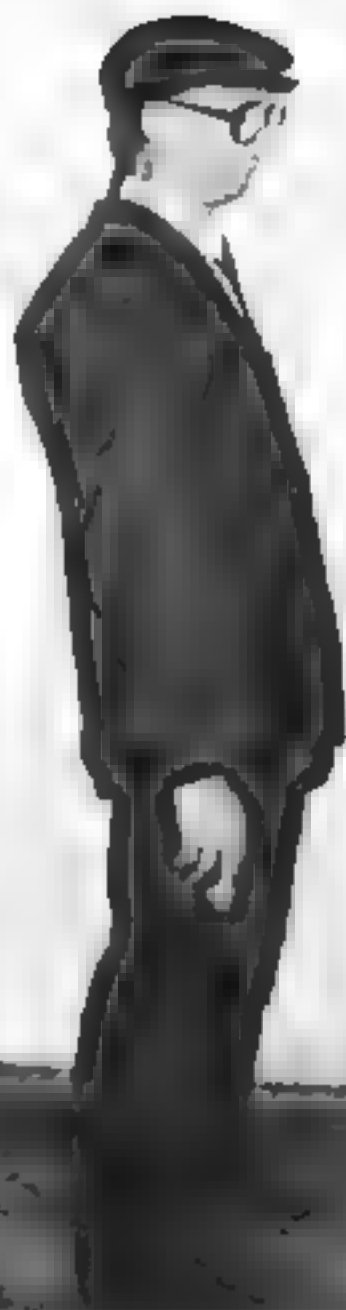
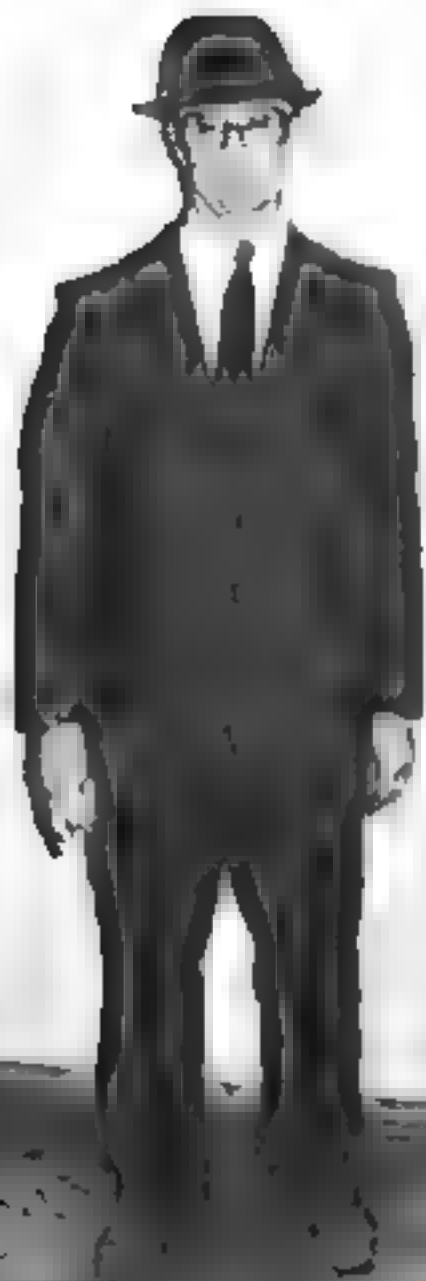


Спортлото-82 (комедия,

PIC-COLLAGE



Задержанный А.Р.Чикатило. 1990 г.

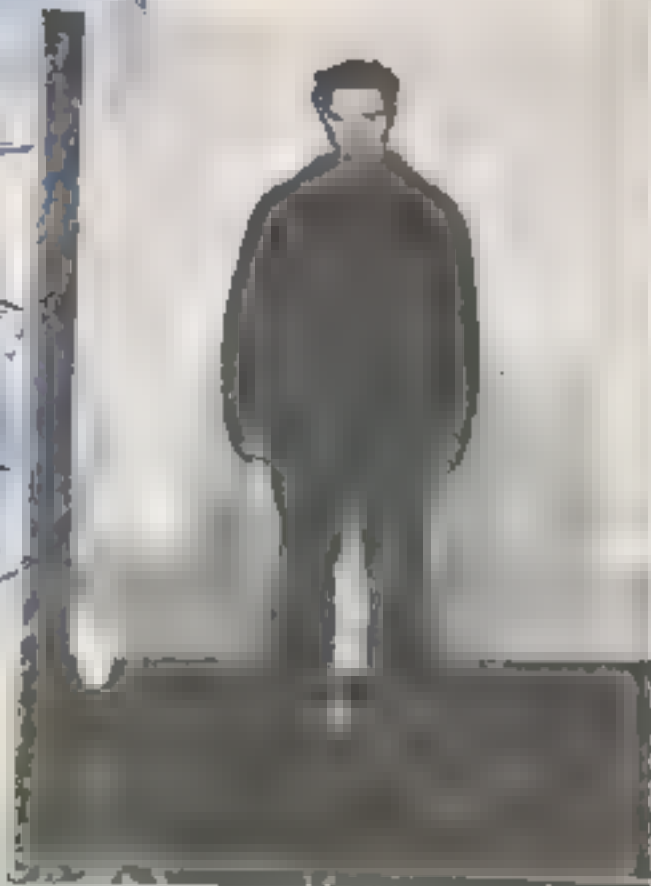




N 1



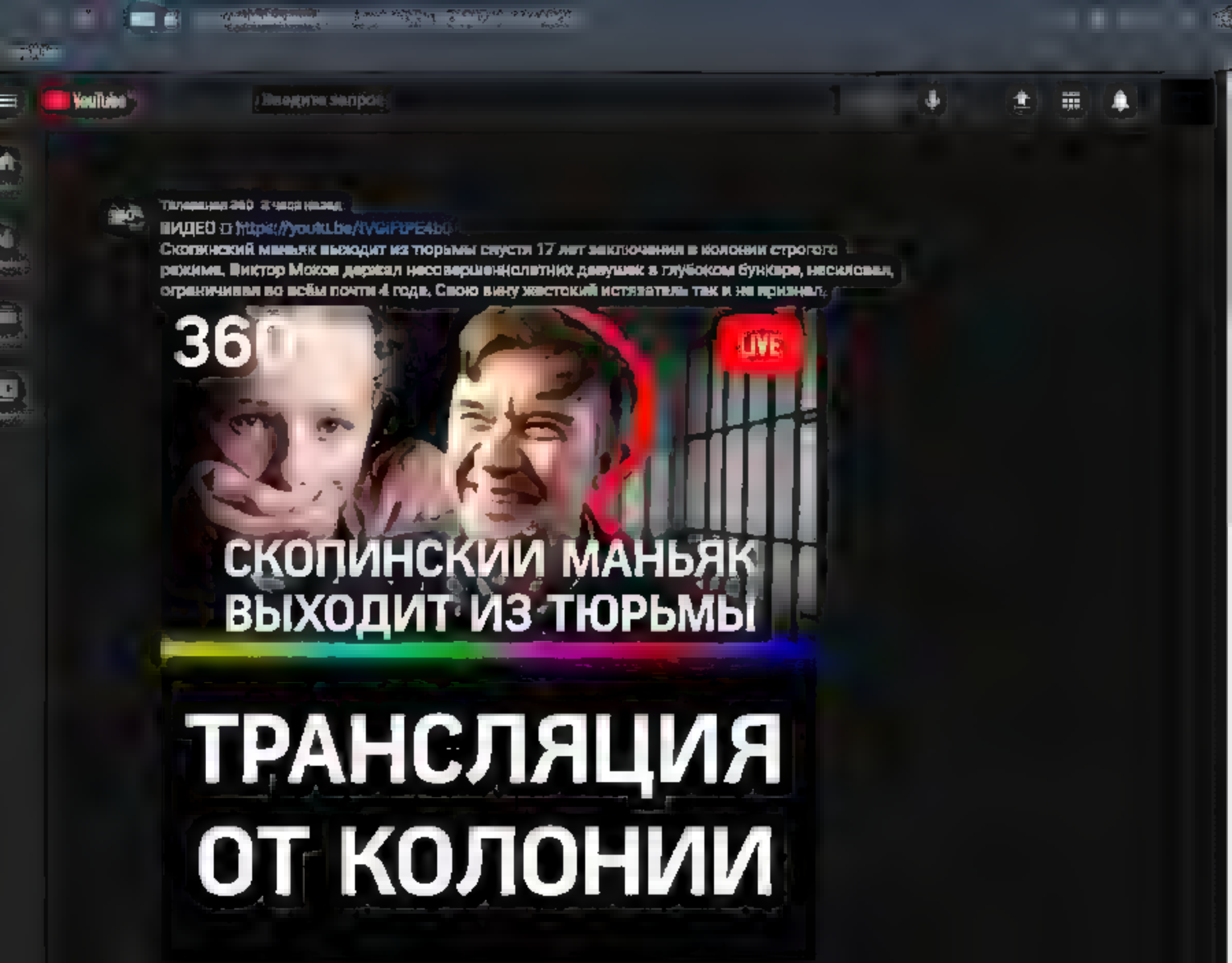
N 3



N 2

Фотографии обвиняемого Чикати
которые предъявлялись на опознание
супругам Прикопенко, сторожам базы
отдыха шахты им. В. И. Ленина". Новошах-
тинска

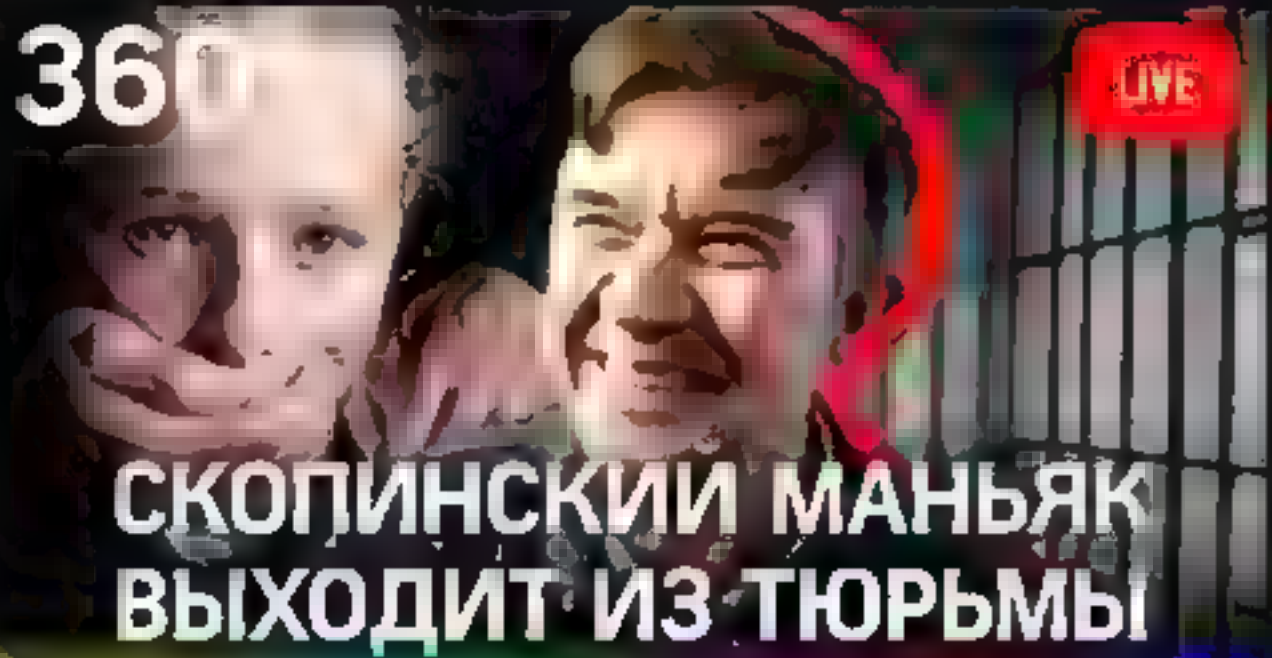




Телеканал 360 24 часа онлайн

ВИДЕО <https://youtu.be/VGhF9E4bQ>

Скопинский маньяк выходит из тюрьмы спустя 17 лет заключения в колонии строгого режима. Виктор Мохов держал несовершеннолетних девушек в глубоком бункере, насиловал, ограничивал во всем почти 4 года. Свою вину жестокий истязатель так и не признал.

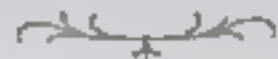


**ТРАНСЛЯЦИЯ
ОТ КОЛОНИИ**

Женщины неандертальцы



АНТИ-СЛОВО. ИССЛЕДОВАНИЕ.



ЖЕНЩИНЫ-УБИЙЦЫ.

1997

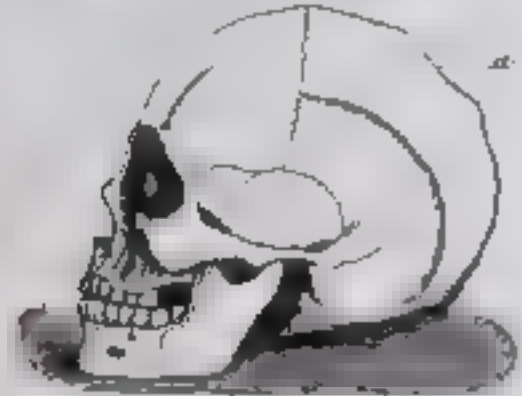
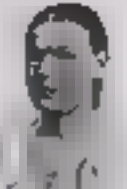
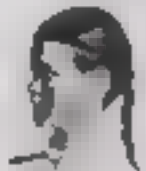
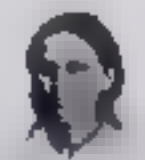
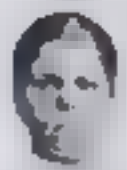
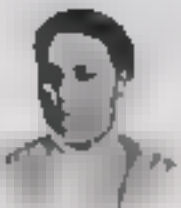
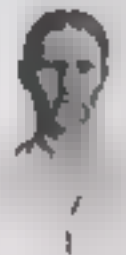
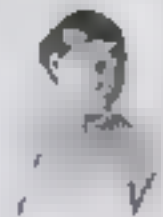
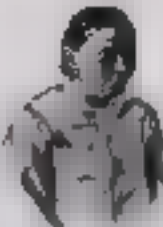
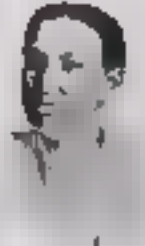
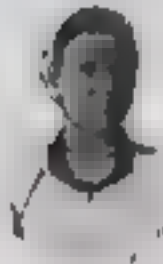
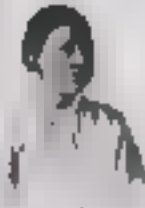
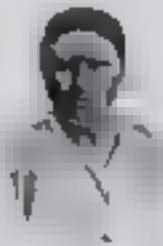
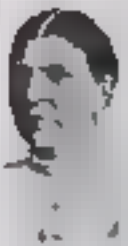
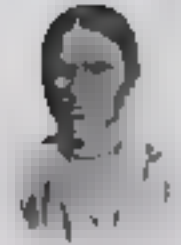
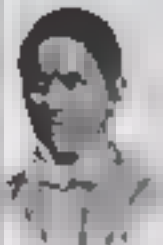
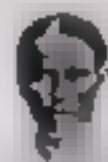
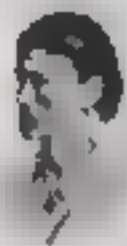
П. Н. Тарновской

Сл. 153 г.м.д.у.н.к.в.м.и.

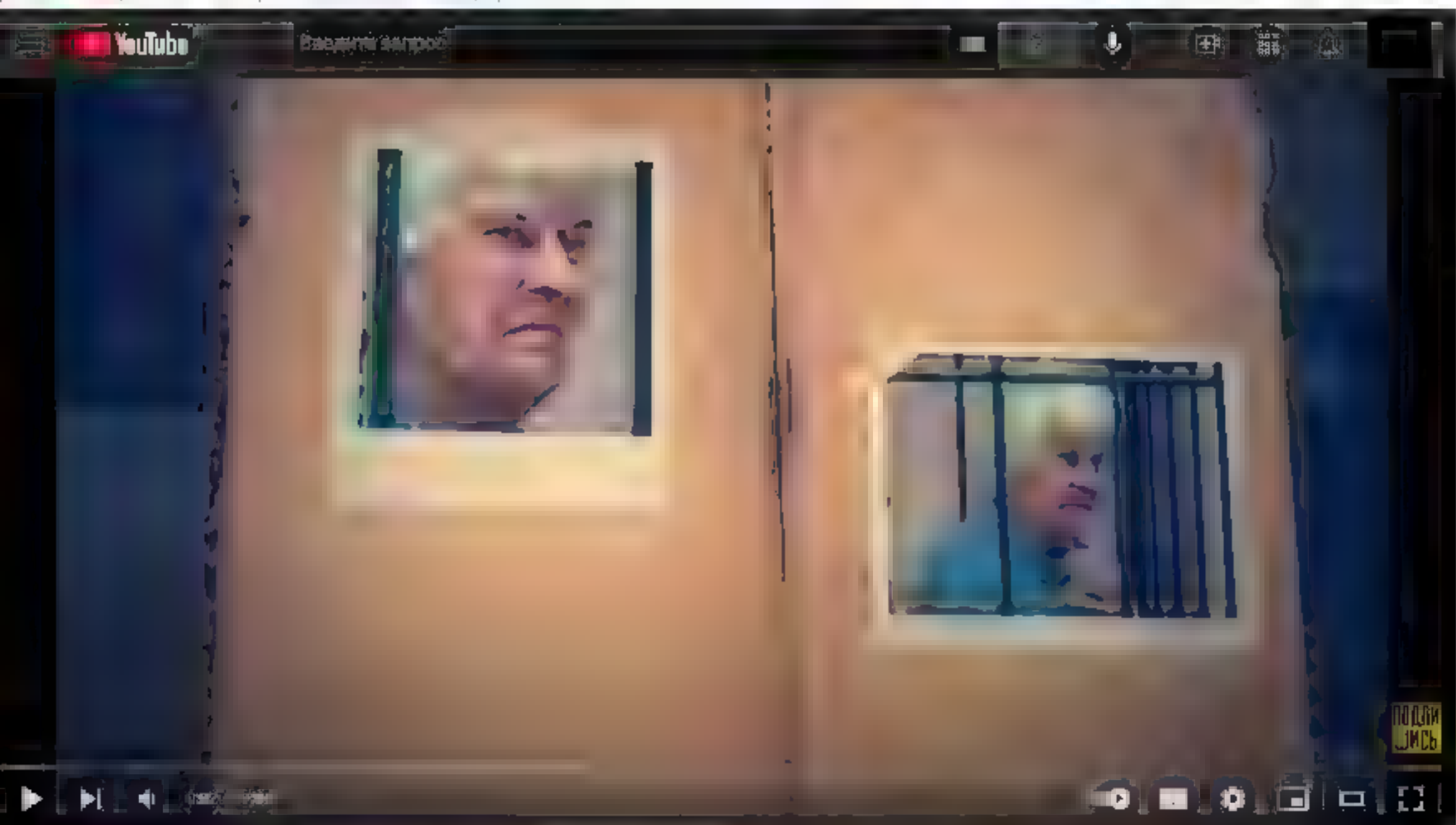
[illegible]

ΣΤΕΦΑΝΟΣ

අපේ 15 වන වසර සමයේදී පැවැත්වූ සැමරුම් කළමනාකරණය

[illegible]

Добавляйте на эту панель сайты, которые вы часто посещаете и которые вам нравятся



7.4. 409K просмотров

УБИЙСТВА В ХАБАРОВСКЕ ШОКИРОВАЛИ ВЕСЬ МИР Софья Жукова История Маньяка

Все видео

Похожий контент

Автор (11) >

Добавляйте на эту панель сайты, которые вы часто посещаете



#причинилиначалоидетектива

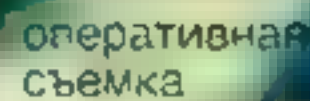
УБИЙСТВА В ХАБАРОВСКЕ ШОКИРОВАЛИ ВСЕГДА КИРОВАЛИ ВСЕГДА МИР | Софья Жукова История Маньяка

Все видео

Похожий контент

Автор 1.6 >

Жанр: детектив



ПОДП
УНСЬ

Маньяка

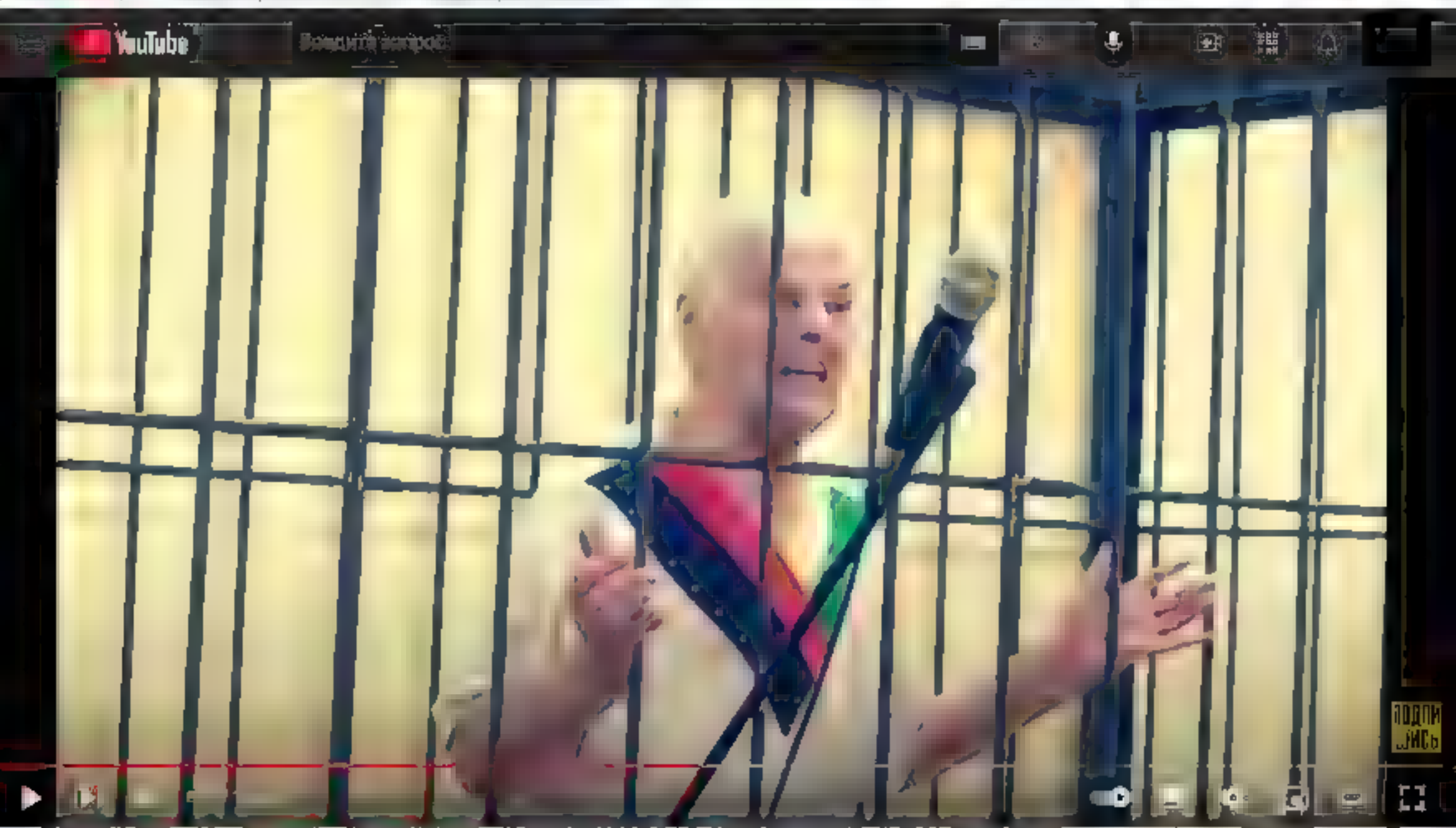
Not enough

Похожий контент

Автор: _____



Добавляйте на эту панель сайты, которые вы часто посещаете. [Изменить панель](#) [Всё сайты](#)



7 шагов к красоте: Видео для детей

УБИЙСТВА В ХАБАРОВСКЕ ШОКИРОВАЛИ ВЕСЬ МИР | Софья Жукова История Маньяка

Все видео

Подобный контент

Автор

5190A Gallery (495) 225-25-40

Запишитесь в доноры костного мозга на сайте Кровь5. www.blood5.ru

Отправляясь на Марс

или по другим делам, не забудьте спасти
жизнь на Земле



КРОВЬ 5
люди особого назначения

ФОНД
ПРЕЗИДЕНТСКИХ
ГРАНТОВ





Посадивши в Египет Николай.

123

Антропологическое. Обратите внимание среди так называемых патриотов хотя такие на этом деле либо карьеристы либо шизомеры. либо дураки. а черносотенцев находится много скотов которые уже после того как соколов-помощник убил и расчленил девушку, продолжают его защищать по всем темам и в пьяном угаре врать что Лонасенков еще хуже. Подчеркиваю по идеологии своей бредовой черносотенности они ПЕРВЫЕ должны были признать франкофила, атеиста, ряженого наполеона соколова но нет. Причина проста как биология эти животные по натуре своей агрессивны, озлоблены душой и физиологически образно, эмоционально ближе убийца. Тем более, что убийца плашивши с армией харей спившись с алкаша это родное плытное близкое отражению в зеркале. Эти типы преступны по своей природе и очень опасны. Они биологически неисправимы как исл террористы. И если бы законы писались не попуристами-леваками, а учеными по здоровому смыслу пом то я бы сказал что надо делать с подобным прирченным материалом чтобы обезопасить общество от убийств, насилия, шизофренических бредней и просто антиэстетики.

© 1997 by John Wiley & Sons, Inc.



Маястро открывает грозную статую в

**ВСЕГДА
не верьте
тому что
кажется,
верьте
ТОЛЬКО
доказательствам.**



Чарльз Диккенс. «Большие надежды» 1861 г.







Человек



PICTOCOLLEGE



ENGINEER
(PRESSURE SUIT)

PROMETHEUS



WARNING: CHOKING HAZARD
- Small parts. Not for children under 3 years.

Ages 17 & UP